

КАЗАХСТАН - СПЕКТР
аналитические исследования

КАЗАХСТАН – 2030

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

Шеф
редактор: Е. К. Ертисбаев,
Директор Института

Исполнительный
редактор: С. М. Акимбеков

Технический
редактор: Е. Н. Урсул

Адрес
редакции: Республика Казахстан, 480100,
Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04
Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kaziss.alma-ata.su

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.

Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

© казахстан - спектр

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тажин М. М.
Тараков Л. Ю.
Сыроежкин К. Л.
Султангалиева А. К.
Ирмуханов Б. Б.
Малинин Г. В.

КАЗАХСТАН - СПЕКТР
№ 1 (11), 2000
СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАХСТАН

- Ертисбаев Е. К.* Особенности электорального поведения
на выборах 3
- Дьяченко С. А.* К вопросу об оценке выборной кампании
1999 года в представительные органы
Республики Казахстан и нового состава
Парламента страны 36
- Латыпаев Ш. Т.* Деятельность иностранных компаний на
территории Республики Казахстан - угроза
экономической безопасности государства? 42
- Смирнов С. Л.* Неликвидность реального сектора
экономики Казахстана - угроза
национальной безопасности 54

ВОКРУГ КАЗАХСТАНА

- Сыроежкин К. Л.* Взаимоотношения Китая с государствами
Центральной Азии 78
- Губайдуллина М. Ш.* Геополитические контуры Центральной Азии:
факторы и риски 101

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Зуев Ю. А.* По поводу личности Ермака 117

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Исмагамбетов Т. Т.* Проблема устойчивого развития и символ
единого бытия 122

- РЕЦЕНЗИИ** 141
SUMMARY 165
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 167

KAZAKHSTAN - SPECTRUM
№ 1 (11), 2000
CONTENTS

KAZAKHSTAN

- Ertysbaev E. K.* Peculiarities of electoral behavior 3
- D'iachenko S. A.* According to the question of electoral campaign
in parliament of the Republic of Kazakhstan 36
- Latypaev Sh. T.* Is the foreign companies activity on the Republic
of Kazakhstan territory - a threat to economic
security of the state? 42
- Smirnov S. L.* Unliquidity of real sector of Kazakhstani
economy - a threat for the National Security 54

AROUND KAZAKHSTAN

- Syroezhkin K. L.* The system of relationship between China
and Central Asia states 73
- Gubaidullina M. Sh.* The geopolitical frames of Central Asia:
factors and threats 101

HISTORY PAGES

- Zuev U. A.* On the person of Ermak 117

GLOBAL PROBLEMS OF THE MODERN TIMES

- Ismagambetov. T. T.* Problem of sustainable development and symbol
of One being 122

- THE REVIEW 141
- SUMMARY 165
- ABOUT THE AUTHORS 167

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ НА ВЫБОРАХ

Ертысбаев Е. К.

Одной из главных особенностей анализа выборов в современных условиях становится изучение поведения избирателей. Политический выбор избирателя не есть абсолютно свободное изъявление исключительно его собственной воли, а результат действия самых различных факторов, закономерных или случайных, которые в большинстве случаев определяют выбор избирателя задолго до того, как он переступает порог избирательного участка. В современной политической науке разработано несколько моделей, объясняющих электоральное поведение избирателей. К числу этих моделей можно отнести модель социального положения, модель партийной идентификации, модели голосования за качества лидера, модель идеологического голосования, модель экономического голосования, модель рационального выбора и многие другие модели.

В исследовании политического поведения заслуженно лидируют представители американской политологической школы. Большинство их методик основано на использовании методологических положений бихевиоризма, позволяющих всесторонне исследовать механизм формирования электорального поведения избирателей под воздействием количественно определяемых факторов общественно-политической жизни. Первыми разработками в этой области являются исследования Ч.Е.Мериама, Х.Ф.Гознела и С.Райса, попытавшихся найти оптимальный набор экспериментальных вариантов применения количественных процедур при проведении электоральных опросов¹.

Последующее развитие методики опросов избирателей для выявления механизма их электорального поведения получили в работах П.Лазерфельда и Б.Берельсона, которые впервые дифференцировали избирателей по степени устойчивости их электоральных ориентаций, и выявили причины, побуждающие различные группы колеблющихся избирателей изменять свои предпочтения². Они считали, что при анализе выбора избирателя, должны учитываться показатели как социально-экономического статуса опрашиваемых, так и территориальные, демографические характеристики, национальность, религиозные предпочтения, а также воздействие средств массовой информации. Выяснение влияния приведенных характеристик, по мнению ученых, позволяло определить выбор избирателей.

В работе Б.Берельсона, П.Лазарсфельда и У.Макфи, вышедшей в 1954 г., и обобщавшей результаты исследований, проведенных во время президентской кампании 1952 г. в США, были подтверждены выявленные ранее закономерности, а также делался вывод о малой эффективности различных предвыборных мероприятий и агитационных кампаний в СМИ. Газетным публикациям, по подсчетам авторов, уделяла хотя бы минимальное внимание только половина опрошенных, причем газеты читали только люди с уже сложившимися политическими убеждениями и симпатиями. Так появилась на свет "модель ограниченного эффекта": политическая кампания привлекает внимание латентных сторонников того или иного кандидата, усиливает активность сторонников нерешительных, но широкого конверсионного эффекта она не имеет.

Чрезмерная сконцентрированность ученых из Колумбийского университета на социодемографических характеристиках электората как главных переменных политического анализа, преувеличенное значение, придаваемое изначальной политической приверженности, неспособность различать нюансы в спектре воздействий, оказываемых агитационной кампанией, обнаружили слабые стороны социологически ориентированных исследований и предопределили эволюцию бихевиоралистского направления в сторону социопсихологического подхода. Он был реализован в трудах группы Энгаса Кэмпбелла из Мичиганского университета США.

Впоследствии в орбиту исследований были включены анализ политических и социальных структур, общественных институтов, профсоюзов и политических партий, межличностных взаимодействий в формировании политической позиции. Избиратель стал многомерен, но факторы, определяющие его выбор, часто ранжировались произвольно³. Дальнейшее развитие американских методик исследования электорального поведения происходило по пути слияния бихевиоральной методологии и пришедшей из Европы "экологической" школы, настаивающей на решающем воздействии факторов окружающей среды в формировании политического поведения индивида.

Наиболее известной разработкой в области политического поведения являются теория рационального выбора, которая представляет одно из наиболее известных направлений американских политологических школ. Согласно этой теории, все люди в области политики осознанно стремятся к максимальной реализации своих интересов, учитывая значимость альтернативных целей и эффективно действуя во имя достижения желаемого.

По нашему мнению, возникновение теории рационального выбора уходит корнями в концепцию интереса, разработанную в трудах Гегеля, Маркса, Энгельса. А.Смит выражал это известной формулой, согласно которой стремление отдельных личностей к собственной выгоде

"направляется" невидимой рукой таким образом, что это наиболее эффективно содействует интересам общества, чем, если бы в своей деятельности люди руководствовались общими интересами. Ф.Хайек также утверждал, что совокупность индивидов, преследующих свои частные цели, обеспечивают для общества наибольшее благо. Наиболее полно постулаты теории рационального выбора представлены в работе Майкла Лавера "Политика частных желаний"⁴. Лавер предлагает:

1. Рассуждайте, как если бы политический мир состоял только из индивидов и их целей.

2. Предположите, что индивиды разумно избирают свои цели. Рациональные решения предполагают отбор наиболее приемлемых средств для достижения желаемых целей.

3. Цели могут быть самоценными или инструментальными, полезными для достижения самоценных целей.

4. Первые - это цели личные и асоциальные; инструментальные цели социальные. Личные цели - это те, достижения которых мы добиваемся ради самих себя. Социальные цели соотносятся с другими, например, защита нации, и несут в себе такие явления, как уважение, популярность, которые зависят от оценки индивида другими людьми. То есть социальные цели всегда являются рефлексивными.

5. Так как индивиды всегда высоко ценят личные цели и почти всегда стремятся улучшить свое экономическое положение, личный интерес обычно определяется как стремление обеспечить благополучие индивида.

Такое разделение целей помогает сторонникам концепции рационального выбора избежать утверждений, что любое поведение рационально, поскольку может быть определено предполагаемой целью.

Проблема электоральной политической активности исследуется приверженцами теории рационального выбора как пример коллективных действий, в реализации которых основную роль играет рациональный интерес личности. Известный представитель школы, автор концепции "рыночной демократии" А.Даунс пишет: "Каждый рациональный человек принимает решения относительно голосования так же, как он принимает все другие решения: если доход превышает издержки, он голосует; если нет - он воздерживается"⁵.

Проблема состоит в трудности определения личной выгоды, получаемой большинством голосующих, в то время как относительно легко подсчитать издержки голосования. Даунс утверждает: "Если издержки голосования существуют, погоня за быстротечными результатами может привести к падению демократии. Каким бы невероятным не казался этот исход, он настолько катастрофичен, что каждый гражданин желает понести, по крайней мере, некоторые издержки для того, чтобы обезопасить себя от него. Чем более он вероятен, тем большие издержки будут понесены".

А. Даунс считал необходимым рассматривать электоральный выбор исходя не только из социального опыта, но и с учетом влияния экономических факторов. Он исходил из того, что избиратели являются рациональными людьми, выбор которых зависит от экономического благополучия общества и его членов, а сам процесс голосования рассматривается как рынок, в котором избиратель продает свой голос в ожидании компенсации. В рамках исследований данного направления сочетаются различные методы социологического, статистического, психологического порядка.

Настаивая на важности анализа многочисленных и разнообразных явлений на уровне индивида, теория рационального выбора целиком опирается на дедуктивную логику. Эмпирические доказательства привлекаются здесь, скорее для иллюстрации, а не для тестирования предложений теоретиков этой школы.

Марк Либах, другой представитель этой школы, утверждает, что главным в исследовании политической активности индивида является понимание того, что предпочтения каждого человека в выборе целей и способов достижения результатов ориентированы не на других, а на самого себя. Сторонники такого подхода рассматривают политику через призму индивидуального поведения. По их мнению, группы и нации не действуют как таковые: политика не делается ни правительствами, ни лицами, занимающими определенное положение. Объяснение политики должно, в соответствии с этим, фокусировать внимание на поведении индивидов и рассматривать преследуемые ими цели.

В рамках данной теории Рикер и Ордецук развивают новое направление - теорию коллективных действий, в которой исследуют политическое поведение партий и правительства, наделяя их функциями индивида, рационально просчитывающего варианты выбора своей деятельности для достижения реализации собственных целей. В результате математического обоснования своего утверждения они выводят "принцип размера". В социальных ситуациях, когда существует некоторое количество соревнующихся и определенное число победителей и проигравших, и когда существует необходимость в создании союзов, коалиций, - последние будут формироваться в возможно минимальных размерах⁶. Поскольку это абстрактная истина, они утверждают, что политические союзы не удовлетворяют калькуляциям, основанным на политических идеологиях и принципах, различиях в стиле политики в разных культурах, или отдельных существующих в парламенте партийных конвенциях. Скорее, политические партии пытаются контролировать правительственные организации, преследующие цели максимального удовлетворения своих интересов, и, конечно, они пытаются делить добычу с минимальным количеством партнеров.

Классическая "американская модель" представлена в работе "Кто голосует"⁷. Ее авторы Раймонд Вольфингер и Стивен Розенстоун показывают, как анализируется проблема электорального поведения

в США. В основе их исследования лежит определение мотивов, которые заставляют избирателя идти на выборы, то есть его психологические характеристики и личностные установки. В данном случае речь идет как о применении структурно-функционального метода исследований, так о об институциональных исследованиях, а также о переходе с индивидуального уровня исследований на групповой. Доказательная логика исследований основывается на том, что сугубо личностные, частные характеристики кардинально воздействуют на поведение избирателей.

Первым шагом исследователей является распределение групп лиц на основе стандартных демографических характеристик, образования, дохода, статуса, рода занятий, пола, семейного положения, национальности, места проживания, времени проживания. Эти данные дополняются информацией о политической среде проживания каждого респондента, специфика, которая определяется типом политической культуры.

Следующим шагом является использование сведений о мотивациях и психологических характеристиках избирателей, полагая, что объяснение политического феномена требует микроуровня или индивидуального уровня анализа. Вольфингер и Розенстоун отвергли концепцию Сиднея Вербы и Нормана Ни, утверждающих, что различия социального статуса определяют степень вовлеченности граждан в политику. По мнению Вольфингера и Розенстоуна, стандарты изменения принятия концепции социального и экономического статуса не валидны, и поэтому любая гипотеза, основанная на них, не имеет значения. Факторов, воздействующих на процесс политического участия, гораздо больше.

В работе "Кто голосует" ясно показана значимость выявления установочных диспозиций голосующих для объяснения активности в голосовании, связывающих демографические характеристики избирателей с их психологическими и мотивационными концепциями. Наиболее важными для нашего исследования являются следующие положения.

1. Люди, имеющие установки и навыки, которые облегчают обучение политике, характеризуются наличием мотивов для участия в выборах. Значимые различия в количестве голосующих среди различных групп людей объясняются различием мотивов для участия в голосовании.

2. Характеристики людей, бросающих бюллетени в избирательные урны, не являются точным отображением демографических характеристик генеральной совокупности. Избиратели не являются миниатюрной моделью всей совокупности граждан. Это искаженный образец, увеличивающий удельный вес некоторых групп и уменьшающий других. Наиболее не представлены в нем ущемленные по разным признакам граждане - молодежь, безработные, мигранты и т. д.

3. Значимых различий в политических установках голосующих и не голосующих нет. Политические предпочтения не объясняют активность на выборах и два эти понятия должны рассматриваться как независимые друг от друга.

На основе изучения политических установок "школа социального научения" (разновидность социального бихевиоризма) А.Бандуры и Р.Уолтерса разработала эффективную методику прогнозирования психических мотиваций электорального поведения, жестко детерминированного по отношению к управляющему субъекту⁸.

Известна "мичиганская модель" электорального поведения. Данное направление всесторонне исследует установочные мотивы поведения разных субъектов политики. Сформулированное Ангусом Кэмпбеллом, Филлипом Конверсом, Уорреном Е.Миллером и Дональдом Е.Стоком утверждение гласит, что психологическая идентификация индивида с политической партией связана с поддержкой этой партии на выборах⁹. Партийная идентификация определяет восприятие и оценку политической информации и поведения, даже в случае отсутствия формального членства в данной партии. Избиратель голосует за кандидата, по отношению к которому у него сформировался максимум благоприятных установок. В случае отсутствия такого кандидата избиратель голосует в соответствии со своим партийным членством или не голосует вообще. Ученые рассматривали электорат как простую совокупность избирателей, а голосование, как отдельный акт, определяемый внутренними мотивами, поэтому главное внимание в анализе выборов они уделяли социально-психологическим характеристикам и, прежде всего, установкам.

С точки зрения исследователей Мичиганской школы, выбор избирателей определяется взаимодействием трех совокупностей вариаций установок. Первая состоит в партийной идентификации. Две другие - это отношение к событиям дня и чувства, испытываемые к кандидатам (быстротечные характеристики). Основатели этой школы предположили, что партийная идентификация, как наиболее стабильная из этих характеристик, воздействует на две другие объяснительные переменные так же, как и на выбор избирателя при голосовании.

В основе исходной привязанности к политической партии, по мнению исследователей, лежат ни классовая позиция индивида, ни уровень образования, ни национальность или религия, а процессы политической социализации, действующие опосредованно через семью, которые оформляют партийную идентификацию ребенка. В этом плане сила партийной идентификации может рассматриваться как прямая функция возраста. На сегодняшний день мичиганская модель голосования является в США наиболее распространенной.

Большое внимание изучению электорального поведения уделяют европейские ученые. Проблема политического сознания, на наш взгляд, наиболее полно раскрыта в работах представителей Франкфуртской

школы, стоящих на позициях левого психоанализа. Х.Аренд, Д.Дьюи, Э.Канетти, Г.Маркузе, Э.Фромм, рассматривали проблему через призму взаимоотношений политической системы, общественного сознания и политического сознания личности, и акцентировали особенное внимание на проблемах человека, живущего в тоталитарном обществе¹⁰.

Французский демограф А.Зигфрид, основатель "экологической школы" в политологии, создал направление "избирательная география", в соответствии с которым формирование политических взглядов населения, лежащих в основе электорального поведения, обусловлено особенностями исторического, социально-политического и административного формирования страны, нынешней социальной структурой, религиозными предпочтениями, влиянием внешней среды¹¹.

Под определяющим влиянием географического подхода и "экологической" школы, параллельно с французскими, развивались первые исследования электорального поведения в Италии, представленные именами Э.Каранти, Ф.Компани, В. де Капрарриса¹². Последующая переориентация итальянской политической социологии на социально-структурные аспекты исследования происходила в направлении, аналогичном французской политологической школе при активном участии М.Догана.

Основные исследования по проблеме электорального поведения английских ученых проводились по методологии Лазарсфельда, но с более явным акцентом на "социальный класс", как совокупность социоэкономических позиций и интересов. При оценке социально-психологических процессов во внимание принимались не только индивидуальные особенности, но и групповые воздействия. Больше внимание, чем в американских работах, уделялось влиянию на электоральное поведение общественно-политических структур, делался упор на электоральное поведение отдельных социальных групп.

Ричард Роуз и Ян Макаллистер в своей работе "Избиратели начинают выбирать: от строго-классовых к открытым выборам в Великобритании" (1986) предлагают для объяснения мотивов выбора избирателей рассмотреть модель "обучения в течение жизни". Их анализ использует пять категорий, содержащих в общей сложности 18 объясняющих переменных. Это: социализация несовершеннолетних; партия и класс отца; образование и религия; социоэкономические интересы; обеспеченность жильем; членство в союзах; национальность; класс, к которому относится избиратель; политические принципы; социализм; благополучие; расизм; традиционная мораль; текущая деятельность партий; лидеры; оценки правящей партии; оценка определенных важных событий, кампаний и экспектации на будущее; наличная партийная идентификация.

Модель описывает рассуждающий электорат, который учится с возрастом и принимает решения по голосованию, основываясь на изменяющейся и сложной совокупности факторов. Простое

объяснение считается здесь неприемлемым. Использование этой модели, по мнению авторов, дает возможность четкого разделения избирателей-консерваторов и избирателей-либералов; обнаруживает большую значимость политических факторов, чем факторов, связанных с процессами социализации и социальными и экономическими интересами. Не соглашаясь с моделью Мичиганской школы, Роуз и Макаллистер отрицают полезность показателя партийной идентификации. Их анализ продемонстрировал экстраординарную изменчивость в значимости текущей партийной идентификации. Многие британцы, утверждают они, не думают о себе, как о приверженцах партии, поэтому электоральные исследования не должны использовать показатели партийной идентификации.

Вопрос о типологизации различных формул голосовального поведения достаточно сложен. Теоретические выкладки, доказавшие свою продуктивность для изучения политических процессов в США, малоприменимы при анализе европейских реалий. В свою очередь, закономерности и тенденции, выявленные в контексте западноевропейского политического развития, "пробуксовывают" в Восточной и Центральной Европе. Тем не менее, исследования продолжаются, как в западной политической науке, так и в российской, и в казахстанской. Достаточно плодотворной считается сейчас гипотеза совмещения различных поведенческих формул, в рамках которых осуществляется электоральный выбор, например, рациональной и эмоциональной.

Большой вклад в разработку этой проблематики внесли российские исследователи. Следует особенно отметить фундаментальные издания Центральной избирательной комиссии Российской Федерации¹³. Активно работают по исследованию электорального процесса в России социологические службы, такие как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд "Общественное мнение", Институт социально-политических исследований РАН, Институт социологии парламентаризма, Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИС и НП), служба "Vox populi", Агентство "Российское общественное мнение и исследование рынка" (РОМИР), социологические подразделения МГУ, Российской академии государственной службы при Президенте РФ и другие.

Анализ трудов российских исследователей показывает неоднозначность их подходов к изучению данной проблемы. Так, А.И.Ковлер считает, что на политическую ориентацию избирателей оказывают серьезное влияние субъективные факторы (идеологические установки, интерес к политике) и объективные факторы (условия и характер трудовой деятельности, материальный и культурный уровень, пол, возраст, религиозные и географические различия и связанные с ними политические традиции, местное и политическое окружение). Свое видение автор изобразил в виде модели поведения избирателей.

См. Общая модель избирательного поведения¹⁴.

А.А.Нещадин и М.В.Малютин предложили многослойную и многоуровневую модель электорального процесса России¹⁵. Главными субъектами в ней являются более или менее устойчивые группы избирателей, различающиеся по своим политическим ориентациям. Это "Либералы" - избиратели, которые в 1991 году голосовали против сохранения СССР (более 20 млн. голосов), а на парламентских выборах 1995 года поддерживали "Демократический выбор России" Е.Гайдара, "Яблоко" Г.Явлинского и др. (10-12 млн. голосов). "Партия власти", выделившаяся из либерального электората, набрала на выборах 1995 года более 9 млн. голосов ("Наш дом - Россия", "Блок Ивана Рыбкина" "Союз труда" и др.). К "левотрадиционалистам" относятся избиратели, проголосовавшие на президентских выборах 1991 года за Рыжкова, Тулеева, Макашова (22 млн.голосов), на парламентских выборах 1995 года за КПРФ, а в 1 туре президентских выборов 1996 года за Г.Зюганова. "Державники" представляют собой слой избирателей, голосовавших в 1995 году за ЛДПР и другие движения национал-патриотической ориентации (13 млн.). "Центристы" (10-12млн.) - это те избиратели, которых не устраивает ни Гайдар с Явлинским, ни Зюганов с Анпиловым, ни Жириновский с Руцким. Остальные избиратели - это огромное "болото" неопределившихся и не желающих участвовать в голосовании людей. При этом либеральный, державный и центристский электораты, по мнению представителей данного подхода, находятся в стадии становления, т.е. не представляет собой устойчивых групп.

Несколько иная схема анализа российского электората на президентских выборах 1996 года была предложена В.Боксером, М.Макфолом, В. Остапчевым¹⁶. Они также считают, что электоральный процесс является результатом взаимодействия устойчивых групп избирателей. Но предлагают иную классификацию. Во-первых, это

оппозиционные режиму избиратели (35%), которые голосовали в декабре 1995 года за КПРФ, Аграрную партию, блоки "Державу" и "Власть - народу". Во-вторых, проельцинский электорат (16%), группирующийся вокруг избирательных объединений "Наш дом - Россия", "Демократический выбор России" и "Вперед, Россия!". Сторонники третьей силы, голосовавшие за "Яблоко", "Конгресс русских общин", Партию самоуправления трудящихся, составили 16% избирателей, 11% избирателей голосовали за ЛДПР. Остальные же 21% голосовавших составляли "болото" - это те избиратели, которые выбрали неполитические и мелкие избирательные объединения.

По мнению Н.В.Капранова, важнейшим идентификатором политической позиции является отношение избирателей к федеральным органам власти и проводимому ими политическому курсу. Это отношение является основанием для выделения двух устойчивых типов электората: лояльного властям и оппозиционного властям электората. Каждый из этих двух типов электората имеет свои демографические, географические, социальные и политические характеристики¹⁷. На выбор той или иной модели политического поведения оказывает влияние, как известно, множество факторов. В целом их можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это факторы внешнего характера - принадлежность человека к определенной социально-профессиональной группе, его пол, возраст, религиозность, национальность, место проживания, а также степень информированности, характер и интенсивность пропагандистского воздействия со стороны СМИ, формы политической социализации, проводимой государством и политическими лидерами. С другой стороны, это факторы внутреннего характера. В этом случае на выбор влияют индивидуальные особенности человека. Именно от них зависит степень усвоения человеком любого оказываемого на него внешнего воздействия. Ценностно-нормативное регулирование, таким образом, играет особую роль в мотивационном механизме.

Участие в выборах - это особый тип социального действия, включающий и участие в коллективном действии, и индивидуальное действие (сам акт голосования). Сама публичность участия в выборах предполагает действие механизмов социального контроля, что неизбежно обуславливает давление на участника голосования социально одобряемого образца электорального поведения. Следовательно, каждый избиратель в той или иной мере учитывает доминирующие, на его взгляд, предпочтения других избирателей того или иного кандидата.

Российскими социологами и политологами выработаны различные подходы к определению факторов, влияющих на позицию избирателей во время голосования. Среди них:

- изменение в ту или иную сторону материальных условий жизни;

- описание, анализ и оценка электората как такового (дифференциация по принадлежности к социальным группам и особому рода общностям, демографическим характеристикам, месту проживания, профессиям, социальному и имущественному положению, статусу и т.п.). Путем установления корреляционных зависимостей фиксируется смещение политических ориентаций и предпочтений, что дает возможность спрогнозировать электоральное поведение;

- выявление специфики электората отдельных партий и лидеров (его структура, характер, возможности и масштаб влияния политических субъектов на отдельные электоральные группы - молодежь, женщин, пенсионеров, работников государственных структур или предпринимателей), уровень и "адресность" воздействия лидера (партии) по территориям, определение причин абсентеизма;

- оценка факторов, поддерживающих или изменяющих конкретное электоральное поведение;

- дифференциация избирателей по степени устойчивости их электоральной ориентации - твердые сторонники (противники) какой-то партии или лидера колеблющихся;

- установление предположительных причин, способных побудить различные группы колеблющихся избирателей изменить свои намерения в ходе предвыборной кампании, накануне выборов и в сам момент голосования;

- соотнесение электоральных ориентаций и поведения с другими группами показателей (типологический анализ)¹⁸.

Сочетание этих методик исследования позволило российским ученым ко второй половине 1990-х годов создать модель предсказания итогов выборов с весьма удовлетворительной (за исключением ряда случаев) точностью. Особое внимание уделялось оценке факторов, поддерживающих или изменяющих электоральное поведение. Например, Ф.Э. Шереги, анализируя электоральную ситуацию в России в ходе президентских выборов 1996 года, подчеркивал, что они проходили в условиях:

1) острого противоречия производящей и "иждивенческой" частей населения (последние не только пенсионеры, но и работники нерентабельных предприятий, коих сегодня большинство в отраслях производства и, в особенности, в сельском хозяйстве);

2) столкновения двух субкультур - молодого и старшего поколения. Данная тенденция характерна для всех стран бывшего социализма, в связи с чем политики, ориентирующиеся сугубо на кажущиеся классически актуальными интересы различных социально-профессиональных групп населения, в итоге удивляются "силлогизму" поведения последних на выборах;

3) когда социальная структура населения несет на себе отпечаток архаичности из-за того, что доля сельского населения превышает оптимальную "производственно-технологическую" норму в 3 раза;

4) когда ожидания основных масс населения связаны не с перераспределением трудовых доходов (большинство предприятий нерентабельные), а с перераспределением государственного бюджета, источник которого для массового сознания "завуалирован". В этом случае ожидания масс дистанцируются от прагматичного принципа распределения по труду и приобретают демагогически-идеологическую форму, что выливается уже не просто в требование социальной справедливости в виде "коррекции" трудовых отношений, а в смену политической системы путем реорганизации распределительных отношений (восстановления уравниловки)¹⁹.

Обозначенная выше нетрадиционная, можно сказать, надпартийная политическая структура населения, выраженная в разделении общества на две диаметрально противоположные идеологические группы - сторонников и противников реформ, сделала нецелесообразным (да и невозможным) участие Б.Н. Ельцина в выборах от имени одной партии.

Наиболее оптимальным в подобной ситуации является "статус общенародного президента", призванного не просто к защите чьих-то интересов, а к сохранению социальной стабильности в стране. Такой "статус" обязывает к представительству общенациональных, общегосударственных интересов. А это означает, что в предвыборной агитации приходится ориентироваться как на интересы "производящей", так и "изживенческой" части населения. Такое сочетание интересов - задача довольно сложная и для её решения кандидату в президенты приходится прибегать к социальной демагогии, что и происходило в период избирательной кампании весной-летом 1996 года.

Принято считать, что выбор избирателя более прочен, если он осознан. Чем более осознан выбор, тем в меньшей степени избиратель может стать объектом манипуляции. В соответствии с этим честный политик должен стремиться к тому, чтобы избиратель делал именно осознанный выбор. О.П.Кудинов и Г.А.Шипилов предложили следующую модель электорального поведения избирателя в период проведения политической рекламной кампании. Они предложили разделить избирателей на семь групп по степени готовности к восприятию политической информации. Это: апатично-индифферентная; стереотипная; неинформированная; эмоциональная; идеологизированная; рационально-воспринимающая (на основе учета личных интересов); моральная (воспринимающая на основе базовых ценностей и морали)²⁰. Эти группы представляют собой своеобразную иерархию, характеризующую увеличение личной включенности избирателей в выборный процесс и принятие ими ответственности за личный выбор.

Данная типология групп и состояний исходит из того, что под влиянием политической рекламы избиратели могут изменить свое отношение к процессу выборов, и вместе с тем дает основание для разворачивания агитации и пропаганды. В этой связи огромный интерес представляет классификация типов избирателей по

механизму принятия решений, предложенная экспертами фонда "Общественное мнение". Они выделили шесть типов избирателей: лабильный тип (решение принимается под влиянием внешних факторов, может меняться и колебаться); ригидный тип (решение принимается и не меняется); предопределенный тип (решение принимается, исходя из вполне определенной системы значимых критериев); спонтанный тип (проявляется неустойчивость по отношению к системе критериев и их значимости); рациональный тип (решение принимается после взвешивания многих "за" и "против"); эмоциональный тип (решение принимается под влиянием чувств, симпатий, антипатий).

Особое внимание анализу электорального поведения уделяют казахстанские ученые. Большую работу в этом направлении проводят Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Республиканский центр изучения общественного мнения, Информационно-аналитический центр парламента Республики Казахстан и другие. Анализ широкого круга социологических исследований позволяет изучить поведение избирателей в электоральных процессах.

При анализе электорального поведения на выборах 1994 года заслуживает внимания социологическое исследование "Выборы глазами избирателей", проведенное Информационным центром Верховного Совета Республики Казахстан. Группы общественно-политической информации и социологического анализа и прогнозирования Центра провели в феврале-марте 1994 года три опроса общественного мнения жителей г. Алматы по вопросам выборов в Верховный Совет и местные представительные органы Республики Казахстан. Первый опрос (448 респондентов) был проведен за месяц до выборов, второй (439 респондентов) за три дня и третий (511 респондентов) сразу после выборов. Объем выборки, половозрастная и социально-профессиональная характеристики являются репрезентативными и позволяют сделать обоснованные выводы относительно социально-политических оценок и позиций различных категорий населения г. Алматы.

Сравнительный анализ позволяет выявить отношение людей к прошедшим выборам, определить политическую активность населения в день выборов, социально-профессиональные характеристики политически активных алматинцев, определить мотивы, побудившие горожан принять участие в голосовании, выяснить политические предпочтения избирателей, критерии, предъявляемые избирателями к кандидату в депутаты, степень информированности электората о кандидатах в депутаты на момент выборов.

Сравнительный анализ результатов первого и второго опросов показал, что предвыборная агитация практически не повысила интереса избирателей к выборам в представительные органы власти,

даже выявилось некоторое его снижение. По данным анкетирования, завершившегося за три дня до выборов, лишь 17,8% алматинцев (за месяц до выборов было 17,6%) очень интересовали предстоящие выборы, более половины опрошенных - 52,6% (за месяц до выборов 55,1%) интересовались выборами в определенной мере, 29,4% высказывали к ним полное безразличие (за месяц до выборов 27,2%). Не изменилось также и количество респондентов, принявших окончательное решение не участвовать в выборах - 26,6% (за месяц до выборов 26,3%), 24,6% за три дня до выборов еще не приняли решения (за месяц до выборов 26,8%). Произошло некоторое увеличение числа избирателей принявших решение участвовать в выборах - 48,1% (за месяц до выборов 44,2%).

По результатам третьего опроса в выборах участвовало 64,6% опрошенных алматинцев (по данным Центризбиркома приняли участие в голосовании 62,8% избирателей г. Алматы). Наиболее высокую активность проявили пенсионеры - 89,5% от их числа пришли на избирательные участки. Активными в день выборов были также 75% военнослужащих, 74,4% ИТР и служащих, 69% творческой и научной интеллигенции, 65,9% рабочих, которые составляют 33,9% от общего числа голосовавших. Менее активными были преподаватели и врачи (61,5% от их числа), учащиеся и студенты (50,9% от их числа), предприниматели и бизнесмены (50% от их числа), работники правоохранительных органов (41,2% от их числа). Низкий процент последних, возможно, связан с тем, что среди них преобладают работники милиции (средний и младший состав), которые были непосредственно заняты обеспечением порядка во время выборов.

По возрастному признаку степень участия в выборах прямо пропорциональна возрасту избирателей. Наибольшую активность проявили люди пожилого и зрелого возраста: 87,5%, - свыше 60 лет, 73% - от 50 до 59 лет, 74,8% - от 40 до 49 лет, 59,4% - от 30 до 39 лет. Менее всего была представлена на выборах группа избирателей от 25 до 29 лет - 49,2% от их числа. В то же время, среди участвовавших в выборах нет существенного различия по национальному признаку - проголосовало 61,3% казахов и 69% русских. Как видно из этих цифр русское население г. Алматы было несколько активнее казахского (в Алматы проживает около 600 тысяч русских и около 250 тысяч казахов).

Какие же мотивы побудили почти две трети алматинцев участвовать в голосовании? Более половины от их числа (55,8%), объяснили свое решение гражданским долгом. Заботой о демократическом развитии общества объяснили свое участие в выборах 22,5% политически активных граждан. Необходимость совершенствования законодательства повлияла на решение 19,7% горожан, участвовавших в выборах. В числе мотивов, повлиявших на их выбор, 14% проголосовавших горожан назвали необходимость защитить интересы своей нации (так мотивировали свое участие в выборах

13,9% казахов от их числа и 17,2% русских). Необходимостью избрания профессионального парламента как противовеса исполнительной ветви власти объяснили свое решение 13,3% респондентов. Только 7,67% обосновали свой мотив симпатиями определенному кандидату (за месяц до выборов было 6,2%). Низкий процент, по данному мотиву, свидетельствует о явном дефиците политических деятелей, пользующихся авторитетом и известностью среди алматинцев. Результаты исследования показали, что предвыборная кампания существенно не увеличила количества политических лидеров, пользующихся доверием горожан. Симпатиями определенной общественно-политической организации объяснили свой мотив лишь 1,2% горожан.

Интерес представляют мотивы, приведшие более трети опрошенных алматинцев (35,4%), к решению отказаться от участия в выборах. Преобладающие большинство отказавшихся голосовать (70,3%) объяснили свое неучастие неверием, что в результате выборов что-то изменится, 69,2% посчитали, что все равно выберут тех, кого хочет власть. Безразличием обосновали свое неучастие в выборах 9,2% респондентов. Такой же процент от их числа мотивировали свой отказ неинформированностью, а еще 9,1% полагали, что их личные проблемы важнее выборов²¹.

Ответы на вопрос о политических пристрастиях респондентов выявил невысокую популярность общественно-политических организаций республики. Ниже приводится сравнительная таблица рейтинга партий, движений и союзов Казахстана за три дня и за месяц до выборов.

место за 3 дня	место за месяц	Партии, движения, союзы	за 3 дня	за месяц	+
1	1	Союз Народное Единство Казахстана	12.1	14.5	-2.4
2	3	Коммунистическая партия	9.6	9.8	-0.2
3	10	Независимые кандидаты	9.1	3.1	+6.0
4	6	ДК по правам человека	8.9	5.1	+3.8
5	4	Союз ветеранов	8.9	6.5	+3.4
6	2	Славянское движение "Лад"	3.9	11.6	-7.7
7	7	Народный Конгресс Казахстана	3.6	4.5	-0.9
8	5	Союз женщин	3.2	5.6	-2.4
9	8	Ассоциация юристов	3.0	4.5	-1.5
10	12	Союз молодежи	3.0	2.5	+0.5
11	9	Конгресс предпринимателей	2.3	4.0	-1.7
12	15	Социалистическая партия	2.1	1.1	+1.0
13	14	Союз инженеров	1.6	1.3	+0.3
14	20	Партия "Желтоксан"	1.4	0.5	+0.9
15	16	Республиканская партия	0.9	0.9	0
16	21	Творческие союзы	0.9	0.5	+0.4
17	17	Гражданское движение "Азат"	0.7	0.9	-0.2
18	13	Крестьянский союз	0.7	1.3	-0.6
19	19	Независимый профцентр	0.7	0.9	-0.2
20	18	Партия "Алаш"	0.5	0.9	-0.4
21	11	Федерация профсоюзов Казахстана	0.2	2.5	-2.3

Не определились в своих политических симпатиях за три дня до выборов 22,7% опрошенных алматинцев (за месяц до выборов неопределившихся было 39,5%)²².

Невысокая популярность в преддверие выборов политических партий, движений и союзов Казахстана, видимо, объясняется тем, что к середине 90-х годов процесс становления многопартийности в только начинался и пока еще рано было утверждать о формировании сколько-нибудь устойчивой партийно-политической структуры, о четком размежевании политических сил. Результаты второго опроса показали, что за три дня до выборов с предвыборными программами общественно-политических организаций были незнакомы 39% респондентов (за месяц до выборов 45,1%), недостаточно были знакомы 22,8% опрошенных (за месяц - 25,9%), примерно были знакомы 22,6% (за месяц - 21%) и только 13% горожан были знакомы с предвыборными программами (за месяц - 6,7%). Несмотря на увеличение процента избирателей, ознакомившихся к концу избирательной кампании с предвыборными программами общественно-политических организаций, результаты исследования выявили тот факт, что политические партии упустили хороший шанс, предоставляемый предвыборным марафоном, для широкой пропаганды своих платформ. Надо отметить, что власть чинила всяческие препятствия партиям и их кандидатам во время предвыборного марафона. Например, каждая партия имела возможность выступить по республиканскому телевидению 20 минут в прямом эфире (10 минут на русском языке и 10 минут на казахском языке), но заранее телезрители не были оповещены и в газетных программах телевидения эти выступления не были обозначены.

На вопрос о критериях, которыми руководствовались избиратели при определении своих избранников, по итогам третьего опроса были получены следующие результаты. В первую очередь алматинцы обращали внимание на компетентность кандидатов в депутаты (15,7% опрошенных); независимости позиции кандидатов отдали предпочтение 13,7% респондентов; моральные качества кандидатов (неподкупность, верность слову) предпочли 12,7%; привлекательность предвыборной программы кандидатов повлияла на решение 8,6% избирателей; культура общения, образованность и интеллигентность импонировала 7,6% горожан; патриотизм кандидатов был важен для 7,2%; принадлежность кандидатов к определенной общественно-политической организации повлияла на решение лишь 6,3%. Избирателей; только 6,1% респондентов руководствовались национальной принадлежностью кандидатов. Данные третьего опроса о степени информированности о кандидатах в депутаты до выборов показали, что только пятая часть алматинцев (20,8%) знала тех, кто зарегистрирован в их избирательных округах, 23,3% знали о них приблизительно, 44,67% вообще ничего не знали о кандидатах в депутаты своих избирательных округах. Сделали свой выбор заранее 29,4% опрошенных горожан, более трети респондентов (35,8%) определились на избирательном участке.

На вопрос о том, что повлияло на ваш выбор, если вы не знали о своих кандидатах заранее, были получены следующие результаты: род занятий кандидата оказался решающим для 16,4% опрошенных горожан, профессия для 15,9%, сведения о выдвижении кандидата для 9,6%, принадлежность к партии, движению, союзу для 7,1%, национальность кандидата для 5,9%. Индикатором определенной напряженности в межнациональных отношениях является то, что 15,1% респондентов голосовали за кандидата только своей национальности (так проголосовали 17,3% казахов и 18,5% русских), причем 41,6%, из них сделали свой выбор заранее, а 55,9% определились на избирательном участке. Таким образом, данные исследования показали, что при выборе депутатов в значительной степени присутствовал элемент случайности.

Анализ позволяет выявить представителей тех социально-профессиональных групп, которые пользовались наибольшим предпочтением у избирателей в день выборов. За представителей творческой и научной интеллигенции проголосовали 19,4% опрошенных алматинцев, за преподавателей и врачей - 13,7%, за ИТР и служащих - 11%, за рабочих - 8,4%, за военнослужащих - 5,1%, за работников правоохранительных органов - 4,7%, за пенсионеров - 4,5%, за руководителей предприятий - 4,1%, за предпринимателей (бизнесменов) - 2,4%, за учащихся и студентов - 0,6%²³.

Исходя из полученных в ходе исследования данных можно сделать некоторые выводы.

Исследование зафиксировало, что предвыборная агитация, ограниченная жесткими временными рамками, недостаточное ее финансирование, невысокая активность самих кандидатов в депутаты, слабая поддержка общественно-политическими организациями своих кандидатов, недостаточное освещение предвыборной кампании в средствах массовой информации, а также отсутствие новых, ярких политических деятелей, практически не повысила интереса избирателей к выборам. Анализ данных, полученных в ходе третьего опроса, показал, что на итогах выборов в г. Алматы сказался значительный элемент случайности, связанный с абсолютной неинформированностью более половины (53,7%) горожан, пришедших на избирательные участки.

Выборы показали рост политической пассивности алматинцев, что выразилось в отказе от голосования более трети избирателей, объяснивших свое неучастие в выборах неверием, что в результате выборов, что-то изменится к лучшему, и тем, что все равно выберут тех, кого хочет власть. Предвыборная кампания оказала определенное влияние на процесс дальнейшего развития многопартийности. Итоги трех опросов и реальное формирование фракций в парламенте показали, что Союз Народного Единства Казахстана, Социалистическая партия и Народный Конгресс Казахстана сложились как

значительные и устойчивые политические ассоциации со своими электоральными группами поддержки. В то же время анализ социологических опросов дает основание для вывода о постепенной кристаллизации общественного сознания алматинцев, которое становится все более самостоятельным, освобождается от установок на политический конформизм.

Благоприятным для изучения электорального поведения граждан Казахстана был 1995 год. В этот год в Казахстане состоялись два референдума (о продлении полномочий Президента Назарбаева до 2000 года и по принятию новой Конституции) и парламентские выборы. Казахстанцы трижды имели возможность реализовать свое избирательное право. Представляет интерес проведенное в этот период исследование Института Гиллера (независимый институт изучения общественного мнения в г. Алматы) на базе 1500 личных интервью по общенациональной репрезентативной выборке респондентов старше 18 лет в 108 точках опроса. Исследование охватывало широкий круг вопросов, относящихся как к непосредственным проявлениям электорального поведения, так и к факторам его формирующим (кроме того, важно проанализировать в сопоставлении социологические материалы информационно-аналитического центра Верховного Совета и независимого института изучения общественного мнения).

В исследовании сделана попытка определить влияние на электоральное поведение казахстанцев таких факторов, как удовлетворенность положением дел в стране, отношение к соответствующим институтам власти, восприятие универсальных демократических норм и ценностей, оценка собственных возможностей воздействия на власть путем выборов.

Общую оценку респондентами ситуации в стране вполне можно характеризовать как массовое недовольство: 31,1% опрошенных были совсем, а 47% скорее недовольны существующим положением дел в Казахстане. При этом, русские заметно больше недовольны (47% "скорее недовольных" и 38% "совсем недовольных" при полном отсутствии "очень удовлетворенных" и всего 13% "скорее удовлетворенных"). У казахов доля "совсем недовольных" на 20% меньше, а "скорее удовлетворенных" вдвое выше, чем у русских. Показательно, что полюс недовольства смещался в регионы с преобладанием этнических русских - северный и восточный, и в небольшие города, где были наиболее остры проблемы, вызванные спадом производства, а то и полной остановкой производства. Что касается возрастных различий, то кривая недовольности делает резкий рывок в группах респондентов старше 40 лет. Социальное самочувствие респондентов несколько улучшалось от сознания достигнутой в республике межэтнической стабильности, очень высоко ценимой казахстанцами. Более 2/3 опрошенных надеялись на ее долговременный характер и только 22% опасались негативных изменений в этническом климате республики.

Однако кластерный и дискриминантный анализ показали, что в городах сильное чувство тревожности по поводу возможной дестабилизации межэтнических отношений. Ожидания негативных изменений в этнической сфере значительно чаще появлялись у русских, 30% которых считали, что межэтническая стабильность будет существовать непродолжительное время и скоро сменится нестабильностью, чем у казахов, среди которых аналогичные ожидания обнаруживали лишь 11%²⁴.

Прослеживается некоторая связь между недовольством в положении дел в стране и избирательной активностью казахстанцев. Из тех, кто удовлетворен ситуацией в республике, голосовали на выборах в Верховный Совет в марте 1994 г. более 80% опрошенных; из тех, кто не удовлетворен - менее 60%.

В то же время на выбор гражданами Казахстана того или иного кандидата степень удовлетворенности или неудовлетворенности ситуацией в стране практически повлиять не может, поскольку в республике нет влиятельной оппозиции. Отношение к структурам власти довольно противоречиво. Весьма высокий рейтинг президента Назарбаева (80,5% полностью и скорее одобряющих его деятельность) явно диссонирует с неверием более чем 40% респондентов в возможности нынешнего руководства республики добиться улучшения жизни. При этом у исследователей нет оснований полагать, что президента не отождествляют с руководством республики. Лишний раз подтверждается, что харизма Назарбаева включает в себя, прежде всего его способность к поддержанию стабильности, а не к улучшению ситуации. Иными словами, казахстанцы были за президента не потому, что с ним хорошо, а потому, что без него может стать еще хуже.

Для казахстанского массового сознания характерна недооценка роли законодательных и представительных учреждений. Только немногим более 1/5 респондентов не одобрили роспуск президентом в марте 1995 г. Верховного Совета, объявленного Конституционным судом республики нелигитимным. 22,1% прямо заявили о безразличии к прекращению деятельности высшего законодательного органа.

Роспуск Верховного Совета респонденты, довольные существующим в республике положением, поддержали в большей мере, нежели недовольные. Из тех, кто очень удовлетворен положением дел в Казахстане, одобрили роспуск парламента 59%, из тех, кто скорее удовлетворен - 53%, из тех, кто скорее недовольтен - 45%, и из тех, кто совсем недовольтен - 32%. Не исключено, что здесь мы наблюдаем предпосылки к формированию "российского синдрома" когда законодательная власть становится знаменем оппозиционных настроений. Весьма показательно также, что на момент опроса, когда прошло уже более трех месяцев после прекращения деятельности парламента, 37% респондентов не знали, что Верховный Совет распущен²⁵.

Опрос показал, что у довольно значительной части казахстанцев сложилось сегодня понимание демократии, вполне соответствующее современным стандартам. Почти 2/3 опрошенных ассоциируют с демократией права и достоинства личности, гражданские свободы и правовое государство. Понимание демократии в сугубо советском духе, т.е. как уверенность в завтрашнем дне, высокий материальный уровень жизни, характерно для небольшого числа респондентов.

Наиболее близки к современному пониманию демократии жители городов с населением свыше 500 тыс. человек. Здесь 41 % опрошенных видят в демократии уважение к личности, правам человека и 47% - правовое государство и гражданские свободы. Только 17% респондентов в этих городах не смогли выразить своего понимания демократии или дали ответы не по существу. В небольших же городах, рабочих поселках и селах затруднившихся ответить и давших ответ не по существу оказалось около 40% (в целом по массиву - 31,6%). Четко просматриваются в понимании демократии различия в возрасте и уровне образования. Молодежь более охотно берется судить о демократических принципах. Только 1/4 респондентов не смогли ответить на вопросы в группах до 30 лет, в то время как в группах от 50 до 69 лет - более 40%, а в группах 70 лет и старше - свыше половины. 41,3% опрошенных считают Казахстан демократическим государством. Противоположной точки зрения придерживаются 35,7%²⁶.

Представляет интерес анализ мотивов электоральной активности²⁷. Почти половина респондентов (49,1%) убеждена, что путем участия в выборах граждане Казахстана не могут реально повлиять на дела в стране. Оптимистично воспринимали свои электоральные возможности гораздо меньшее число опрошенных - 40,6% (10,3% затруднились ответить). Еще более скептическую оценку своему электоральному потенциалу давали респонденты в больших городах. В городах с населением свыше 200 тыс. только 34%, а в городах с населением от 50 до 200 тыс. человек - 37% опрошенных заявили, что граждане могут повлиять на положение дел в стране путем выборов. В рабочих поселках и селах этот показатель заметно выше - соответственно 42% и 49%. Существенной зависимости сознания своих электоральных возможностей от возраста не прослеживался. Зато влияние этнических факторов здесь очевидно. Видели в выборах возможность повлиять на положение дел в стране 51 % казахов и только 32% русских.

Очень четко вырисовывается зависимость избирательного оптимизма от имущественной самооценки респондентов. На выборах в Верховный Совет в марте 1994 г. голосовали, по данным опроса, 62,8% респондентов, не голосовали - 35,1%, не дали ответа - 2,1%. Самым низким был процент участвовавших в голосовании в крупных городах (44% - в городах с населением свыше 500 тыс. человек, 54% - в городах с населением свыше 200 тыс.). Наибольшую же электоральную активность проявили жители рабочих поселков (71%) и сел (75%).

Казахи голосовали заметно активнее (70%), чем русские (57%). Среди молодежи до 20 лет опрос зафиксировал крайне низкий уровень электоральной активности (19%), который плавно увеличивался с возрастом; 48% - у 20-29-летних, 69% - у 30-летних, 73% - у 40-летних, 80 и 83% - у пятидесятилетних и шестидесятилетних соответственно.

На референдуме о продлении полномочий Н.А.Назарбаева голосовало 69,3% респондентов, не голосовали 30%, не дали ответа 0,7%. Эти показатели подтвердили социологические прогнозы, дававшиеся перед референдумом, практически, всеми службами изучения общественного мнения в Казахстане, однако, они значительно ниже официальных данных Центризбиркома.

Как и на выборах в Верховный Совет, наименьшую активность проявили жители крупных городов (в городах свыше 500 тыс. человек - 54,1%, от 200 до 500 тыс. - 64% голосовавших), наибольшую - жители рабочих поселков. Этнические различия в уровне избирательной активности на референдуме прослеживаются примерно в такой же пропорции, как и на выборах в Верховный Совет. Голосовали из числа респондентов - казахов - 76%, русских - 64%.

Каковы мотивы участия или неучастия граждан в выборах и референдуме? Что касается выборов в Верховный Совет, то мотивация имеет здесь скорее инерционную природу: 68,2% голосовали, так как считали, что обязаны участвовать в выборах. Несколько иной выглядит мотивация голосования на апрельском референдуме. В силу гражданского долга здесь голосовали 44,1% респондентов, принявших участие в референдуме. Более же 46% хотели голосованием выразить отношение к президенту. 22,9% заявили, что от их участия в референдуме зависит судьба страны. Показательно и то, что из числа участников референдума 23,7% считали продление полномочий президента без проведения очередных выборов недемократическим актом. Несмотря на эту точку зрения, они все же пришли к урнам для голосования.

Что касается мотивов неучастия в голосовании (здесь респондентам был задан общий вопрос "Укажите все причины, по которым не голосовали лично Вы хотя бы один раз"), то здесь на первое место выходит неверие в возможность путем выборов повлиять на положение дел в стране (26,8% когда-либо не голосовавших). Далее следует ненахождение по месту жительства (17,7%) и убежденность в том, что результаты голосования predeterminedены (16,2%). Тех, кому помешали голосовать, практически нет. Не голосовали из-за организационно-технических трудностей (не смогли добраться до участка, участок не был открыт) лишь около 4%. Почти 7% респондентов не получили приглашений на выборы. Только 3,6% не голосовали потому, что не нравится ни один из кандидатов. Это еще раз косвенно подтверждает, что избиратели мало интересуются политической позицией конкретных кандидатов. По причине разочарования в руководстве республики не голосовали 10,3%.

Определенное влияние на электоральное поведение оказывало отношение к существующей избирательной системе и электоральная практика. Об избирательной системе респонденты информированы крайне слабо. 47,8% вообще ничего не знали об избирательном законе; 26,1% что-то слышали о нем, 20,6% имели общее представление. Достаточно хорошо знакомы с избирательным законом лишь 5,5% респондентов. 28% заявили, что избирательная система нуждается в реформировании. Но лишь менее 5% смогли сформулировать какие-то предложения, причем в основном не по существу.

Не приемлет пока казахстанское массовое сознание и профессионального парламента. Только 15,5% опрошенных согласны с тем, чтобы депутаты работали в парламенте с полной занятостью и жили в столице. 73,3% полагали, что депутаты должны быть заняты в парламенте неполностью и лишь часть года. На вопрос о том, какие структуры должны выдвигать кандидатов в депутаты, больше всего респондентов (85,1%) ответили, что трудовые коллективы. Правда, более 75% согласны с тем, что кандидаты могут выдвигать общественно-политические объединения, более 2/3 - собрания по месту жительства. А вот с выдвиганием депутатов органами местного самоуправления согласны только 50%, местными администрациями - 43,1%, самим президентом - 43%. В то же время большинство респондентов интуитивно не приемлет авторитарных элементов в механизме формирования представительных органов.

Существующая избирательная система, а также то, что конкуренция кандидатов в выборные органы власти не носит сегодня в Казахстане характера политической борьбы, лишает казахстанского избирателя реальной возможности выразить свою политическую позицию. Это стало важным фактором сформировавшегося у граждан республики электорального сознания. Лишь очень незначительное число участвовавших в голосовании (8,3%) пришли к избирательным урнам специально для того, чтобы поддержать конкретного кандидата или конкретную партию. На парламентских выборах 1994 и 1995 годов для казахстанцев практически не имела значения партийная принадлежность кандидатов. Только 18,2% опрошенных скорее поддержали бы партийного кандидата; 60,3% предпочитали независимого.

Таким образом, при наличии в Казахстане существенных элементов демократии, электоральное сознание и поведение граждан первой половины 90-х годов более характерны для страны с авторитарным режимом.

Значительный интерес представляет анализ электорального поведения на президентских выборах 1999 года. Президентские выборы послужили своего рода индикатором изменений, произошедших в общественном сознании. Казахстанское общество несмотря на слабость развития политического сознания, явно стало избавляться от оков традиционности советского и более раннего периодов и постепенно начало эволюционировать в сторону открытости, характерной для гражданского общества.

Анализируя возможное участие горожан в президентских выборах, экспертная группа Ассоциации социологов и политологов (АсиП) г.Алматы в своих ежемесячных опросах проследила динамику об участии на выборах, о причинах отказа от участия в голосовании, о шансах на поддержку конкретных кандидатов. Согласно их опросам, заявили о своем желании принять участие в голосовании на выборах: в сентябре - 43,2%, в октябре - 69,95, в ноябре (первая декада) - 75,6%, (вторая декада) - 63,7%. Как видим, сентябрь характеризовался относительно невысокой активностью алматинского электората. В октябре активность резко пошла в рост. В первой декаде ноября уровень вероятной избирательной активности достиг пределов, сопоставимых с уровнем избирательной активностью электората в европейских демократических государствах. Однако события третьей декады ноября (выключились из предвыборной борьбы А.Кажегельдин, А.Асылбеков, К.Асанов) незамедлительно сказались на результатах опроса. Удельный вес потенциально голосующих на выборах в третьей декаде ноября сократился в 1,1 раза по сравнению с октябрьским уровнем, а уровень абсентеизма (отказ от участия в голосовании) возрос в 2,3 раза. Так, в сентябре отказывались принять участие в голосовании - 17%, в октябре - 10%, в первой декаде ноября - 8,5%, во второй декаде ноября - 19,5%. Причины по которым каждый третий опрошенный алматинец (36,3%) еще не решил или отказывается от участия в голосовании, кроются в следующем:

1. Не верят в честность и справедливость выборов - 38,1%;
2. Слишком мало времени для выбора достойной кандидатуры - 25,2%;
3. Из-за неучастия А.Кажегельдина в выборах - 16,8%;
4. Нет достойной кандидатуры на пост президента РК - 8,4%;
5. Объявили бойкот президентским выборам, так как не согласны с переносом их сроков на 10 января 1999 года - 8,4%;
6. Другое - 3,2%.

В ответе на вопрос "За кого Вы будете голосовать на президентских выборах?" голоса распределились следующим образом:

ФИО	сентябрь	октябрь	1-я декада	3-я декада
Н.Назарбаев	20,7%	25,7%	27,1%	22,4%
Г.Касымов	12,7%			
С.Абдильдин	0,0	2,0%	2,7%	7,7%
Э.Габбасов	0,0	0,0		
ни за одного из них	19,1%	17,8%	17,0%	25,5%
Еще не решил(а)	44,8%	15,4%	23,6%	31,7%

В третьей декаде ноября по сравнению с первой Н.Назарбаев потерял 4,7% голосов своих потенциальных избирателей в Алматы при 31,7% колеблющихся и 25,5% отказывающихся голосовать за кого бы то ни было из имеющихся претендентов на пост главы

государства²⁸. Такой расклад электоральных предпочтений заставлял кандидатов активизировать работу среди различных групп избирателей.

Анализ результатов президентских выборов позволяет проанализировать ситуацию в различных областях Казахстана в соответствии с характером ориентации живущего там населения на конкретного кандидата. Принимая в качестве критерия оценки количество голосов избирателей, поддержавших двух основных кандидатов, можно выявить некоторую дифференциацию групп областей.

Так, среди областей, поддержавших Н.Назарбаева можно выделить четыре группы: 1) поддержка 90% и выше - Актюбинская область - 90,56%, Алматинская - 91,08%, г.Астана - 95,11%; 2) поддержка 80% и выше - Жамбылская - 83,22%, Западно-Казахстанская - 81,15%, Кызылординская - 82,02%, Северо-Казахстанская - 81,36%, Южно-Казахстанская - 82,29%; 3) поддержка 80% и ниже - Акмолинская - 75,25%, Восточно-Казахстанская - 78,04%, Карагандинская - 77,99%, Павлодарская - 71,15%, г.Алматы - 77,02, Костанайская - 69,13%; 4) поддержка ниже 60% - Атырауская область - 57,86%, Мангистауская - 59,78%. Сразу после выборов акимы двух последних областей Н.Баев и Р.Чердабаев были сняты главой государства со своих постов. На наш взгляд, столь высокий процент проголосовавших против Назарбаева избирателей в Атырауской и Мангистауской областей объясняется тем обстоятельством, что в этих двух областях наиболее низкий уровень жизни в сравнении с другими регионами Казахстана. Между тем, эти две нефтяные области дают значительный вклад в республиканский бюджет.

Абдильдина С.А. в среднем поддержали 11,79%. Выше среднего была поддержка - Атырауская - 32,23, Мангистауская - 31,63, Костанайская - 19,86%, Павлодарская - 15,90%, Северо-Казахстанская - 14,71%, Восточно-Казахстанская - 13,23%, Акмолинская - 13,21, Кызылординская - 12,65%, Жамбылская - 12,00%. Поддержка ниже среднего - Карагандинская - 10,73%, Северо-Казахстанская - 9,54%. Минимальная поддержка - г.Астана - 1,65%, Алматинская область - 2,95%, Актюбинская область - 5,22%, г.Алматы - 6,18%. Очевидно, что действующего Президента максимально поддержали две столицы и те области, которые успешнее вписались в рыночную экономику.

Анализ различных моделей, типов электорального поведения, специфики и особенностей формирования политических предпочтений граждан, исследование природы абсентеизма и систематизация факторов, лежащих в основе его проявления позволяет сформулировать некоторые выводы и обобщения.

Политическая активность в значительной степени определяется мерой доступности для человека материальных средств в решении жизненно важных проблем. В связи с этим при выборе направлений реформирования социально-экономической системы предпочтение

следует отдавать стратегиям, способствующим расширению (или сохранению) области свободы как можно большему числу индивидов и групп в выборе ими средств достижения жизненных целей и способов адаптации к существующим изменениям. Электоральные намерения различных групп населения не тождественны уровню их интереса к политике. Индивидуальное политическое участие является функцией нескольких аргументов: уровня образования, социального статуса, уровня доходов, возраста и пола избирателей, их национальности.

Явление абсентеизма обусловлено психологическими особенностями человека. Абсентеизм является функцией пола и возраста выборщиков. Наиболее аполитичной является молодежь, наиболее активны - люди пожилого возраста. Абсентеизм также определяется социальным статусом, образованием и уровнем доходов избирателей. Наименее обеспеченные и малообразованные, стоящие на нижних ступенях социальной лестницы граждане более аполитичны и менее активны. Способствует развитию абсентеизма рост маргинализации населения, безработица.

Основными тенденциями, определяющими индивидуальные политические предпочтения, являются: личностно-психологическая типология избирателя, типологические доминанты политических лидеров, принадлежность избирателя к определенной социально-профессиональной и демографической группе, уровень доходов, национальность и место проживания избирателя, воспитательная деятельность государства, политических институтов и политических лидеров, характер ситуации в стране на момент выборов.

Анализ убеждает, что влияние политических партий на общественную ситуацию в Казахстане в первой половине 90-х годов было незначительным. Здесь много причин, но самая фундаментальная заключается в том, что на организационном, идеологическом и законодательном уровнях, власть не поддерживала становление и развитие многопартийности в Казахстане. Только пропрезидентские политические образования имели возможность заниматься полномасштабной политической жизнедеятельностью, имея широкий доступ в печатные издания и электронные СМИ. Они и выступили фаворитами и на парламентских выборах 1999 года, объединившихся в единую президентскую партию "Отан" ("Отчизна").

Это вовсе не означает, что оппозиционные политические партии не пользуются поддержкой населения. Компартия Казахстана удалось провести двух депутатов в Мажилис по общереспубликанскому партийному списку, хотя лидер КПК С.Абдильдин неоднократно заверял, что фактически КПК набрала гораздо больше голосов избирателей(в одном из телеинтервью он заявил, что КПК должна быть представлена 7 из 10 партийных мест в Мажилисе). Существенной поддержкой, особенно в Алматы пользовалась

Демократическая партия "Азамат", но из-за многочисленных фальсификаций кандидаты от этой партии не прошли в Мажилис. Республиканская народная партия во главе с А. Кажегельдиным за несколько дней до выборов приняла решение бойкотировать выборы и сняла свой партийный список, хотя социологические опросы показывали, что у этой партии есть своя электоральная база.

Установление мажоритарно-пропорциональной системы выборов парламента, безусловно, позитивно повлияло на процесс формирования партийной плюралистической системы. В этом процессе проявляются две противоположные тенденции: фрагментация политической оппозиции и организационная и политическая консолидация пропрезидентских политических организаций. На выборах 1994 и 1995 годов лояльные к рыночным реформам силы консолидировались на базе Партии Народного Единства Казахстана и Демократической партии (беспартийные депутаты, поддерживаемые местными властями, после выборов, как правило, вступают в пропрезидентские депутатские фракции в парламенте). На выборах 1999 года, по существу, пропрезидентские политические силы были представлены тремя партиями: "Отан", Гражданская и Аграрная партии (первые две были активно поддержаны властью в ходе избирательной кампании, а Аграрная партия в ходе подсчета голосов).

Фрагментация политической оппозиции проявляется в том, что она не смогла выступить единым политическим блоком ни на президентских, ни на парламентских выборах 1999 года (слишком серьезные разногласия выявились у "Азамата", РНПК и Компартии - трех основных оппозиционных партий). И только после парламентских выборов 1999 года впервые в политической истории независимого Казахстана все оппозиционные партии и движения Казахстана объединились в "Форум демократических сил" (среди основателей "Форума" - Компартия, РНПК, Политический альянс женских организаций; экологическое объединение "Табиғат"; "Орлеу", Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности; "Поколение", "Азамат", Ассоциация независимых средств массовой информации Центральной Азии; "Рабочее движение" и другие. Если до выборов оппозиция не имела общих точек соприкосновения, что реально соответствовало структуре электорального сознания различных социальных групп населения (электоральная разорванность, противоречивость, способность к неожиданным и быстрым изменениям), а после выборов оппозиция стремится выразить общее электоральное настроение в следующих политических требованиях:

1) обращение к парламентам и правительствам США, России, Японии, ЕС, СНГ и ОБСЕ о непризнании депутатов, избранных в Мажилис и Сенат посредством широкомасштабной фальсификации;

2) требование о признании результатов выборов в Сенат и мажилис недействительными;

3) требование о придании правосудию членов ЦИК и нижестоящих избирательных комиссий за совершенные нарушения закона;

4) требование о проведении в первой половине 2000 года новых выборов в Мажилис и маслихаты, а также выборов акимов и судей всех уровней;

5) требование о проведении во второй половине 2000 года новых выборов в Сенат.

Если до выборов и во время выборной кампании оппозиционные партии сотрудничали от случая к случаю, то в деятельности "Форума демократических сил" отчетливо проявляется стремление мобилизовать весь протестный казахстанский электорат. Опыт парламентских выборов 1994 и 1995 годов показал, что в отдельных избирательных округах протестное голосование способно частично повлиять на итоги выборов, не допустив избрание кандидата, имеющего поддержку власти и местной элиты. Если во время президентской кампании в Казахстане сформировался многополярная Политическая система, то в ходе и особенно после парламентских выборов (когда стали очевидными вопиющее вмешательство исполнительной власти в избирательный процесс), наметилась тенденция формирования биполярной системы. Это проявляется в электоральном поведении: оппозиционный электорат выходит на политические митинги, поддерживая основные политические лозунги оппозиции. Пропрезидентский электорат также поддерживает многочисленные митинг-партии "Отан", Гражданской партии, с требованиями безоговорочного признания прошедших выборов.

Экономическая ситуация и экономическая политика правительства, вне всякого сомнения, оказывала большое влияние на электоральное поведение. В развитых западных демократиях чем лучше идут дела в стране, тем активнее население поддерживает существующую власть. В посткоммунистических странах, включая Казахстан, больше, чем какие-либо страны находятся во власти внеэкономических факторов. Роль экономических факторов здесь явно уступает роли идеологических аргументов и детерминант.

Громадная электоральная поддержка Назарбаева в 1991, 1995 (референдум) и 1999 годах в значительной мере объясняется тем, что глава государства безоговорочно признается лидером независимого Казахстана, "главным интегратором" СНГ-овского пространства, политиком, обеспечившим межнациональный мир в многонациональном государстве и т.д. (феномен Владимира Путина в России во многом заключается в том, что его политический лагерь фактически установил государственную монополию на популизм)³⁰. Нельзя игнорировать и того обстоятельства, что и до, и во время избирательных кампаний власть особо уделяет внимание своевременности выплаты зарплат, пенсий, социальных пособий. Экономические индикаторы сильно влияют на поведение избирателей. В основе победы Назарбаева на президентских выборах много причин, но

одна из самых существенных - это экономическая политика правительства и финансовая дисциплина в проведении социальной политики в 1998 году (президентская команда постоянно напоминала своему электорату, что размер казахстанской пенсии, например, самый высокий в СНГ). Особенно благоприятно электоратом было воспринято заявление президента о том, что "финансового краха в Казахстане как в России не будет". Но через три месяца после президентских выборов произошла девальвация национальной валюты - тенге (с 89 до 140 тенге за 1 доллар США). И на парламентских выборах в октябре 1999 года президентская партия "Отан" набрала всего 1 млн. 622895 голосов избирателей.

Если суммировать 590184 голосов Гражданской партии и 663351 голосов Аграрной партии (лояльные президентскому курсу), то получаем 2 млн. 876430 голосов избирателей, в то время как на президентских выборах победивший президент Назарбаев получил поддержку 5 млн. 837 тысяч казахстанцев. Конечно, президентские и парламентские выборы разнятся во всех отношениях и подобная сравнительная методология отчасти условна, но сам Назарбаев после досрочных президентских выборов, по объявлении предварительных итогов голосования, когда выяснилось, что свыше миллиона избирателей проголосовали против него и свыше миллиона вообще уклонились от голосования, заявил: "Получается, что четверть населения Казахстана не поддерживает проводимую нами политику..., и ясно, что нами будут сделаны выводы - каким регионам и категориям населения следует уделять больше внимания"³⁰.

Изучение электорального поведения казахстанцев показывает, что даже когда власть в состоянии жестко контролировать политический процесс, значение общественного мнения сохраняется. В условиях выборов общественное влияние и власть правителей, по крайней мере, частично, не зависит от управленческой мощи правителей. Выборы, так или иначе, институционализируют общественное мнение. Поскольку на выборах особенно проявляются те или иные формы массовых настроений, они, как правило, подвержены властному контролю и манипулированию. Если в развитых демократиях власти скорее оказывают влияние на массовые настроения, то в постсоветских странах, в Казахстане, в частности, власти стараются помешать выражению массового влияния через выборы (закон о выборах, по существу, играет важную роль в сохранении существующего распределения власти). Электоральное поведение подвержено властному контролю, но и само электоральное поведение выступает как средство политического противостояния. Это видно при сопоставительном анализе данных социологических исследований АСиПа и Института сравнительных социальных исследований "ЦЕССИ-Казахстан" (первая структура - оппозиционная, вторая - проправительственная). Институтом "ЦЕССИ-Казахстан" был проведен республиканский опрос с целью изучения электорального

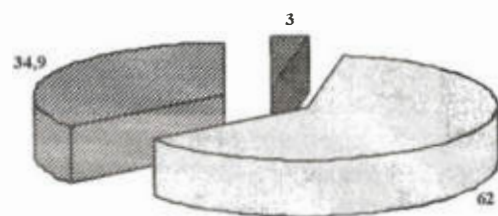
поведения казахстанцев и определения рейтинга политических партий. Опросу были подвергнуты шесть областей (Акмолинская, Костанайская, Карагандинская, Южно-Казахстанская, Жамбылская, Восточно-Казахстанская) и два города республиканского значения (Астана, Алматы). Общий массив выборочной совокупности составил 879 человек. На вопрос: "Если бы выборы состоялись завтра, о за какую политическую партию вы проголосовали?" 24,6% респондентов заявили, что не отдадут свой голос ни одной из партий. Больше всего данная позиция характерна для жителей городов Астаны, Алматы и областных центров (26,3%). Наименее - для жителей сел и аулов (17,3%). 42,5% электората твердо уверены, что если бы выборы состоялись завтра, они бы проголосовали за ту или иную партию³¹.

Аграрная партия Казахстана	4,8
Коммунистическая партия Казахстана	9,4
Народно-кооперативная партия Казахстана	0,6
Партия Возрождения Казахстана	1,3
Партия Народный Конгресс Казахстана	0,7
Республиканская партия Казахстана	1,6
Республиканская партия Отан	17,2
Республиканская народная партия Казахстана	1,7
Демократическая партия "Азамат"	2,3
Гражданская партия Казахстана	1,5
Республиканская партия труда Казахстана	1,0
Пока не знаю	32,7
Ни за какую	24,6

Общий вывод института "ЦЕССИ-Казахстан", опубликованный в официальной правительственной газете "Казахстанская правда", следующий: "На фоне относительной стабильности (когда в целом, общество оценивает свою жизненную ситуацию как терпимую, положительно определяет общественно-политическую ситуацию и т.д.) казахстанский электорат проявляет высокую способность к социальной самоорганизации на базе тех партий, которые выступают за нынешний курс реформ"³². Очень странный вывод, надо отметить, если принять во внимание то обстоятельство, что свыше 57 процентов избирателей или не знают о своих политических предпочтениях, или не собирались голосовать за какую-либо партию.

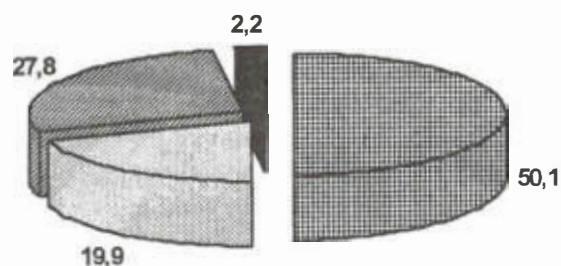
Интересны социологические данные АСиПа, проведенные в мае 1999 года (за полгода до парламентских выборов).

Как действующий президент использует свой шанс лидера при подготовке и проведении парламентских выборов? (%)

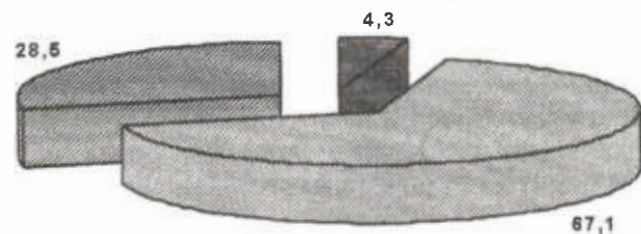
- Пойдет на законодательное ограничение своих властных полномочий
- Применит силу законодательного принуждения для избрания в Парламент лояльных к нему кандидатов и партий, д
- Затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, кто получит стартовое преимущество в парламентских выборах и, соответственно, весомое участие в новом составе парламента? (%)

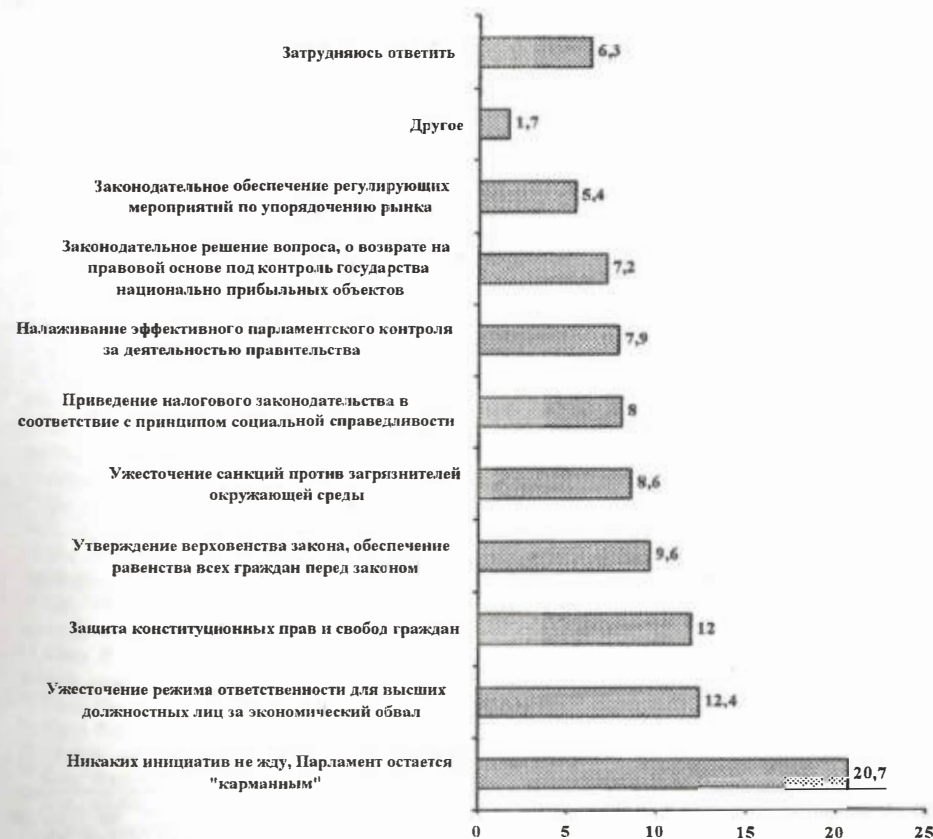
- Пропрезидентские партии и движения
- Партии и движения, лояльные к правящему ре
- Оппозиционные партии и движения
- Затрудняюсь ответить

Верите ли Вы, что от нового состава парламента будет зависеть полномасштабная демократизация общества? (% по столбцу)

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

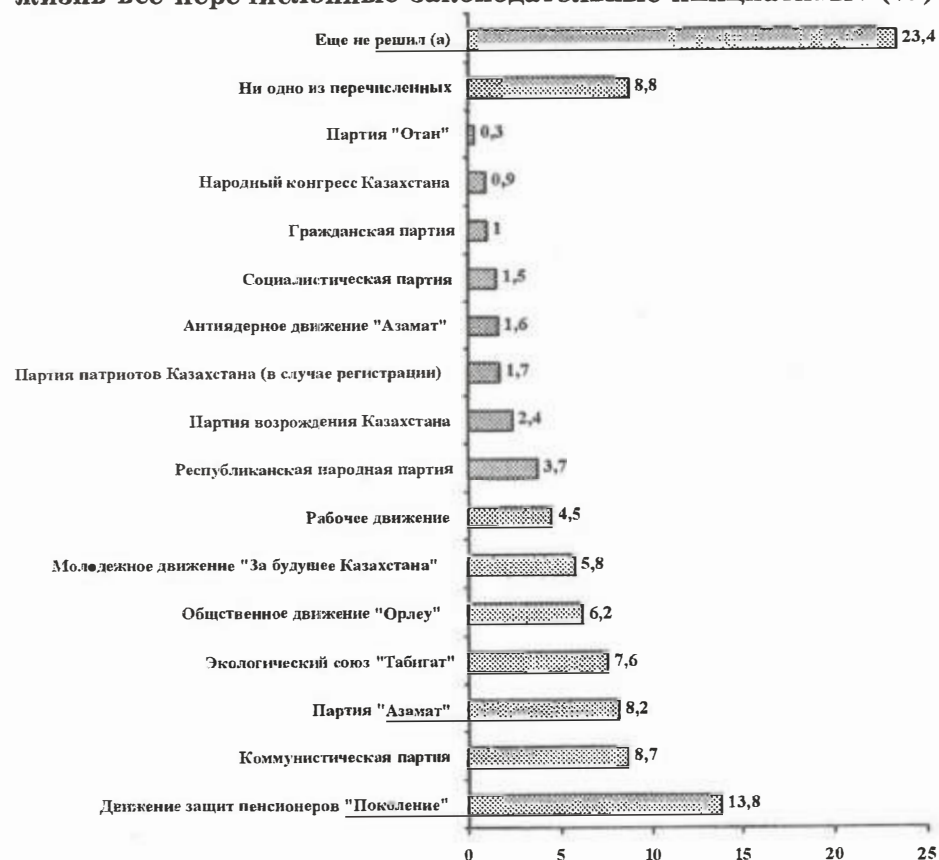
Какие законодательные инициативы Вы ожидаете от вновь избираемого состава парламента? (%)

избираемого состава парламента? (%)

Данные АСиПа показывают, что казахстанскому электорату свойственна принципиальная оценка политических предпочтений и потенциальных возможностей различных сил политического спектра, а также их желания послужить интересам народа и Отечества (см. диаграмму). Согласно данным АСиПа большая часть казахстанского электората относится к протестному, является социальной базой политической оппозиции в лице Компартии, "Азамата", РНПК, движений "Поколение" и "Орлеу". Изучение электорального поведения казахстанцев показывает, что "авторитарная демократия" Назарбаева, его политический режим с доминирующими авторитарными тенденциями, способен оставаться у власти, не прибегая постоянно к одобрению большинства народа.

Какие партии и движения способны отстаивать и претворять в жизнь все перечисленные законодательные инициативы? (%)

Если суммировать все оппозиционные силы, то по данным АСИПа это будет составлять около 52%. То есть электоральное притяжение к оппозиции довольно значительное, но в трансформационный период государственная и политическая элита Казахстана не допускает существования полноценной политической оппозиции, либо всячески затрудняет ей политическую деятельность. Изучение электорального поведения казахстанцев позволяет сделать парадоксальный вывод, а именно: политический режим в Казахстане не сковывает развития общества вне сферы политики, не претендует на то, чтобы подчинить всю общественно-экономическую жизнь общества или установить каноны в области духовной жизни (это невозможно). Но одно очевидно: такой разброс электоральных предпочтений означает, что в Казахстане нет государственной идеологии как таковой, реально существует политический плюрализм.

¹ См.: Merriam Ch.E., Gosnell H.F. Non-Voting: Causes and Methods of Control. Chicago, 1924; Rice S.A. Quantitative Methods in Politics. N.Y., 1928.

² См.: Lasarsfeld P.P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. N.Y.: Duell, Sloan and Pearce, 1944. P. 155.

³ См.: Berelson B., Lasarsfeld P.P., McPhill W.N. Voting. A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago, 1954.

⁴ См.: Political Science. N.Y., 1991. P. 166.

⁵ Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957. P. 57.

⁶ Political Thought in America. An Anthology. Homewood. 1990. P. 87.

⁷ Current Trends in Western Political Thought. N. Y., 1989. P. 90.

⁸ См.: Politics and Social Theory. N. Y., 1986. P. 84.

⁹ См.: Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. N.Y. 1960. P. 57.

¹⁰ См.: Marcuse H. Psychoanalyse und Politik. Fr. / M. 1971; T.W. Adorno, Else Frenkel - Brunswik, Daniell J. Levinson, R.Nevitt Sanford. The Authoritarian Personality. N. Y. 1969; Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии. М., 1982.

¹¹ См.: Siegfried A. Geographie electorale de l'Ardeche sous la 111-e Republique. P., 1949.

¹² См.: Caranti E. Aspetti statistici delle elezioni amministrative // Civitas. Dicembre. 1956; Compagna F. De Caprariis V. Study di geografia elettorale. Napoli, 1959.

¹³ См.: Выборы Государственной Думы Федерального Собрания российской Федерации. 1996г. Электоральная статистика. М., 1996; Выборы президента российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. М., 1996; Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995-1997. Электоральная статистика. М., 1997; Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995 - 1997. М., 1998.

¹⁴ См.: Ковлер А.И. Основы политического маркетинга. М., 1993. С. 17.

¹⁵ См.: Анализ электоральных предпочтений регионов: устойчивость и изменчивость / Рук. авт. колл. Нещадин А.А. М., 1996. С. 17-19; Козлов В.Н., Орешкин Д.Б. Региональный анализ результатов выборов и типология регионов по политическим предпочтениям избирателей // Выборы Президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. М., 1996. С. 172-281.

¹⁶ См.: Боксер В., Макфол М., Осташев В. На пути коммунистов - "болото" // Итоги. М. 1996. №7; Сергеева Е.Я. Российский электорат: проблема выбора и участия. М., 1996. С. 151.

¹⁷ См.: Капранов Н.В. Випольная модель российского электорального пространства // Выборы: теория и практика. М., 1998. С. 46.

¹⁸ См.: Пищулин Н.П. Политическое лидерство и электоральный процесс. // Политические исследования. 1998. №5. С. 151.

¹⁹ См.: Шереги Ф.Э. Электоральная ситуация в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 5. М., 1997. С. 159 - 160.

²⁰ См.: Кудинов О.П., Шипилов Г.А. Диалектика выборов. М., 1997. С. 86.

²¹ См.: Выборы глазами избирателей (справка об итогах социологического исследования). Алматы, март 1994. С. 1-3.

²² См.: Выборы глазами избирателей. Алматы, март 1994. С. 3-4.

²³ См.: Выборы глазами избирателей. Алматы, март 1994. С. 6-7.

²⁴ См.: Гуревич Л.Я. Особенности электорального поведения. // Социологические исследования. 1996. №5. С. 65-66.

²⁵ См.: Гуревич Л.Я. Особенности электорального поведения граждан Казахстана // Социс. 1996. №5. С. 66.

²⁶ Там же. С. 67.

²⁷ Там же. С. 69.

²⁸ См.: Прогноз о возможном участии горожан на президентских выборах // Время по. 1998, №94.

²⁹ Политический обозреватель Андрей Колесников в связи с этим точно заметил: "Громко и четко прозвучало слова "диктатура", "закон", "расхлябанность", Путин работает с сигнальной системой стариков, по-прежнему самой активной части электората. А электорат, как и структура населения, у нас стареет. Акцент на социальные и пенсионные выплаты естественен в бедной стареющей стране. И здесь у Путина фора: в отличие от других кандидатов в президенты, у него есть реальная возможность давать и исполнять обещания. Мягкое антизападничество, бархатная милитаризация, вельветовое возвышение органов государственной безопасности входят в джентельменский набор наших доморожденных консервативных ценностей. Коммунистам ответить на это нечего. Все рычаги, приводные ремни, пусковые установки у Путина. Примаков первым понял, что у него отобрали идеологию, и отказался участвовать в выборах. Зюганов еще на что-то надеется. Правые или идут голосовать за Путина, или уже второй раз отдают свои голоса Явлинскому. У все свой популизм, но и.о. президента установил на него государственную монополию. Пока удовлетворены все. Сомневающиеся в Путине сомневаются в своих сомнениях. Машина для голосования запущена" (См. Известия. 2000. 8 февраля. С. 2.).

³⁰ Президент Нурсултан Назарбаев. Резких движений не будет. Сообщение агентства "Азия-пресс" // Вечерний Алматы. 1999. 11 января. С.1.

³¹ Казахстанская правда. 1999. 14 сентября.

³² Там же.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 1999 ГОДА В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И НОВОГО СОСТАВА ПАРЛАМЕНТА СТРАНЫ

Дьяченко С. А.

Представляется, что прошедшая выборная кампания, которая в течение нескольких месяцев определяла пульс общественно-политической жизни страны, стала поистине историческим шагом на пути реформирования политической системы Казахстана. Выборы явились своеобразным индикатором осуществляемых реформ в республике, чем вызвали сильный информационный резонанс, как в стране, так и за рубежом. Они дали мощный импульс активизации деятельности политических партий и движений, способствовали становлению многопартийности в республике, выявили реальную картину политических предпочтений различных слоев и групп населения. Главный политический итог завершившихся выборов состоит в том, что Республики Казахстан входит в новое тысячелетие с новым парламентом, депутаты которого избраны в свободном правовом пространстве, в открытой и конкурентной борьбе.

Прошедшие выборы в представительные органы власти республики явились подтверждением дальнейшей демократизации нашего общества. Ведь впервые в Казахстане, да и во всей Центральной Азии состоялись выборы по партийным спискам.

Впервые в нашей стране был обеспечен высокий уровень альтернативности кампании: за 67 мест в Мажилис Парламента боролись 547 кандидатов в одномандатных округах. Впервые выборы прошли в условиях беспрецедентного освещения в средствах массовой информации. Широкое предоставление радио- и телеэфира кандидатам в депутаты, теледебаты и телемарафоны, публичные дискуссии вызвали живой интерес у избирателей, позволили им сделать свой самостоятельный и свободный выбор.

Впервые за ходом голосования наблюдал представительный корпус из 23 тысяч местных и более 200 иностранных наблюдателей. Им были созданы все условия для осуществления их демократической миссии, что, в свою очередь, способствовало обеспечению свободного волеизъявления граждан.

Таким образом, в ходе подготовки, организации и проведении избирательной кампании Казахстан сделал конкретные практические шаги по пути демократизации и построения политической системы, основанной на принципах свободы и здоровой политической конкуренции.

Так что можно много дискутировать по поводу степени демократичности состоявшихся выборов, но думается, что никто сегодня не станет отрицать того, что они абсолютно не похожи на прежние выборы в высший законодательный орган республики.

Безусловно, нельзя отрицать и того, что в ходе выборной кампании были допущены нарушения, и это вполне естественно, так как в избирательном процессе участвовали миллионы людей. Это признано и Центральной избирательной комиссией, и мы хорошо это знаем из средств массовой информации. Но ведь усвоение демократических норм и процедур, демократической политической культуры - это чрезвычайно сложный процесс. Он одинаково труден и для власти, и для оппозиции, и для политических партий, и для отдельных граждан. Надо признать и то, что есть и специфика участия казахстанских граждан в политическом процессе. Она заключается в сочетании демократической по форме организации с особенным постсоветским характером мобилизации и участия электората в политическом процессе.

В этом контексте суждения отдельных представителей ОБСЕ, работавших в рамках миссии данной организации на выборах в Казахстане, выглядят довольно категоричными. Однако думается, не стоит болезненно реагировать на такие оценки. Ведь, по мнению самой же организации, в мире нет страны, где выборы бы проходили идеально. Так что выводы ОБСЕ нужно воспринимать спокойно, как норму. Тем более, что они касаются не в целом выборов, а их отдельных фрагментов. Не следует забывать, что за организацию работы и проведение процедуры голосования в течение дня выборов 10 октября около 70% избирательных участков, на которых работали наблюдатели ОБСЕ, получили с их стороны оценку "выше среднего" и "отлично". А это совсем неплохо для сравнительно молодой казахстанской демократии. И шагом назад это уже никак не назовешь. Как было отмечено в выступлении Президента республики Н.А. Назарбаева на саммите ОБСЕ в г. Стамбуле, "по стандартам стран развитой демократии наши выборы, безусловно, далеки от идеала, но по стандартам любой страны, восемь лет назад вышедшей и тоталитаризма, прогресс огромный".

По образному выражению Главы государства, день 10 октября 1999 года можно считать днем рождения многопартийной демократии. На наш взгляд, это не только образное, но и меткое высказывание. Ведь, несмотря на то, что первые политические партии в Казахстане официально заявили о себе уже почти 10 лет назад, все это время они не имели достаточной правовой базы для своего влияния на мировоззрение и настроения общества. Не случайно политологи, занимающиеся исследованием партийных процессов в республике, были солидарны во мнении, что в Казахстане речь можно вести не о партиях, отвечающих классическим представлениям, а лишь о неких протопартийных структурах.

Можно сказать, что прошедшие выборы изменили ситуацию в принципе, что и отметил Глава государства. Они прошли в условиях конкуренции политических элит, состязательности политических партий, борющихся за места в Парламенте, что и отличает в корне эту выборную кампанию от всех предыдущих. Сегодня можно с уверенностью сказать, что в Казахстане заложены серьезные основы для многополярной политической демократии, имеющей несколько центров электорального притяжения.

Рассматривая события предвыборного марафона, следует отметить, что введение в практику казахстанской демократии партийных списков намного оживило и разнообразило предпарламентскую картину. Во-первых, этот факт стал катализатором роста новых политических структур и активизации деятельности уже существующих, способствовали появлению на политической арене республики новых лидеров. Во-вторых, в отечественной выборной практике использовались новые для казахстанского электората избирательные технологии. Достаточно вспомнить теледебаты между политическими партиями, организованные телеканалами “Хабар” и НТК. В-третьих, политические партии республики получили, наконец, возможность, заявить себя перед гражданами республики, имея самую широкую аудиторию. Кроме того, предвыборная гонка заставила политиков и просто активных граждан объединяться под знамена конкретных политических лозунгов, опровергая надуманность тезиса об аполитичности казахстанцев, и выявила реальную картину политических предпочтений населения страны. И, наконец, выборы по партспискам приковали внимание к выборной кампании буквально всех участников избирательного процесса, вызвали небывалый информационный резонанс, как в стране, так и за рубежом.

Как известно, о своем участии в выборной кампании заявили 10 политических партий, отражающих интересы самых различных слоев казахстанского общества. Наиболее острая борьба, по мнению обозревателей, должна была развернуться между Республиканской политической партией “Отан” (Отчизна), Гражданской партией Казахстана, с одной стороны и Демократической партией Казахстана “Азамат”, Республиканской народной партией Казахстана, Коммунистической партией Казахстана, - с другой.

Предвыборный период в основном оправдал эти прогнозы. И хотя ожидаемого альянса РПП “Отан” и ГПК не произошло, на левом фланге действовал оппозиционный блок “Республика”, правда, не столь эффективно, что, впрочем, традиционно для отечественных оппозиционеров.

Однако итоги выборов оказались не столь близки к их прогнозам. На первый взгляд, в результате голосования симпатии избирателей распределились классическим образом: 4 места получила пропрезидентская партия, 2 - оппозиция в лице коммунистов, а по 2 депутатских кресла досталось партиям центристского толка.

Но партия “Отан”, победа которой практически ни у кого не вызывала сомнений, несмотря на то, что опередила своих соперников с довольно большим отрывом, получила не 5-6, как предполагала, а лишь 4 места. ГПК также переоценила свои силы, делая заявку на 5-6 мест, но завоевав только 2. “Азамат” не смог даже приблизиться к семипроцентной планке, набрав только 4,57% голосов. А РНПК вообще отозвала свой партийный список.

Завидное исключение составили коммунисты, рейтинг которых резко повысился накануне выборов и позволил КПК получить два места по партспискам. Причем, партия одержала победу в Костанайской и Павлодарской областях, фактически разделила лидерство с “Отаном” в Атырауской области и вышла на второе место после аграриев Северо-Казахстанской.

Главным же сюрпризом выборов по партийным спискам можно считать успех Аграрной партии, сумевшей, против всяких ожиданий, “раскрутиться” за короткий срок и ставшей одной из очень немногих политических сил, структурированных под реальные интересы.

В целом в нижней палате Парламента сегодня 40 членов РПП “Отан” (Отчизна), 16 человек от ГПК, 4 коммунистов, 10 членов АПК. Таким образом, около 70% депутатских мест в Мажилисе принадлежит кандидатам с преимущественно центристскими и правоцентристскими политическими взглядами. Это говорит о том, что казахстанские избиратели поддержали курс Президента и правительства на углубление демократизации общества.

Каковы же могут быть оценки нового состава Парламента? По прогнозам, депутаты нового созыва должны были представлять собой что-то вроде новой политической формации в рамках Парламента. Президент республики на вопрос журналистов: “С каким Парламентом ему как Главе государства хотелось бы сотрудничать во благо процветания республики?” ответил: с ответственным, конструктивно мыслящим.

Однозначным результатом прошедшей кампании и одновременно отличием нового Мажилиса от своих предшественников является большая структурированность и организованность нижней палаты, predetermined, главным образом, введением десятиместной квоты для партий. На наш взгляд, Парламент более представительен, богаче его политическая и социальная палитра.

Вместе с тем, согласно социологическому опросу, проведенному группой VIPProblem среди экспертов, последние считают, что новый Парламент мало чем будет отличаться от предыдущего. Одна из причин - недостаточная представленность в Парламенте лидеров оппозиции. Прошедшие выборы незначительно расширили этот блок: теперь среди 77 мажилисменов не один, а четыре члена КПК во главе с руководителем партии Абдильдиным С.А. И хотя, на первый

взгляд, консолидироваться им не с кем, так как представители других оппозиционных сил в нижнюю палату Парламента не избраны, коммунисты, видимо, найдут поддержку у части депутатов.

Относиться к этому факту можно по-разному. С одной стороны, наличие в Мажилисе политиков, придерживающихся разных ориентаций, конечно, придаст больше остроты обсуждению законопроектов, повысит уровень аргументаций в поиске оптимальных решений. С другой же, отсутствие конструктивных программ у оппозиционеров, их желание удовлетворить личные амбиции (которое нередко, как показывает отечественный опыт, бывает приоритетным, а, порой и единственным, в действиях казахстанской оппозиции) может привести к простому “забалтыванию” рассматриваемых документов, неоперативности принимаемых решений, неэффективности работы Парламента в целом. Об этой возможной тенденции, кстати, свидетельствуют первые организационные заседания высшего законодательного собрания страны.

Впрочем, на наш взгляд, она вполне преодолима, и именно по той причине, что голоса избирателей не “размылись” по девяти партиям, что в Парламенте все же преобладают представители политических партий, лояльных действующей власти. Есть организованное большинство и четкое меньшинство. Это позволит законодательному органу оставаться в рамках, очерченных Конституцией страны.

В целом следует отметить, что благодаря выборам произошла фактическая легитимизация партий, предоставлена им возможность осуществлять свое влияние на процесс принятия государственных решений.

И, как представляется, партии настроены ею воспользоваться. В самые короткие сроки сформированы и зарегистрированы фракции четырех партий: Аграрной, Гражданской, “Отан” (Отчизна). Для сравнения достаточно вспомнить, что фракция ПНБК в предыдущем созыве была создана только спустя полгода, а ДПК - спустя год после начала работы Парламента. Представители других партий даже не делали попыток к фракционной работе.

Серьезны и запросы нынешних партийных фракций. Так, например, фракция РПП “Отан” (Отчизна) ставит своей целью, прежде всего, изменить концептуальный подход к самому процессу законотворчества, добиваться, чтобы каждый из принимаемых Парламентом законов имел четкую социальную направленность и реальное финансовое обеспечение. Члены фракции считают, что принятие любого закона или решения должно быть прозрачным, проходить общественную экспертизу, работать на улучшение положения страны, повышение благосостояния всех казахстанцев. Каждый закон в обязательном порядке должен иметь конкретный механизм реализации. А чтобы законы работали. Парламент должен добиться расширения своих полномочий по осуществлению контроля за их выполнением.

В законотворческом портфеле фракции, прежде всего, новые законы о местной представительной и исполнительной власти, о местном самоуправлении, о выборности акимов, совершенствование законов о социальном и пенсионном обеспечении населения, налоговой политике, развитии малого и среднего бизнеса, рыночных отношений в агропромышленном комплексе, о защите материнства и детства, усилении борьбы с коррупцией и преступностью.

Вопрос в том, насколько эффективно сможет эта партия, да и все остальные осуществить свои планы. Это покажет время.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН - УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА?

Латыпаев Ш. Т.

Последнее десятилетие XX века характерно процессом включения в мировую экономическую систему новых независимых государств, установлением прямых контактов с ними, и более интенсивного сотрудничества в экономической, научной, культурной и других сферах. Это связано с тем что:

- распад СССР и всей социалистической системы, совпал с периодом усиления роли транснациональных корпораций (ТНК) в мировой экономике;

- ускорились процессы глобализация финансового сектора и интеграции финансовых рынков. Возникли огромные транснациональные финансовые конгломераты. Глобальные финансовые потоки стали значимым фактором международных экономических отношений;

- процессы приватизации и коммерциализации открыли новые рынки и отрасли, которые ранее были не доступны или же доступны с существенными ограничениями;

- по ряду причин конкуренция ожесточилась. Особо значимыми факторами стали распространение технологической революции; конвергенция технологических возможностей во многих отраслях производства, облегчающая быструю имитацию и появление различных видов товаров с лучшими качествами;

- слияния корпораций в мировом масштабе. Формирование новых рамок корпоративного сотрудничества и стратегических союзов усилило интенсивность и расширило территориальное распространение конкуренции. На рынке появились новые конкуренты, в частности из азиатских стран;

- увеличилась значимость региональных интеграционных процессов и зон сотрудничества, что стало оказывать многоплановое влияние на прямые капиталовложения. Один из наиболее показательных примеров - углубление европейской интеграции и создание в данном регионе единого рынка;

- во всем мире получили распространение современные технические достижения и технологии их применения, которые обусловили структурные сдвиги и породили новые возможности для предпринимательства (особенно, информационная революция);

- взаимозависимость отдельных рынков и национальных экономик усилилась. Но при этом увеличилось неравенство между регионами, странами и внутри стран, как в уровне доходов, так и в уровне развития технологий.

На фоне этих изменений Казахстан в силу относительно низкой степени инвестиционного риска среди стран СНГ стал наиболее привлекательным не только для ТНК, но и для многих крупных и средних предприятий развитых государств.

Уникальные сочетания минерального сырья общемирового значения на территории РК, в частности запасы топливно-энергетических, полиметаллических, железорудных и других ресурсов, которые выделяются не только количественными и качественными параметрами, но и благоприятными инженерно-геологическими условиями залегания, в течение относительно короткого времени превратились в сферу экономических интересов крупнейших предприятий мира.

По данным Агентства по статистике РК на 1 января 1999 года в Республике Казахстан действовало 1677 совместных и иностранных предприятий. За период с 1994 по 1999 гг. количество совместных и иностранных предприятий увеличилось в 3,4 раза, причем ежегодно прирост составлял в среднем 296 предприятий в год.

Большая часть предприятий зарегистрирована в г. Алматы (1139 из 1677), тогда как на остальную часть республики приходится всего 538 предприятий. Это обусловлено тем, что в г. Алматы, как в столице, прошли регистрацию большинство представительств иностранных компаний. Многие из них являются местными представительствами крупных иностранных компаний, имеющих небольшой годовой оборот и со штатом 2-3 человека. В то время как совместные и иностранные предприятия, зарегистрированные в регионах, являются предприятиями сформированными на базе крупных казахстанских предприятий.

Среди стран СНГ представленных на рынке Казахстана наибольшую активность проявляет Россия. На начало 1999 г. количество зарегистрированных предприятий с участием России, действующих на территории РК, составило 285. Очевидно, что это обусловлено давними экономическими связями в пору существования Союза ССР. Причем Российская Федерация является основным партнером Казахстана в сфере внешней торговли на территории СНГ. По последним данным доля российского экспорта составила 18,3% от общего объема экспорта, а доля российского импорта составила 37,2% от общего объема импорта. За 1998 г. выросла доля предприятий Кыргызстана, Украины и Узбекистана (количество зарегистрированных предприятий соответственно 20, 23, 23).

Доля стран вне СНГ среди совместных и иностранных предприятий составила 83% от общего количество зарегистрированных совместных и иностранных предприятий и равна 1393 предприятиям. Среди стран

вне СНГ, действующих на территории Казахстана, резко выделяются Германия (126 предприятий), Турция (266 предприятий) и США (161 предприятие).

В секторе промышленного производства наблюдается резкий рост объемов производства за последние три года, причем наибольший рост был достигнут в 1997 г. в 2,38 раза по сравнению с 1996 г. За 1998 г. рост составил 1,4 раза и на начало 1999 г., по данным Агентства по статистике РК, достиг Т234,1 млрд. в действующих ценах.

Необходимо отметить, что рост производства за период с 1994 по 1999 гг. в основном был обеспечен за счет нефтегазовых и добывающих совместных и иностранных предприятий. Львиная доля этих предприятий фактически контролируются ТНК.

В Казахстане возлагали большие надежды на деятельность ТНК развитых стран. К концу 90-х годов правительство усилило внимание к международным компаниям, которые могли внести соответствующий вклад в реализацию социально-экономических задач. Причем правительство не смогло предвидеть, что корпорации, учитывающие прежде всего интересы своей предпринимательской группы, а не принимающей страны, могут усугубить некоторые экономические болезни, присваивая большую долю дохода, устанавливая высокие или трансфертные цены и пользуясь прочими изощренными способами ухода от налогов, усиливая, таким образом, импортную зависимость ее экономики и сокращая занятость. Кроме того, Казахстану навязывается специализация, соответствующая интересам ТНК, основу которой составила низкая заработная плата и технологии среднего уровня, превратившая нашу страну в поставщика природных ресурсов.

Ярким примером подобных отношений ТНК и государства выступает деятельность ТНК в нефтегазохимическом комплексе РК, которая практически оказалась под контролем иностранных компаний, таких гигантов мировой нефтегазовой промышленности, как British Gas, Exxon, Mobil Oil, Conoco, Pan Canadian, Elcon, Elcag Bailey, National Iranian Oil, General Electric, Anglo Dutch Petroleum, Chevron Overseas. Политическая стабильность, высокие экономические дивиденды и стратегические интересы материнских государств ТНК привлекают в Казахстан новые нефтяные компании, такие как: Orix Energy, Canadian Occidental Petroleum, Turkish Petroleum, Mitsubishi, Bet Well Service, Amoco Eurasia Petroleum company и China National Petroleum Company (CNPC).

Основная деятельность иностранных компаний сосредоточена в областях Западного Казахстана (Атырауской, Мангистауской, Западно-Казахстанской), а также, Актюбинской, и регионах Центрального Казахстана, а именно в тех месторождениях, которые располагают наиболее выгодными экономико-географическими и инженерно-геологическими условиями добычи. Таковыми являются: Тенгиз, Карачаганак, Узень, Кумколь, Арман, Мертвый Култук, Тулпар,

Шубаркудук, Каламкас, Каражанбас и др. Вместе с тем, ориентация делается на развитие производственной инфраструктуры, и в первую очередь транспортных путей, пока еще, сдерживающих дальнейшую добычу на вышеперечисленных месторождениях. Это усиливает зависимость национальных компаний от ТНК.

Осуществление проектов строительства газопровода Аксай (Карачаганак) - Красный Октябрь с последующим выходом на Астану и Челкар (север Аральского моря) с подключением к газопроводу Бухара - Урал, а также планируемое строительство нефтепроводов Павлодар - Семипалатинск - Усть-Каменогорск и Павлодар - Астана - Караганда - Шымкент - Алматы еще больше повышает заинтересованность ТНК в нефтегазовом комплексе РК. Поскольку строительство развитой внутренней сети нефте- и газопроводов, создает благоприятные предпосылки для реализации экспорта нефти и газа в Японию и Южную Корею через Китай.

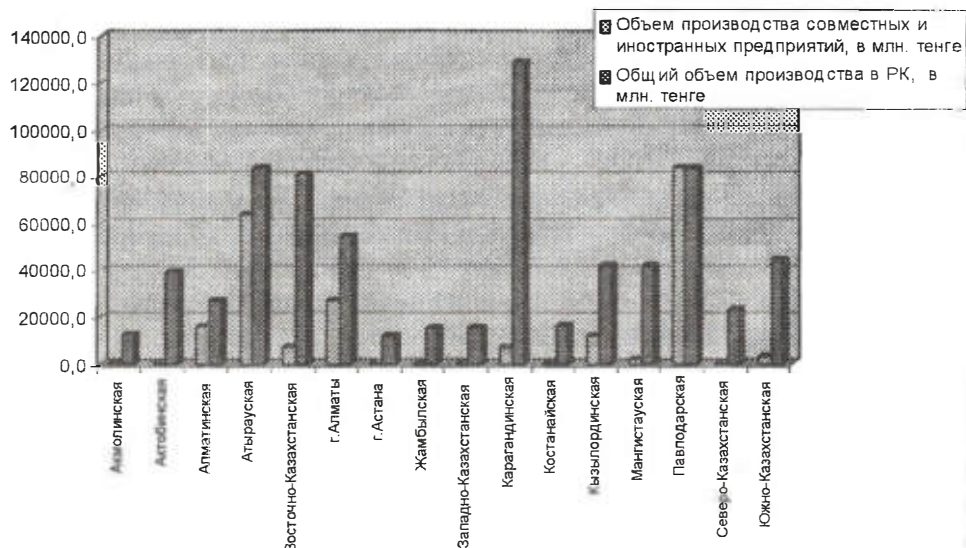
Как показал опыт, деятельность ТНК в Казахстане в 90-е годы по-разному воздействовала на экономику страны. С одной стороны, налицо многочисленные благоприятные последствия их присутствия - расширение притока капитала и экспорта, модернизация методов управления и маркетинга, более быстрый приток новых технологий, улучшение поставок на внутренний рынок, рост доходов тех, кто был нанят на работу в международные компании, и местных субпоставщиков.

С другой стороны, немало и негативных последствий присутствия ТНК. Так, они привнесли дифференциацию в экономику: поскольку сами представляют современный глобализированный сектор, а пропасть между ним и остальными секторами порождает неравенство доходов и запреты. Ряд корпораций подвергаются критике за наращивание интенсивности импорта и вытеснение местных товаров и компаний с целью завоевания внутреннего рынка. Некоторые компании извлекают выгоду из своего олигополистического статуса, устанавливая высокие цены. Примером подобной политики может служить ситуация с ценами на горюче-смазочные материалы, которые в мае 1999 года выросли. Необходимо заметить, что постановление Правительства Республики Казахстан о государственном регулировании цен на услуги по перегонке нефтепродуктов было проигнорировано как незаконное.

На 1 января 1999 г. промышленными предприятиями Казахстана произведено продукции (включая малые, подсобные предприятия, сектор домашних хозяйств) в действующих ценах на Т722 млрд., из них на Т224 млрд. произведено продукции совместными и иностранными предприятиями, что составляет 31,03% от общего объема производства. Соотношение объема промышленного производства совместных и иностранных предприятий и общего объема промышленного производства в РК за 1998 г. показано на диаграмме 1.

Диаграмма 1

Соотношение объема промышленного производства совместных и иностранных предприятий и общего объема промышленного производства в РК за 1998 г.

Как видно из диаграммы 1, совместные и иностранные предприятия производят львиную долю продукции в Павлодарской, Атырауской и Алматинской областях. Более половины объема промышленного производства на них приходится в г. Алматы. Также значительна доля промышленного производства совместных и иностранных предприятий в Кызылординской области. *Необходимо заметить, что от деятельности совместных и иностранных компании зависит треть объема промышленного производства республики. Кроме этого, необходимо учитывать, что большая часть производств является экспортно-ориентированной и относится к сфере нефтегазовой, топливно-энергетической и металлургической отраслям производства.*

В инвестиционной сфере экономики интерес для иностранных инвесторов представляют объекты транспорта и связи, объекты по производству и распределению электроэнергии, газа и воды и обрабатывающей промышленности (59%, 47%, 55% соответственно всех затрат на строительство). Очень высока доля средств иностранных инвесторов в объеме инвестиций в основной капитал Западно-Казахстанской (92%), Мангистауской (66%), Актюбинской (75%) и Алматинской (65%) областей. Львиная доля инвестиций в основной капитал среди совместных и иностранных предприятий, контролируются ТНК.

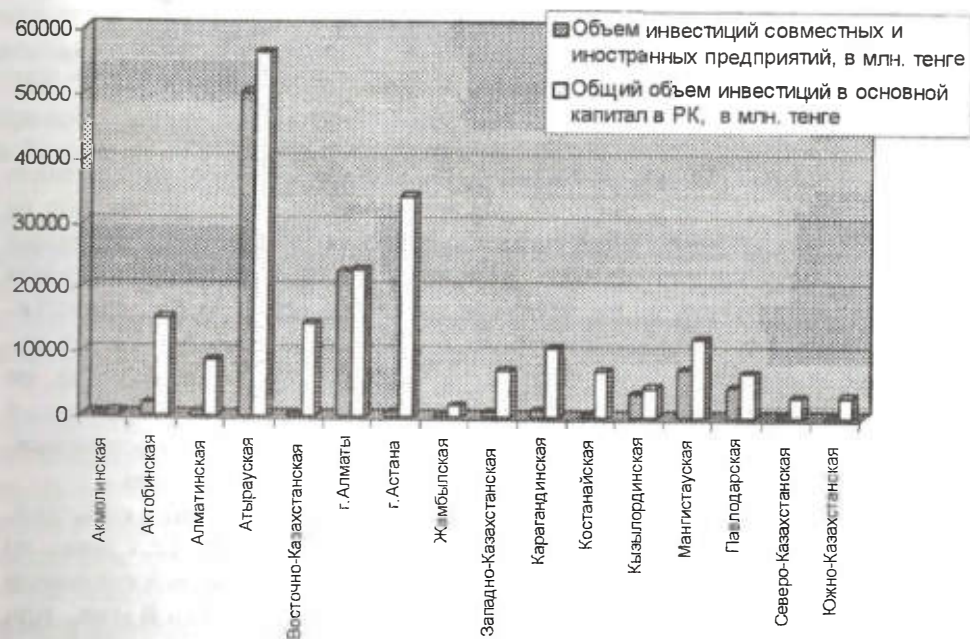
Приток иностранных инвестиций в республику в 1999 г. заметно сократился по сравнению с 1997 г., хотя многие проекты продолжались инвестироваться. Западные страны давно считают, что

будущее Казахстана напрямую зависит от того, как он распорядится своими запасами углеводородов. Поэтому в отраслевом разрезе большая часть инвестиций по-прежнему направляется в нефтегазовый сектор, цветную металлургию, также уделяется большой интерес черной металлургии, энергетическому комплексу, пищевой промышленности, телекоммуникациям. Из суммы иностранных инвестиций более \$8 млрд., которые должны прийти по итогам контрактов, заключенных в 1998 году, около \$7 млрд. предполагалось вложить в добывающий сектор, в первую очередь в добычу углеводородов.

На 1 января 1999 г. инвестиции в основной капитал совместных и иностранных предприятий составили Т94 млрд., что составляет 49,67% от общего объема инвестиций в основной капитал по республике. Соотношение объема инвестиций в основной капитал совместных и иностранных предприятий и общего объема инвестиций в основной капитал в РК за 1998 г. показано на диаграмме 2.

Диаграмма 2

Соотношение объема инвестиций в основной капитал совместных и иностранных предприятий и общего объема инвестиций в основной капитал в РК за 1998 г.

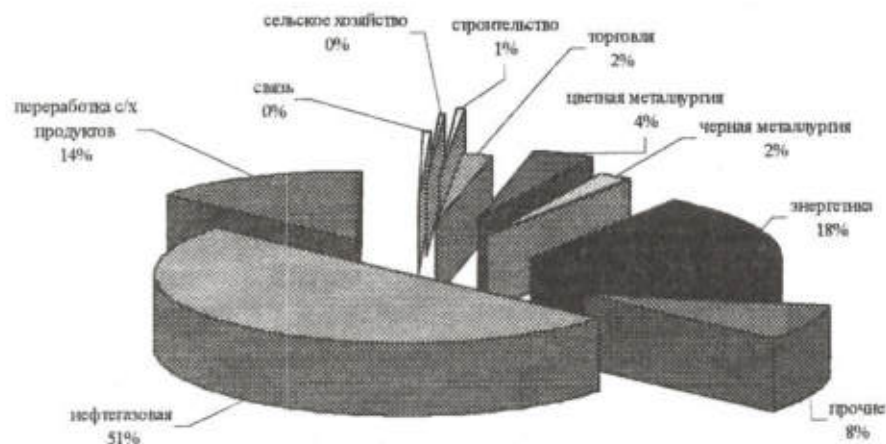

Как видно из диаграммы 2, совместные и иностранные предприятия являются основными инвесторами в г. Алматы, Атырауской, Кызылординской, Павлодарской и Мангистауской областях. Более половины объема промышленного производства на них приходится

в г. Алматы. Таким образом, можно заметить, что от инвестиций совместных и иностранных предприятий зависит развитие не только крупнейшего промышленного центра государства, но и самых перспективных регионов, и, следовательно, предприятий республики. Вместе с тем, необходимо учитывать, что большая часть инвестиций осваивается в сфере нефтегазовой, топливно-энергетической и металлургической отраслям производства, что видно из диаграммы 3.

Диаграмма 3

Освоение иностранных инвестиций в разрезе отраслей за 1998 г.

Деятельность ТНК на территории Казахстана не могла не повлиять на структуру и объемы внешнеторгового оборота. Так, до сих пор на казахстанском рынке более привлекательной считается продукция других стран. Государства СНГ являются основными поставщиками минеральных продуктов, химической и металлургической продукции. Импорт этих видов продукции хоть и несколько сократился, но по-прежнему составляет более половины от общего объема. Страны, не входящие в состав СНГ играют решающую роль в обеспечении потребностей страны по ряду важнейших товаров: машиностроения, фармацевтической промышленности, одежде, продовольствию.

По-прежнему экспорт осуществляется за счет добывающих отраслей. На 1 января 1999 г общий объем экспорта РК достиг \$6012,7 млн., из них доля экспорта совместных и иностранных предприятия составила 25% и достигла \$1502,9 млн. Объем импорта достиг \$7645,6 млн., при этом доля совместных иностранных предприятий составила 12,9% и достигла \$986,5 млн. *Нетрудно заметить, что совместные и иностранные предприятия экспортируют в два раза больше, чем импортируют, в стоимостном выражении.*

Сложилась парадоксальная ситуация - наиболее приоритетные направления казахстанской экономики, причем с потенциальными возможностями выхода на мировой рынок через ТНК, где РК занимала бы ведущее положение, вопреки экономической логике, оказались вовлеченными в деятельность ТНК.

Существует и другая, более общая, макроэкономическая проблема. Чем выше степень международной экономической интеграции через ТНК, тем более непосредственно на данные страны распространяется стратегия этих корпораций в виде международного рыночного давления, циклических колебаний, конкуренции, спекулятивных маневров. Если в некоей национальной экономике достигнут определенный порог прямых иностранных инвестиций (ПИИ), присутствие иностранных компаний необходимо рассматривать как фактор макроэкономического управления, политики в области обменных курсов, процентных ставок, налогов и т.д. Данная проблема в Казахстане уже проявляется на разных уровнях финансового рынка.

Вместе с тем, ТНК в Казахстане сталкиваются с рядом проблем и дилемм, касающиеся трудовых отношений и охраны окружающей среды, которые следует принимать в расчет. Последние, как правило, являются объектом более пристального национального и даже международного общественного внимания, потому что речь идет о деятельности иностранных, крупных и мощных структур. Поэтому ТНК заинтересованы в том, чтобы избежать нападков со стороны правительств и общественности. Эта проблема особенно остро стоит в Западном и Южном Казахстане.

В целом же для ТНК основополагающим является вопрос, в какой мере особенности Казахстана могут стать источником выгод или, напротив, потерь и конфликтов. Многие компании стремятся не к разнообразию в организационных формах и применяемых методах, а к тому, чтобы создавать и поддерживать заданный уровень общности, сплоченности и единообразия в рамках своей структуры.

Опыт свидетельствует, что в современном мире ослабление принимающей страны не соответствует интересам ТНК. Они в большинстве случаев заинтересованы в политической и экономической стабильности, а также социальной устойчивости стран, в которых расположены их аффилированные компании. Естественно, это верно лишь при условии, что международные компании могут добиваться своих предпринимательских целей в виде прибыли, завоевания рыночной доли и предпринимательского роста. Пока Казахстан соответствует этим требованиям. С другой стороны, деятельность ТНК - это не средство спасения слабых стран с больной экономикой.

Сегодня правительства принимающих стран располагают более многочисленными способами избежать негативных последствий деятельности ТНК, чем 30-50 лет назад, если обладают для этого административными возможностями, силой, опытом общения с подобными структурами и если

относительная значимость данных стран для тех достаточно велика. К сожалению, этого нельзя сказать о Казахстане. Именно отсутствие опыта общения, неотработанность законодательной базы и процедур заключения контрактов привели Казахстан к фактической потере контроля над стратегически важными отраслями экономики.

Разработать эффективную систему, позволяющую обеспечивать сбалансированное распределение выгод между принимающей страной и ТНК, оказалось очень трудным, а в случае с Казахстаном - практически невозможным. Корпорации могут быстро и эффективно реагировать на те или иные их попытки ввести строгое регулирование. Когда интересы корпораций существенным образом не ущемляются, они соглашаются на подобное регулирование. Иногда они смиряются, иногда оказывают давление на правительство, и, в крайнем случае, будучи свободными, могут перенести свою деятельность в другой регион. Поэтому развивающиеся страны, и Казахстан в частности, при регулировании деятельности ТНК должны соблюдать международный кодекс поведения. В целом до сих пор эти усилия оставались безрезультатными. Только в последнее время в мире стали обращать внимание на то, каким образом можно повысить ответственность транснациональных корпораций в принимающих их странах.

В условиях Казахстана споры по поводу принятия или не принятия частного иностранного капитала посредством ТНК вряд ли в настоящее время могут принести какую-то практическую пользу. Для того чтобы оценить вклад иностранной компании в национальное развитие необходимо провести как количественное (статистическое наблюдение), так и качественное (конъюнктурное обследование) исследование деятельности какой-либо отдельно взятой компании. Единственным ценным выводом, который можно сделать, сопоставляя все "за" и "против" является то, что частные иностранные инвестиции могут служить важным стимулом социального и экономического развития только в том случае, если происходит совпадение интересов иностранной компании и целей развития принимающей страны. Поэтому правительству страны, делающей ставку на привлечение частных иностранных инвестиций, необходимо в каждом отдельном случае взвешивать все "за" и "против" исходя из особенностей данной страны, с тем, чтобы найти приемлемый механизм увязывания целей национального развития страны и стремления иностранных компаний к получению прибылей.

Вместе с тем, если рассматривать Казахстан как одну из ведущих экономических составляющих, пока еще существующего СНГ, то он наряду с Россией, Украиной, Белоруссией и другим странами, он является потенциальной основой создания собственных ТНК и СП. Так, в топливно-энергетическом комплексе СНГ создано более 30 транснациональных компаний, корпораций и СП. Такие структуры созданы и функционируют в Белоруссии, Казахстане, России, Украине.

Наиболее активное участие в создании транснациональных корпораций государств Содружества принимают АО "ЛУКОЙЛ", РАО "Газпром", НК "Роснефть" (Россия), ГНК "Мунайгаз" (Казахстан) и др.

Приоритетом в создании ТНК в СНГ с участием Казахстана может стать также металлургический комплекс стран Содружества, представляющий собой уникальный комплекс сырьевой и производственно-технологической базы в производстве черных и цветных металлов.

С этой целью было бы целесообразным создание ТНК стран Содружества по добыче, производству и сбыту: хромитовых руд и хромистых ферросплавов - на базе запасов хромитового сырья Донского ГОКа и имеющихся мощностей ферросплавных предприятий России и Казахстана; алюминия и алюминиевого проката, титана и титанового проката - на базе сырьевых ресурсов и производственных мощностей России, Казахстана и Украины; редких и редкоземельных металлов - с участием предприятий России и Казахстана; труб большого диаметра с защитными покрытиями для нефтегазопроводов - на базе производственных мощностей России и Украины и др.

В агропромышленном комплексе стран СНГ, где Казахстан также мог занять соответствующее место, работы по созданию ТНК только начинаются.

Существующие ТНК в СНГ пока еще не могут играть значительную роль в национальных экономиках государств и в процессе интеграции. ТНК развитых стран действующие на территории Содружества выступают фактором дезинтеграции, поскольку не выполняют основные функции по обеспечению и развитию процесса глобализации:

- движение товаров между странами и секторами экономики;
- движение услуг между странами и секторами экономики;
- движение финансового капитала между странами;
- передвижение людей между странами, вызванное потребностями осуществления экономических функций;
- валютные операции на международных валютных рынках;
- движение интеллектуальной продукции и идей между исследовательскими и учебными центрами.

Это обусловлено частым несовпадением интересов, а также асимметрией власти. Такая асимметрия ощущается сразу же, как только обе стороны пытаются максимизировать свои выгоды.

Также, среди государств СНГ проявляется внутренняя конкуренция за потоки прямых иностранных инвестиций, предоставляемым в основном посредством ТНК. Она проявляется в виде некоторых мер, которые носят нормативный характер, и вводятся в силу законом или международными договорами, другие связаны с конкретным проектом и являются предметом согласования сторон. В странах

СНГ стимулы часто включали продажу иностранным компаниям национальных активов по очень низкой цене. Этот двуединый процесс и обуславливает невыполнение вышеназванных функций ТНК.

В настоящее время в сфере промышленного производства от деятельности совместных и иностранных предприятий (ТНК), в Казахстане зависит благополучие 3 областей страны: Павлодарской, Атырауской, Алматинской и г. Алматы. В инвестиционной сфере от ТНК зависят еще 4 области: Атырауская, Кызылординская, Павлодарская и Мангистауская, а также г. Алматы.

При сохранении существующих тенденций и методов взаимодействия с ТНК, через 5-10 лет в Казахстане от них будут зависеть 5 регионов страны и г. Алматы. Учитывая присутствие иностранных инвесторов в еще 5 областях республики, можно говорить о мощной экспансии иностранного капитала в Казахстан.

В свете того, что Казахстану навязывается сырьевая направленность, то надеется на усилении роли отечественных производителей, при режиме наибольшего благоприятствования иностранным инвесторам на внутреннем рынке, не приходится. *Казахстан единственная страна мира, в которой стратегические отрасли промышленности, энергетики и связи зависят от деятельности совместных и иностранных компаний. В этих условиях говорить об экономической или национальной безопасности государства не имеет смысла.* Возникает реальная угроза потери экономического суверенитета страны.

Отсутствие опыта и квалифицированных кадров, зависимость от МВФ, экономическая слабость государства, коррумпированность власти привели к тому, что в Казахстане нет институтов, а также не выработаны собственные методы взаимовыгодного сотрудничества с ТНК.

Таким образом, следует признать неспособность нашего государства управлять отраслями экономики находящимися под контролем ТНК. Разработка соответствующей стратегии сотрудничества с ТНК, может привести либо к мощному прорыву в мировую экономику, либо, в случае ее отсутствия или непродуманности, сыграть крайне негативную роль.

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность Республики Казахстан. Статистический сборник. 1999, Агентство Республики Казахстан по статистике, Алматы, 1999.
2. Социально-экономическое положение Республики Казахстан. Январь-декабрь 1998. (оперативная информация). Национальное статистическое агентство Республики Казахстан. Алматы, 1998.
3. Социально-экономическое положение Республики Казахстан за январь-июнь 1999. (оперативная информация). Агентство Республики Казахстан по статистике, Алматы, 1999.
4. Социально-экономическое положение Республики Казахстан за январь-июль 1999. (оперативная информация). Агентство Республики Казахстан по статистике, Алматы, 1999.
5. Социально-экономическое положение Республики Казахстан за январь-август 1999. (оперативная информация). Агентство Республики Казахстан по статистике, Алматы, 1999.
6. Социально-экономическое положение Республики Казахстан за январь-ноябрь 1999. (оперативная информация). Агентство Республики Казахстан по статистике, Алматы, 1999.

7. Социально-экономическое положение Республики Казахстан за январь-декабрь 1999. (оперативная информация). Агентство Республики Казахстан по статистике, Алматы, 1999.
8. Айсағалиева С.С. Анализ инвестиционной деятельности в Республике Казахстан, Экономика и статистика №1-2. 1999. Агентство Республики Казахстан по статистике. Алматы, 1999.
9. ЗАО "Казахстанская фондовая биржа". Годовой отчет за 1998 г. Internet: <http://kase.kazecon.kz/telis/kase1998/kase1998.htm>
10. Михали Шимаи. Роль и влияние транснациональных корпораций в глобальных сдвигах в конце XX столетия. Проблемы теории и практики управления №3. 1999. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/3_99/pu3_19.htm
11. Михали Шимаи. Государство и транснациональные компании. Проблемы теории и практики управления №4. 1999. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/4_99/pu4_26.htm
12. Михали Шимаи. Глобализация как источник конкуренции, конфликтов и возможностей. Проблемы теории и практики управления №1. 1999. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/1_99/pu1_21.htm
13. Майкл Д. Интрилигейтор. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции. Проблемы теории и практики управления №6. 1998. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/pu6_1.htm
14. Лоуренс Клайн, Глобализация: вызов национальным экономикам. Проблемы теории и практики управления №6. 1998. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/pu6_18.htm
15. Ван Гуаншэн, Иностраный капитал в экономике КНР Проблемы теории и практики управления №3. 1997. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/3_97/pu3_24.htm
16. Чжоу Синьчэн, Экономическая реформа в Китае: достижения и задачи Проблемы теории и практики управления №2. 1997. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/2_97/pu2_13.htm
17. Меньшиков С. Что стоит за волной слияний? Проблемы теории и практики управления №6 1998 г. Internet: http://www.ptpu.ru/issues/6_98/pu6_6.htm

НЕЛИКВИДНОСТЬ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА - УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Смирнов С. Л.

Проведение реформ в Казахстане характеризуется катастрофическим спадом производства: при сокращении промышленной продукции за годы независимости более чем на 50%, снижение производства в машиностроении составило более 60%, в высокотехнологичных его отраслях - 80-90%. Несмотря на то, что существует твердая установка на подъем реального сектора, оживлять его практически нечем. Вследствие этого полное разрушение промышленного сектора экономики, и в особенности его конечного сегмента, может стать свершившимся фактом. Причин, объясняющих такое состояние экономики, много: разрыв связей с предприятиями бывших союзных республик, сужающийся внутренний спрос, возрастающий импорт, необоснованно форсированная, а потому крайне неэффективная, приватизация и т.д. Однако главная причина не в последствиях развала советской экономики, а в реализуемой восьмой год модели макроэкономической стабилизации, в основу которой, наряду с неэффективной фискальной и жесткой денежно-кредитной политикой, был положен принцип, что ограничение предложения денег будет воздействовать лишь на уровень цен, а не производство.

Состояние реального сектора экономики

Ситуация в промышленности. В настоящее время в Казахстане функционирует почти 16 тыс. предприятий, из которых 1,6% (около 250 крупных) производят более 77% всей казахстанской продукции, а крупнейшая корпорация республики "Испат-Кармет" дает 7-10% всего ВВП страны¹. Однако практически для всех отраслей реального сектора экономики характерен многолетний спад производства. В наибольшей степени он коснулся наукоемких отраслей. Их доля сократилась почти вдвое. Многие виды продукции вообще перестали производиться. Растет число убыточных предприятий. Степень функционирования заводского оборудования составляет менее 20%, что свидетельствует о низком уровне производительности². По данным Комитета по статистике, в их число в 1998 г. входило более половины крупных и средних предприятий республики. Самый высокий удельный вес их приходился на Костанайскую (71,4%), Акмолинскую (67%), Павлодарскую (54,5%) области. Общая сумма убытков предприятий составила Т155,2 млрд.

Таблица 1.

Распределение убыточных предприятий по отраслям

Отрасль промышленности	Количество, %
Обрабатывающая	54
Горнодобывающая	74
Производство и распределение эл.энергии, Газа и воды	69

Наряду с тем, что в стране преобладает затратная технология, основным фактором удорожания продукции являются налоговые, ценовые и прочие условия хозяйствования. Предприятия работают крайне нестабильно, рост производства на одном предприятии в течение одного месяца может смениться спадом, вплоть до полной остановки, в следующем. Для некоторых отраслей производства (энергетики, легкой промышленности, стройматериалов и п.т.) в последние годы оживление производства носит сезонный характер. Доминирующими причинами, препятствующими производственной деятельности, являются финансовые проблемы, низкий платежеспособный спрос.

Макрофинансовая политика блокирования кредитно-эмиссионных источников - банковского кредитования воспроизводственной деятельности даже таких монополистов как крупные нефтяные и металлургические компании, делает переключение финансовых источников на преимущественно кредиторскую задолженность безальтернативными. Широко распространен и обратный процесс - трансформация активов в долговую форму (рост дебиторской задолженности, достигающий 60-80% активов предприятий).

Логическим продолжением развития указанных тенденций явилось нарушение процесса воспроизводства основных фондов. Капиталовложения в них за период с 1991 по 1998 гг. сократились в 2 раза. Степень износа промышленно-производственных основных фондов (ППОФ) на начало 1999г. в строительстве составил 43,7%, в транспорте - 43,5%, в горнодобывающей промышленности превысил 37% (в т.ч. в угольной - 57%, урановой - 61%, добыче металлических руд - 50%). В обрабатывающей промышленности это показатель достиг 50% за исключением производства табачных изделий. Коэффициент ликвидации в 1998г. был в 3 раза меньше коэффициента обновления³. Коэффициент обновления ППОФ в среднем за 1994-1998 гг. составил 6% и продолжает снижаться. Вместе с тем коэффициент выбытия ППОФ за данный период едва превышает 2%. При таких темпах обновления потребуется более 25 лет для замены устаревшего оборудования. При этом степень использования производственных мощностей во всех отраслях, за редким исключением, колеблется от 0,6 до 18%.

Таким образом, возникает реальная угроза потери оставшейся части производственного потенциала промышленных предприятий.

Достаточно полно отражает общее экономическое состояние предприятий в стране ситуация в Павлодарской области - одном из самых развитых в промышленном отношении регионов Казахстана. Продукция машиностроительного и тракторного заводов не находит сбыта из-за высокой себестоимости, низкого уровня маркетинговых исследований. Соответственно, вследствие спада в машиностроении, инструментальный завод не может использовать свои мощности. Огромный строительный комплекс, в который входили завод ЖБИ, завод металлоконструкций, кирпичный завод ныне сегментирован (резко снизив объемы производства) и самостоятельными юридическими лицами стали отдельные цеха.

Павлодарскому химпрому, также разделенному на два предприятия - химзавод и химкомбинат - нужна господдержка: производство будет работать, если его защитить от дешевой продукции из соседних стран, причем не только протекционистской таможенной политикой. Несмотря на то, что разведанные запасы угля в области составляют 35% от республиканских, угольная отрасль области также находится в упадке: разрез "Северный" должен в бюджет почти Т3,5 млрд, разрез "Богатырь" - Т1,3 млрд, "Майкубенский" - Т630 млн. Одной из основных причин этого стало повышение железнодорожных тарифов на перевозку угля, что резко снизило его конкурентоспособность. Россия уголь берет, но рассчитывается за него не деньгами, а поставками электроэнергии на Запад Казахстана. Хотя в области сосредоточено несколько ГРЭС, работающих на местном угле. Однако избыток электроэнергии направить в южные и западные регионы страны невозможно, поскольку отсутствуют линии электропередач, строительство которых теперь республике не под силу. В результате энергоемкие предприятия, которые могли воспользоваться избыточной электроэнергией области - стоят.

В последние годы ситуация усугубляется кризисом неплатежей, сокращением оборотных средств предприятий, уменьшением инвестиций. Но все это только следствие прекращения государственной поддержки реального сектора экономики.

Так, градообразующее предприятие г.Лисаковска - горно-обогатительный комбинат - оказался банкротом (в феврале текущего года продан дочерней фирме "Испат-Кармета"), чему немало способствовало правительство, распорядившееся в 1995г. осуществлять Кармету практически безвозмездную поставку железорудного концентрата. С 1 апреля прошедшего года единственный потребитель продукции комбината - Кармет - отказался от его услуг, предпочитая брать сырье в России, где оно стало значительно дешевле. Однако правительство, в отличие от АО "Испат-Кармет" (которому, предоставив льготы по налогообложению, снизив тарифы на железнодорожные перевозки и электроэнергию, позволило выйти на 50% рентабельность), не оказывает предприятию никакой помощи. Хотя очевидно, что с потерей ГОКа (где подготовлено титаноциркониевое производство, продукция которого пользуется повышенным спросом), других предприятий горнодобывающей промышленности Казахстан теряет возможность поставлять за рубеж свою продукцию, а значит, сокращаются валютные поступления в бюджет⁴.

Ликвидация собственной экономически эффективной металлургии создает угрозу экономической безопасности страны, которая, превратившись в сырьевую базу, становится объектом экспансии иностранного капитала.

При развивающихся мировых интеграционных процессах Казахстан и другие страны СНГ практически оказались за рамками существующих торгово-экономических блоков, поэтому необходимо возрождение рынка СНГ, в особенности рынка металлов. Важное значение имеют меры по формированию условий для воспроизводства сырьевой базы металлургии (к примеру, в Казахстане, обладающим 6% от мировых запасов железных руд, спад их добычи за период 1991-1996гг. составил около 30%), воссозданию технологической кооперации предприятий (Соколово-Сарбайское горно-производственное объ-единение ранее только в России удовлетворяло потребности Магнитогорского, Орско-Халиловского и Западно-Сибирского металлургических комбинатов, Лисаковский ГОК поставлял товарную руду на Западно-Сибирский металлургический комбинат)⁵.

Легкая промышленность, не выдерживая конкуренции с импортной продукцией, не создает спрос на отечественное оборудование, пищевая в основном ориентируется на зарубежную технику. *Ориентация на закуп зарубежной техники ведет к тому, что страна попадает в безнадежную техническую зависимость от других стран.*

Между тем, преимущества легкой и пищевой промышленности, заключающиеся в быстрой окупаемости вложенных средств, относительно простой модернизации технологий, ориентации на внутренний рынок с отражением интересов всех слоев населения и т.п., также как и отрасли конечного потребления, могут служить источником оживления экономики. Однако государство практически самоустранилось от своей регулирующей роли в этой сфере реального сектора экономики, порождая хаос, коррупцию и, в конечном счете, спад производства. Причем государство отказывает в поддержке даже тем предприятиям контрольным пакетом акций которых обладает. Положение осложняется тем, что из-за ошибок в приватизации и реструктуризации, дальнейшей непоследовательной производственной и фискальной политикой многие из предприятий оказались разорены, умышленное банкротство привело к перетеканию имущества и оборудования в теневой сектор. В результате этого удельный вес легкой промышленности в объеме товарной продукции всей промышленности республики за годы независимости сократился в 10 раз и в настоящее время составляет только 1,8%⁶. На долю легкой промышленности приходится менее 0,05% всех инвестиций. Между тем, сырье производимое в стране, в необработанном виде вывозится в Турцию, Китай и пр. И если по продуктам питания импорт достигает 50%, то по товарам легкой промышленности перевалил за 90%. Так, ежегодно в Казахстан завозится товаров народного

потребления на \$1,5 млрд, в том числе текстиля и обуви - на \$750 млн, причем в самой республике производится всего 400 тыс. пар обуви ежегодно, включая потребности армии⁷.

В стране нормально не функционирует ни один станкозавод. В условиях подавленного инвестиционного спроса машиностроение использует 10-15% мощностей, имевшихся на начало 1992г., без внедрения наукоемких технологий. Спад в машиностроении привел к образованию свободных производственных мощностей. Однако не все они могут быть резервом увеличения выпуска конкурентной продукции, даже для внутреннего рынка. Это возможно при наличии парка оборудования высокого технологического уровня, но в стране происходит активное вытеснение высокотехнологичных отраслей производствами более низкого технического уровня. Именно они преимущественно и обуславливают наблюдающийся неустойчивый экономический рост. Сейчас можно говорить лишь об усилении ремонтно-сервисных, инфраструктурных и частично экспортных функций машиностроения. Не удастся использовать его главное конкурентное преимущество - высокотехнологичные отрасли - для обновления своего производственного аппарата и парков оборудования в других сферах экономики. Из-за низкой прибыльности производства кредиты недоступны большинству предприятий даже для пополнения оборотных средств, не говоря о долгосрочных финансовых вложениях для технологического обновления. На какой основе будет обновляться парк оборудования машиностроения, если у него нет финансовых ресурсов для закупок наукоемких технологий, повышающих качество и конкурентоспособность продукции, а на мировом рынке за последние 15 лет металлообрабатывающее оборудование подорожало на 47- 50%? Вопрос остается открытым.

Таким образом, в результате роста издержек производства, качественной деградации и структурного кризиса индустриальной системы вследствие масштабного падения промышленного, технологического, экспортного, научно-технического потенциала республики, создается внутренняя угроза ее экономической безопасности.

Учитывая тяжелое положение конверсируемых оборонных предприятий следует констатировать, что перспективы выполнения машиностроением таких его общеэкономических функций, как обеспечение воспроизводственного процесса в экономике страны в целом и обеспечение военной безопасности в частности, близки к катастрофическим.

Структура промышленного комплекса. В сложившейся структуре промышленного производства, характеризующейся значительным перекосом в сторону топливно-энергетического комплекса (чья доля только за 1991-1996 гг. возросла почти в 4 раза), обрабатывающая промышленность РК (занимая 56% республиканского объема

производства) представлена более чем на треть металлургией и обработкой металлов, а на 37% - переработкой сельскохозяйственных продуктов. Наряду с таким изменением структуры производства РК продолжается структурная деградация промышленности, выражающаяся в трансформации в сторону первичных, менее сложных в технологическом отношении производств, что влечет за собой как усиление зависимости национальной экономики от импорта, так и ослабление научно-технического потенциала страны.

Прямое перераспределение приоритетов в пользу добывающих отраслей промышленности и направление львиной доли инвестиций (табл.2) на создание мощностей преимущественно для добычи сырья, а также слабая поддержка отечественного производителя готовой продукции ведет к тому, что Казахстан в ближайшее 10-летие столкнется с непреодолимыми сложностями в экономическом развитии и, прежде всего, с невозможностью подъема реального сектора. Государство, в свое время поспешившее избавиться от управления объектами сырьевого промышленного сектора, сегодня вынуждено подчинять макроэкономическую политику интересам сырьевого бизнеса.

Навязывание же Казахстану нового порядка перераспределения его ресурсов без его решающего слова, в результате разрушения промышленного и оборонного потенциала, несет внешнюю угрозу его национальной безопасности.

Таблица 2.

Отраслевая структура прямых иностранных инвестиций

Отрасли промышленного производства	Объемы прямых иностранных инвестиций, %
Нефтеперерабатывающая промышленность	60%
Цветная металлургия	10%
Газовая промышленность	5%
Черная металлургия	5%
Пищевая промышленность	5%

Источник: Инвестиционные возможности Казахстана. Госкомитет РК по инвестициям

Сырьевая специфика республики уже сейчас привела к тому, что основной статьей казахстанского экспорта является первичное сырье, а импорт составляют оборудование, информационные технологии, ТНП и т.д.

Промышленный сектор казахстанской экономики характеризуется также значительными диспропорциями в размещении производительных сил: большой удельный вес имеют градообразующие монопроизводства. Результатом стало появление синдрома Кентау, Жанатаса и т.п.

Ситуация в сельском хозяйстве. В последнее 10-летие положение в АПК характеризуется резким уменьшением количества и снижением качества основных видов сельхозпродукции, значительным падением урожайности агрокультур и продуктивности скота⁸⁻¹².

За время реформ посевные площади под зерновые в республике сократились почти вдвое (с 25 млн до 12 млн га), валовый сбор зерна с 30 млн т до 8 млн т в 1998 г. и до 15 млн т в 1999 г., урожайность - с 12 ц/га до 6, не используется 30% орошаемых земель, почти 18 млн га пашни подвергаются ветровой и водной эрозии, треть всех пастбищ деградировала, не проводятся ирригационные и мелиоративные работы. Опустыниванием охвачено почти 66% (179,9 млн га) территории Казахстана. Земли истощаются - по данным Института почвоведения НАН РК, пахотными землями республики утрачено до 1/3 гумуса. По данным службы химизации, пашня в последние годы теряет в 240 (!) раз больше питательных веществ, чем получает за счет внесения минеральных удобрений. Причина - сокращение производства удобрений в республике (фосфорных в 47 раз, азотных - в 44 раза, а калийные с 1994 г. вообще не выпускаются) и высокие цены (на 1.04.1999 г. цены на минудобрения, произведенные в Казахстане, превышали стоимость аналогов из России в 2-2,5 раза). В результате использование минеральных удобрений по сравнению с 1990 г. сократилось в 105 раз, органических удобрений - в 394 раза. Засоренность полей осотом, польноью резко снижает качество собираемого зерна и оно по качеству все больше приближается к фуражному. Кроме того, в прошедшем году саранчой было поражено около 9 млн. посевных площадей. Такое положение ведет к тому, что через несколько лет для пополнения госресурсов придется выкраивать из без того скудного бюджета несколько сотен миллионов долларов для централизованных закупок импортного продовольствия и республика из экспортера зерна может стать его импортером. А ведь до 1995г. производство зерна в Казахстане было рентабельным (в 1992 г. уровень рентабельности составлял 186,4%)¹².

Негативные явления в растениеводстве отрицательно сказались на развитии ведущей отрасли Казахстана - животноводстве. поголовье КРС к 1998г. по сравнению с 1991 г. сократилось более чем в 2 раза, производство шерсти - почти в 3 раза, производство молока упало на 40%.

Некоторые положительные результаты имеются в птицеводстве. И если бройлерное производство может быть восстановлено в течение 2-3 лет, то животноводство без зерна восстановить невозможно (тем более, воспроизводственный цикл поголовья скота составляет 3-5 лет, а полное обновление стада высокопродуктивных животных предполагает еще больший срок).

Снижение поголовья животных и птицы, сопровождающееся уменьшением продуктивности животноводства, представляет прямую угрозу продовольственной безопасности Казахстана.

Итоги финансово-хозяйственной деятельности хозяйств за последние годы свидетельствуют о том, что увеличение сельхозугодий и пахотных земель находящихся в распоряжении фермеров сопровождается не подъемом, а спадом сельскохозяйственного производства. Так, по данным Статагенства РК, в 1997 г. имея в пользовании 15% пашни и 12% всех сельхозугодий, фермерские

хозяйства произвели 11% валовой сельхозпродукции республики. А в 1998 году, располагая уже 17% всех сельхозугодий и 19% пахотных земель республики, фермеры произвели лишь 9% валовой продукции от ее объема во всех категориях хозяйств. Причем против 1997г. объем валовой продукции крестьянских хозяйств сократился на 24%. Вместо почти 3 тысяч колхозов и совхозов к концу 1998г. в республике имелось более 58 тыс. крестьянских и фермерских хозяйств (на которые приходится от 16 га земельного надела в зоне орошаемого земледелия до более 1000 га в полупустынной).

Таблица 3.

Динамика ежегодного роста численности фермерских хозяйств РК

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Кол-во	324	3333	9262	16283	22521	31055	44137	54716	58422

Широко декларируемая поддержка фермерских и крестьянских хозяйств на деле обернулась фикцией: в 1995 г. из Т321 млн. выделенных бюджетом на поддержку хозяйств, крестьяне получили лишь Т59 млн., в 1996 г. - из Т400 млн. только 177,5 млн., в 1997 г. -Т133 млн. Не нашли фермеров и выделенные из бюджета 1998 г. Т2,5 млрд. в фонд поддержки сельского хозяйства и Т2,5 млрд. для льготного кредитования сельхозпроизводителей¹³. Результат не замедлил сказаться: фермерские хозяйства разоряются или "свертываются" до размеров натурального хозяйства, способного едва обеспечивать самих крестьян.

Негативные результаты форсированной "фермеризации" сельского хозяйства обусловлены проведением ее без учета того, что в Казахстане определяющими стали целинное и орошаемое земледелие, отгонное животноводство, которые опирались на высокую степень государственного участия. Развитие таких систем требует мощной техники, централизованного обеспечения оборудованием, кадрами и здесь внедрение мелких хозяйств, основанных на мини-технике (к тому же не производимой в республике), непродуктивно.

Таким образом, попытка создания широкого слоя фермеров способных быстро и качественно накормить страну, практически провалилась. Тем самым углубляющийся кризис в сельском хозяйстве превращает страну в потребителя импортной, часто опасной для здоровья, продукции. В целях повышения ликвидности АПК целесообразно принять закон о создании республиканского и региональных фондов финансовой поддержки АПК, поскольку большинство предприятий рентабельно вести производство, а тем более расширенное воспроизводство не имеет возможности: кредиторская задолженность в несколько раз превышает дебиторскую.

При любой форме собственности или хозяйствования на селе определяющим условием повышения производства является плодородие почвы. Однако разрушены службы агрохимии, водного хозяйства и мелиорации. Скудные средства, выделяемые на эти цели, вследствие бесконтрольности, используются крайне неэффективно и большей частью не доходят до конечной цели. Нужно поддерживать конкретных производителей и переработчиков продовольствия независимо от вида и формы их организации. Поставщики продовольствия через систему заказов сами определяют и востребуют те сегменты сельского хозяйства, которые необходимы и имеют перспективу. Поэтому целесообразно воссоздание служб, наделенных правом (в случае нецелевого расходования средств), наложить мораторий на субсидии в эту отрасль и на неправильно выделяемые средства по повышению плодородия земель.

За годы реформ поставки сельскому хозяйству тракторов, грузовиков, сельскохозяйственных орудий снизились в десятки раз т. е. промышленное производство обеспечивающее аграрно-промышленный комплекс практически свернуто и сейчас техники в сельском хозяйстве как минимум на треть ниже потребности, причем около трети имеющейся техники неисправна или давно выработала свой ресурс. Между тем, лишь в 1996-1997 гг. для сельского хозяйства требовалось около 250 тыс. наименований средств механизации на сумму более \$1 млрд. Поэтому следует незамедлительно пересмотреть политику в отношении сельскохозяйственного машиностроения и сельхозтехники: не может страна, имеющая (хотя и полностью не использующая) 25 млн га посевных площадей обойтись без своего тракторо- и комбайностроения. Поскольку фермер на "доходы", получаемые со своего хозяйства, сегодня не в состоянии купить какую-либо технику, то здесь ему значительно может помочь создание машинно-технологических станций, различных ассоциаций фермеров (в республике по состоянию на 1.01.1999 г. лишь 9% фермеров входили в различные производственные, сервисные, сбытовые кооперативы и ассоциации). Развитие кооперативного движения в АПК следует поднять на государственный уровень, чтобы вовлечь в него не только производство, но и кредитно-финансовую деятельность, переработку, реализацию продукции и т.д. Но на пути решения этой проблемы существует множество препятствий, главное из которых - отсутствие закона "О кооперации в сельском хозяйстве".

Мировой экономический опыт указывает на то, что сельскохозяйственное производство не способно самофинансироваться в условиях рынка, даже на уровне простого воспроизводства. Поэтому в мире нет ни одного государства, в котором аграрный сектор полностью самостоятельно решал все свои проблемы. Более того, именно этот сектор постоянно ощущает государственную поддержку (бюджетные субсидии в странах Евросоюза составляют более 50% общего дохода фермерских хозяйств,

в Норвегии -57%, в Швейцарии -даже 82%), поскольку он в решающей степени определяет социально-экономические условия жизни людей и является потребителем больших объемов материально-технических ресурсов.

В Казахстане государство, сделав упор на макроэкономическую стабилизацию и невмешательство в управление социально-экономическими процессами на местах, полностью устранилось от решения проблем села.

Отечественная переработка сельскохозяйственных продуктов, которая составляет свыше 1/3 объема обрабатывающей промышленности республики, стабильно снижает свои объемы. Около половины потребностей республики в продовольствии удовлетворяются за счет импорта. Тогда как мировая практика показывает, что если доля импорта в потреблении продовольственных товаров превышает 30-35%, то возникает угроза продовольственной безопасности. Однако низкая платежеспособность населения Казахстана создает иллюзию устойчивого предложения продуктов на рынках республики.

Таким образом, критический рубеж зависимости республики от внешнего продовольственного рынка уже преодолен и *вопрос обеспечения продовольственной безопасности становится реальной проблемой жизнеобеспечения страны.*

Промышленные предприятия и иностранный капитал. В 1994-1997 гг. форсированными темпами проводилась передача крупных, стратегически важных и градообразующих промышленных предприятий во внешнее управление. Причем во многих случаях выбор управляющих фирм проходил на бесконкурсной основе, под нажимом высокопоставленных чиновников, без должного технико-экономического обоснования, с нарушением правовых основ приватизации не только должностными лицами, но и самими правительственными органами. За этот период только в базовых отраслях промышленности в иностранное управление было передано 45 крупнейших предприятий. В результате такой беспрецедентной акции, по экспертным оценкам, около **90% производственного потенциала республики** (в основном, цветной и черной металлургии, горнодобывающей и химической промышленности, энергетики) **теперь находится в руках иностранных инвесторов.**

Преобладание иностранных инвесторов в экономике Казахстана, при отсутствии инвесторов внутренних, делает экономику неустойчивой. Отрицательным фактором является несоблюдение ими обязательств по развитию сопутствующей инфраструктуры, что ведет к нарастанию социальных конфликтов, которые могут дестабилизировать внутреннюю социально-политическую ситуацию. Следует отметить, что лишь на некоторых из таких предприятий производственная и социальная ситуация немного улучшилась. Так, многие фирмы (АО "Испат-Кармет"), выкупившие в собственность градообразующие предприятия, после первых разрекламированных успехов, начинают сокращать объем

производства, закрывать предприятия, увольнять рабочих, увеличивая численность безработных и порождая клубок неразрешимых социальных проблем в регионах (в частности, покидаются жителями многие шахтерские города-спутники Караганды). Это объясняется тем, что новые владельцы не заинтересованы в проведении реструктуризации. Им выгоднее экспортировать сырье и вывозить капитал за пределы страны, чем вкладывать деньги в ее развитие. Поэтому в основе стратегии большинства иностранных компаний лежит полное использование и выработка имеющихся мощностей и ресурсов за период их управления без соответствующего развития, что также создает серьезную угрозу экономической безопасности страны.

С другой стороны, в условиях жесточайшего бюджетного дефицита, государство не может инвестировать производство частных предприятий. А если станет, то тогда придется признать провал политики приватизации предприятий базовых отраслей промышленности.

Проблема неплатежей в реальном секторе РК

Проблема неплатежей затрагивает весь реальный сектор экономики страны¹⁴ и, по данным Агентства по статистике РК за 1998 год, общая кредиторская задолженность 7795 отчитавшихся предприятий и организаций составляет Т1501,5 млрд., или 89,8% (!) от объема ВВП, полученного в 1997 году. В свою очередь, дебиторская задолженность в целом на 1 декабря 1998 г. составляют Т657 млрд. Эти факты являются реальным следствием того, как расчетная цена предприятия превышает уровень цен неплатежеспособного спроса. Самое главное, что разница между ними может быть и не погашена - как из-за действующего уровня налоговых и кредитных ставок, так и существования механизма жесткой заработной платы (возникающего в результате различных тарифных ограничений), - основных статей издержек, что в целом означает фактическую утрату предприятием контроля над ценой и рентабельностью. Кроме того, снижение, в частности, дебиторской задолженности в большинстве случаев показывает, что денежные средства замораживаются не в расчетах с дебиторами, а в складских запасах, что, естественно, свидетельствует о трудностях с реализацией продукции.

Можно предположить, что неплатежи и непоставки нерезидентов вписываются в практику сговора многих казахстанских предприятий с аффилированными лицами и подставными компаниями. Известно, что предприятия, стремящиеся снизить фактическое налоговое бремя и избежать штрафных санкций, могут осуществлять взаимные расчеты через зарубежные банки. В таком случае значительная часть кассовых остатков многих предприятий, большая часть прибыли находится вне национального контроля и не показывается в консолидированных балансах предприятий и, естественно, не включается в налогооблагаемую базу. Несомненно, все эти проблемы

можно увязать либо с объективно слабой ролью налоговой и денежно-кредитной политики государства (сложно регулировать ликвидные активы вне национальной юрисдикции), либо с субъективными и преднамеренными действиями определенных лиц. Так, в отношении России официально установлено, что при удвоении за четыре года экспорта стратегических ресурсов она потеряла около 70% своего промышленного потенциала и внутреннего рынка, когда валютные поступления в размере 30% укрывались за границей.

Решение проблем внутренней задолженности, по сути, не находит отражения в реальных действиях правительства РК. Дело в том, что государство фактически отдало приоритет в финансировании бюджетного дефицита внешним займам как единственному выходу в решении долговых проблем республики.

Понятно, что когда в рыночной экономике нет нормального денежного хозяйства, когда тенговая монетизация экономического оборота (отношение денежной массы к ВВП) колеблется на уровне 8% (тогда как в Германии этот уровень составляет 70%, а в Великобритании - даже 100%), то не может быть и речи о подъеме экономики, росте налоговой базы и бюджетного потенциала государства. Анализ, проведенный по близкой нам России, показал, что около 80% предприятий не в состоянии рассчитываться с фискальной системой деньгами из-за отсутствия таковых в результате неденежного способа формирования выручки.

Тенденция к росту неплатежей означала создание необходимого фона для введения режима ускоренного банкротства, а в конечном итоге - приватизации, дальнейшего передела собственности и развала машиностроительной отрасли. Дело в том, что Международный валютный фонд (рекомендации которого, как известно, лежат в основе политики макрофинансовой стабилизации РК) считает, что неплатежи являются лишь свидетельством и результатом неэффективности целого ряда производств. Хотя основная "заслуга" в этом принадлежит Нацбанку и правительству РК, которые в начале 90-х годов не решились, опасаясь инфляции, своевременно профинансировать кредитом недостающие оборотные средства предприятий и спровоцировали этим масштабный спад производства. (Как известно, в результате этой политики правительство РК не достигло своей главной цели - не были сдержаны процессы обесценения национальной валюты и инфляции, причем цены в 1992 году возросли в 25 раз, в 1993 году - в 22,7, в 1994 году - в 12,6, в 1995 году - на 60% и в 1996 году - на 30%. Если бы были применены компенсирующие механизмы, инфляционные процессы остались бы на том же уровне, однако объективно не возникли бы такие масштабы кризиса платежей и спада производства.). Однако после процедуры банкротства предприятий не достигается главного: не происходит параллельного создания на их базе новых и конкурентоспособных промышленных

объектов, о чем свидетельствуют как снижающаяся динамика инвестиций в основной капитал (износ которого уже давно приближается к катастрофическим отметкам), так и высокая норма безработицы и связанная с этим деградация квалифицированных кадров.

Борьбу с неплатежами следует начинать самому правительству РК и, таким образом, исправлять ошибку, допущенную им же с подачи МВФ и испытать, допустим, механизм выдачи кредита на формирование оборотных средств с целевым направлением его на погашение кредиторской задолженности. С целью избежать его влияния на возникновение инфляции, можно предложить особый порядок и условия его предоставления в виде, например, "расчетных бонов". Все операции по выдаче кредита в бонах и проведению расчетов сверху донизу необходимо выделять в отдельный блок движения средств по погашению кредиторской задолженности и, естественно, они не должны попадать в общий денежный оборот, официальные размеры которого ничтожно малы. Однако следует подчеркнуть, что такой механизм требует четкости работы всех органов и может дать эффект лишь для отраслей с четкой взаимозависимостью дебиторско-кредиторской задолженностью, какими в РК являются электроэнергетика и угольная промышленность. Хотя полагаться на высокую прозрачность материальных потоков этих сфер в силу сложных отношений с приграничными государствами также не приходится.

Тем не менее, весь вопрос заключается в состоянии реальной экономики Казахстана. Не случайно существует традиционная точка зрения, что в условиях замедления роста цен так называемая "стратегия выживания", выработанная предприятиями в период инфляции, просто требует выбора: либо снизить затраты, либо наращивать долги. А так как последнее не требует определенных управленческих новаций (кроме как в отношении, наверное, манипулирования в области ухода от налогообложения), то для многих компаний рост неплатежей своего рода приоритетное направление текущей деятельности.

Неликвидность реального сектора

Следствием сложившейся ситуации в реальном секторе экономики стала его неликвидность, вызванная следующими обстоятельствами:

- разорванностью нормального (Д-Т-Д) процесса обращения денег. Производственный сектор функционирует преимущественно на основе натурального обмена (Т-Т-Д), где деньги появляются на заключительной фазе обмена после многочисленных взаимозачетов и бартерных сделок. Финансовый сектор занят операциями с ценными бумагами, куплей-продажей валюты, выдачей краткосрочных ссуд и кредитов и прочими подобными операциями, дающими несравнимый по прибыльности с производственными инвестициями доход. Поэтому перелив капитала

из финансового сектора в материальное производство осуществляется очень слабо и до тех пор пока существующий кругооборот финансового капитала (поощряемый государством) будет приносить высокий доход надежд на усиление производственного инвестирования нет. По экспертным оценкам в реальном секторе реализуется немногим более 10% прямых инвестиций, остальные идут в финансовую сферу. Если учесть и то, что от 25 до 40% (а по оценкам некоторых экспертов и выше) наличных денег вращается в теневом секторе экономики, то вывод очевиден: государство во многом потеряло контроль над денежным оборотом внутри страны;

- беспрецедентным обесценением основного капитала в реальном производстве. Низкие нормы амортизации при постоянной инфляции и крайне изношенном оборудовании не позволяют не только обновлять оборудование и технологии, но и осуществлять капитальный ремонт. Более того, амортизационный фонд часто идет на пополнение оборотных средств, прокручивается в коммерческих банках. Оборудование, часто за бесценок, распродается. Таким образом, идет неуклонное разрушение производственно-технического потенциала страны;

- высокой просроченной кредиторской задолженностью. Общая сумма неплатежей в стране стала соизмерима с ВВП;

- резким снижением норм на производственное накопление, поскольку у предпринимателя нет заинтересованности, а у государства нет средств. (В СССР, после второй мировой войны, на эти цели направлялось до 40% национального дохода). Положение осложняется огромными долгами государства по социальным выплатам населению. Однако далее откладывать процесс восстановления производственного и технического потенциала невозможно: износ фондов уже значительно превысил 60%. Исходя из скромных возможностей государства, его доля накопления первоначально может быть небольшой (12-15%), но повышающейся с каждым годом¹⁵;

- отсутствием научно-технического и производственного задела во многих отраслях и предприятиях. Оборудование на предприятиях демонтируется, разворовывается или распродается, высококвалифицированные кадры уходят или деградируют. На проведение исследовательских, опытно-конструкторских и проектных работ затрачиваются мизерные средства. Так, по данным статистики за 1998 г. из всех расходов на развитие и совершенствование производства предприятий и организаций на проведение этих видов работ затрачивается всего лишь 2,1%. По видам деятельности в наиболее привилегированном положении находятся горнодобывающая промышленность, где на проведение научно-исследовательских работ из средств предприятий и организаций приходится 3,2%, а в ней на добычу сырой нефти и природного газа - 90,9%.

Официальная статистика из года в год констатирует и снижение расходов на научные исследования, доля которых в ВВП Казахстана в 1993 и 1995 гг. составляла 1,08% и 0,72% соответственно. Причем

удельный вес стоимости научных исследований и разработок в ВВП республики, по последним данным, составляет 0,1% (в 1994-1996 гг. этот показатель равнялся 0,3%). С нарастанием кризисной ситуации резко сокращается и численность работников, занятых научно-технической деятельностью. За период 1991 - 1998 гг. их численность сократилась со 104 тыс. человек до 10,9 тыс. человек, то есть почти в 10 раз¹⁶! Тенденция продолжает сохраняться;

- резким снижением скорости оборота капитала, увеличением времени прохождения продукта от производства до реализации. Это обусловлено возникновением на пути движения товара от производителя до потребителя множества барьеров (от криминальных до таможенных), что приводит к многократному превышению розничных цен над ценами производства и проблема реализации становится одной из важнейших проблем отечественной промышленности;

- неразвитостью и оторванностью фондового рынка от производственного сектора. Казахстанский фондовый рынок наводнен ГЦБ, выпускаемыми Нацбанком и Минфином. Акции предприятий играют второстепенную роль. Средства населения в этом обороте ценных бумаг практически не участвуют. Несмотря на официальное запрещение обращения доллара цены на товары исчисляются в нем. Причем общий объем обращающейся внутри страны инвалюты, по оценкам специалистов, значительно превышает объем тенговой массы;

- территориальной разорванностью процесса производства. Советская промышленность отличалась высоким уровнем специализации и кооперирования, чему способствовали низкие транспортные тарифы. Сейчас возросшие транспортные тарифы, препятствуя перевозке грузов и восстановлению разорванных связей по кооперации, сужают экономическое пространство;

- отсутствием цивилизованного рынка, главным условием которого является не частная собственность, а нормальная некриминальная конкуренция товаропроизводителей. У нас цены диктуют монополисты (транспорт, газ, электроэнергия и проч.) и криминальные структуры.

Заключение

Продолжая оставаться в хаосе противостояния отдельных финансовых групп, решая отдельные экономические, социальные, правовые задачи страна неизбежно окажется в тупике из-за продолжающейся стагнации реального сектора. Наиболее реальным выходом из сложившейся ситуации является вхождение в мир ТНК. Это возможно двумя путями: латиноамериканским и японским. Первый - развитие компрадорского капитала и полное подчинение национального производственного и ресурсного потенциала существующим ТНК. Мелкий производитель исчезает, внутренний рынок сокращается, промышленность представляется ресурсодобывающими отраслями, нация

катастрофически нищает. Казахстан, к сожалению, уже вступил на этот путь: промышленность разорена, производство падает, страна живет продажей сырьевого потенциала.

Второй вариант - переход на японский путь развития, означающий ориентацию экономики на восстановление и развитие внутреннего рынка и поддержку своих, в рамках СНГ, транснациональных корпораций. Только через совместные корпорации удастся преодолеть разрозненность минерально-сырьевой базы. Так, в Казахстане колоссальные запасы сурьмяных руд, а в Магнитогорске руда практически заканчивается, но есть комбинат. Их объединение позволит поднять отрасль в обеих странах. Мировой опыт показывает, что государственные компании по многим показателям превосходят такие транснациональные гиганты как "Эксон", "Мобил", "Шеврон". К примеру, из 50 крупнейших нефтекомпаний более половины - 28 - полностью или частично принадлежат государству. Государство должно создавать условия для формирования высокотехнологичных фирм с участием своих ученых, инженеров и финансировать не проекты, а становление таких фирм. Это может стать важным элементом экономического роста. К примеру, в Финляндии такие фирмы обеспечивают 30% экспорта.

Следует учитывать, что темпы роста цен на наукоемкие изделия многократно опережают динамику цен на сырьевые товары. Сырьевая рента не велика по сравнению с интеллектуальной, кроме того, она не воспроизводима. Поэтому, продолжая расширять сырьевой экспорт республика, деградируя сама, практически будет финансировать технический прогресс развитых стран, их образование и науку.

Реанимация машиностроения возможна через пищевую и легкую промышленность, земледелие и другие отрасли сельского хозяйства. Если властные структуры будут искать инвестиционные проекты с быстрой окупаемостью, то развитие этих производств вполне реально. Несмотря на падение производства, легкая промышленность может быстро восстановить свой потенциал. Это позволит снизить напряженность по безработице, увеличить платежеспособный спрос. При нормальных платежах оборот средств в легкой промышленности составляет 3 месяца. По мнению экспертов, для оживления отрасли необходимы следующие меры: списание пени и штрафов, реструктуризация долгов как бюджету, так и внебюджетным фондам. Тем более, что во многих случаях задолженности предприятий возникли вследствие задолженности самого государства либо перед этими предприятиями, либо перед их заказчиками. При отсрочке долгов возможна своевременная уплата текущих налогов и других платежей. Еще одно из желательных нововведений - выплата таможенных платежей после реализации готовой продукции из импортного сырья.

Восстановление экономики республики невозможно без промышленной политики, без интеграции в мировую экономику. Однако промышленная политика отсутствует, интеграция имеет преимущественно сырьевую направленность. Выход из создавшейся ситуации заключается в изменении тактики и стратегии при проведении структурной, инвестиционной, амортизационной, налоговой политики. Реиндустриализация страны через пищевую и легкую промышленность, сельское хозяйство, жилищное строительство приобретает решающее значение. Поэтому приоритетными направлениями должны стать отрасли перерабатывающей промышленности, в первую очередь импортозамещающие, во-вторых, отрасли машиностроения, включающие производство бытовой техники, сельскохозяйственного машиностроения и др., а также создание ремонтно-механической базы и организация производств по выпуску запчастей для технологического оборудования и автотракторного парка.

Целесообразно вернуться к практике разработки прогнозов и планов развития на 5-10 лет, в которых наряду с другими макропоказателями важное место занимали бы и структурные. Причем эти планы должны содержать модель структуры народного хозяйства, отвечающую принципам экономической безопасности.

Ресурсно-технологический потенциал машиностроения может быть использован для развития технологической базы экономики в случае улучшения инвестиционного климата в стране, притока капиталобразующих инвестиций в комплекс и повышения финансовой устойчивости предприятий реального сектора. Вместе с тем, у Казахстана достаточные технические возможности в секторе машиностроения для космической и авиационной промышленности, а также нефтяной, газовой, химической, военной². Одним из эффективных вариантов конкурентной стратегии входа в смежные сегменты товарного рынка для казахстанских предприятий является поиск дополнительных ниш рынка, но для этого предприятиям следует начать большую работу по созданию новых видов производства.

В среднесрочной перспективе следует осуществлять развитие промышленных ассоциаций, предусмотреть отечественное производство частей и компонентов, которые импортируются. В долгосрочной - локализацию ныне импортируемой продукции. Для этого правительству необходимо оказывать поддержку в области осуществления законодательных и финансовых мер содействия промышленности. В период краткосрочного плана правительство должно акцентироваться на снижении НДС, улучшения ликвидности, рационализации инвестиционных процедур и финансовой поддержке реорганизации компаний. Незамедлительно следует решать и проблему налогообложения. Во всех развитых странах через бюджет проходит до 50% ВВП, а наш республиканский бюджет не может собрать и половины. Сложность в том, что в итоге непродуманной

приватизации единые технологические цепи оказались расчлененными на отдельные обособленные звенья и на каждом звене заново "накручивается" НДС и налог на прибыль. Проблему подобных трансакционных издержек и "накруток" надо решать радикально: хотя формально это и сузит налоговую базу, но будет способствовать созданию единых интегрированных систем производства. Что касается НДС, то, например, в Белоруссии практически ушли от него и проблемы его возврата, установив НДС 2% и распространив на заработную плату и отчисления от нее¹⁷.

Для улучшения ситуации в реальном секторе целесообразна разработка и реализация системы защиты отечественных производителей на внешнем и внутреннем рынках. В частности, в торговой деятельности на внешнем рынке назрела необходимость создания механизма антидемпингового расследования и антидемпингового законодательства. На внутреннем рынке целесообразно законодательно устранить условия возникновения и деятельности криминальных и полукриминальных посреднических структур, которые лишают предприятия не только прибыли, но и оборотного капитала.

Одной из основных задач продолжает оставаться формирование эффективной денежной и финансовой инфраструктуры. Для этого необходимо восстановление в правах национальной валюты как важнейшего института рыночной экономики путем проведения ряда жестких мер, в том числе - исключения доллара как актива из экономики республики.

Для восстановления реального сектора экономики государству в первоочередном порядке необходимо решить проблему сохранности финансовых ресурсов предприятий на их банковских счетах, поскольку никакой ответственности перед предприятиями за сохранность финансовых ресурсов банки не несут. Кроме того, следует законодательно запретить вынужденное и не компенсируемое финансирование работниками деятельности своих предприятий в виде задержки зарплаты. В законе следует предусмотреть возможность выдавать работникам, в случае их согласия, акции предприятий на сумму, равную невыплаченной зарплате плюс процент за время ее задержки.

В настоящее время правительство исходит из того, что экономический рост возможен лишь при дальнейшем снижении инфляции, что означает сохранение приоритета целей финансовой стабилизации над целями не только социальной, но промышленной политики. С целью ввода в действие простаивающих мощностей обрабатывающей промышленности целесообразно, временно в строго ограниченных пределах, активизировать кредитную эмиссию в форме целевых кредитов под восстановление оборотного капитала. Одновременно следует осуществить комплекс мер по сдерживанию роста цен (а в некоторых случаях - по снижению их уровня) в отраслях естественных монополий, а также в нефтяной промышленности. Это

позволит повысить рентабельность реального сектора экономики и одновременно, ограничив всплеск инфляции, возможный при активизации кредитной эмиссии, его ликвидность.

Таким образом, с целью снижения угрозы национальной безопасности страны и повышения ликвидности реального сектора экономики необходимо:

- развитие наукоемких и ресурсосберегающих технологий;
- развитие импортозамещающих производств и совокупного спроса;
- восстановление госмонополии на экспорт бюджетообразующих товаров - энергоносителей, цветных металлов и др.;
- государственная поддержка отечественных товаропроизводителей;
- решение проблемы перехода предприятий из "теневого" в легальный сектор экономики;
- проведение гибкой налоговой и таможенной политики;
- радикальная диверсификация структуры экспорта;
- эффективное использование разделения труда как внутри СНГ, так и республики;
- бескомпромиссная борьба с экономической преступностью в целом и коррупцией в частности;
- протекционистская политика государства, направленная на защиту и сохранение секториальной структуры отраслей обрабатывающей промышленности.

¹ Рикошинский А.Е., Кириллова Н.А. Внешнеполитические связи между Россией и Казахстаном // Внешняя торговля №1, 1999. С. 10.

² Панорама. 26.02.1999.

³ Деловая неделя. 26.11.1999.

⁴ Начнем с понедельника. 14.07.1999.

⁵ Давильбекова Ж. Рынок железной руды // АльПари. 1997. №4. С. 60.

⁶ Продовольственный рынок Казахстана. Алматы. 1999. С. 93.

⁷ Панорама. 28.05.1999.

⁸ Никитина Г., Гусева Г., Оспанов Б. Условия насыщения продовольственного рынка Республики Казахстан // Проблемы агрорынка. 1997, №1.

⁹ Экономическое положение в агропромышленных комплексах государств - участников СНГ в 1995 г. // Международный сельскохозяйственный журнал. 1996, №5. С. 48.

¹⁰ Сельское, лесное и рыбное хозяйство Казахстана 1997. Статсборник. Нацстатагенство РК, Алматы, 1998.

¹¹ Социально-экономическое положение РК за январь-декабрь 1998г. Комитет по статистике и анализу. Алматы, 1999.

¹² Продовольственный рынок Казахстана. Алматы, 1999. С.119.

¹³ Оспанов М. Казахстан должен иметь новую промышленную политику// Караван. 27.11.98.

¹⁴ Деловая неделя. 26.02.1999.

¹⁵ Логинов В. Влияние формирования рыночного хозяйства на социальные процессы// Экономист. 1997. №12. С. 14-17.

¹⁶ Деловая неделя. 03.12.1999.

¹⁷ Первоочередные задачи стабилизации промышленного производства // Экономист. 1999. №1. С. 10.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сыроежкин К. Л.

Китай, наряду с Россией, является крупнейшим соседом государств Центральноазиатского региона. И вполне закономерно, что интерес к этому государству вообще и его отношениям с государствами Центральной Азии вызывает постоянный интерес. Причем, в большинстве случаев приходится слышать если не полярные, то во многом противоречащие друг другу точки зрения. Нередки и такие точки зрения, согласно которым Китай рисуется в образе некоего врага, стремящегося к поглощению Центральной Азии. Оставим все это на совести авторов, и попытаемся, не вступая с ними в полемику и не претендуя на "истину в последней инстанции", высказать свой взгляд на роль Китая в Центральной Азии в контексте сложившегося расклада геополитических сил в регионе.

Принципы развития отношений

Распад СССР и возникновение новых независимых государств по периферии Китая существенно изменило не только геополитическую ситуацию в Центральноазиатском регионе, но и геополитическое значение Китая в нем. Находящиеся в состоянии политического и экономического кризиса Россия и новые независимые государства постсоветской Центральной Азии, сняв "угрозу с Севера", обеспечили Китаю возможность сосредоточить основное внимание на решении "внутренних проблем", связанных с вопросами развития экономики и восстановления "Большого Китая". Для решения этих проблем требовалось, "используя благоприятный момент", обеспечить благоприятные внешнеполитические условия, документально закрепив новую международную ситуацию.

Ослабление позиций Москвы в Центральноазиатском регионе и потенциальная угроза негативного воздействия происходящих в нем процессов на население приграничных районов КНР потребовали от китайского руководства пересмотра как своей внешней, так и внутренней политики.

Не заостряя внимания на последней, требующей особого разговора, остановимся на факторах, которые послужили причиной и продолжают детерминировать изменения внешней политики КНР по отношению к постсоветской Центральной Азии. На наш взгляд, это определялось следующими факторами:

- геополитическим положением государства и его ролью в постсоветской Центральной Азии, уровнем социально-экономического потенциала и степенью его активизации;

- раскладом политических сил, возможностями руководства контролировать развитие внутриэкономической и политической ситуации, степенью социальной и межэтнической стабильности;

- характером деятельности религиозных организаций и степенью воздействия религии (главным образом ислама) на проводимую руководством страны внешнюю и внутреннюю политику;

- характером отношений с Российской Федерацией, странами мусульманского мира, КНР, другими субъектами международного права;

- сопоставимостью модели социально-экономического и политического развития с "китайской моделью" и "внешне-политическими установками КНР".

В своей политике в Центральной Азии КНР приходилось учитывать весь комплекс вышеуказанных факторов, а их приоритетность определялась исходя из сложившейся социально-политической ситуации как в самих государствах постсоветской Центральной Азии, так и в КНР.

В Китае отчетливо понималось, что внутренняя нестабильность в этом регионе и нерешенность ряда проблем между новыми независимыми государствами будут дополнены борьбой за распределение сфер влияния в регионе между Россией, Турцией, Ираном и США, вступление в открытое противоборство с которыми не отвечало интересам Китая.

Именно поэтому, используя свои преимущества в расширении торгово-экономических контактов с Центральной Азией и ограничивая доступными "внутренними" средствами уровень негативного воздействия происходящих в ней процессов на преимущественно мусульманские регионы КНР, в остальном Китае занимал апробированную тысячелетиями политику выжидания, предоставляя государствам Центральной Азии возможность самим определиться с внешнеэкономическими и политическими приоритетами. Китайское руководство относительно устраивало политическая роль присутствия в данном регионе США, ограничивающая степень влияния в нем Ирана и обеспечивающая хотя бы видимость рыночных и демократических преобразований, а также ослабление влияния националистически настроенных политических сил. Устраивало Китай и присутствие в этом регионе России, выполняющей аналогичную функцию в отношении усиливающегося турецкого влияния¹.

Существенное значение для китайской политики в постсоветском Центральноазиатском регионе имела и оценка социально-политической ситуации в новых государствах, которая, исключая Таджикистан, оценивалась как "относительно стабильная". По мнению

китайской стороны, этому способствовало то обстоятельство, что "несмотря на значительные изменения, произошедшие в политической структуре государств, переименование либо ликвидацию бывших коммунистических партий, реальная власть по-прежнему находится в руках реформаторов из числа руководства этих партий"². Поэтому в качестве первоочередной задачи внешней политики китайского руководства, обеспечивающей, в том числе и решение проблемы ограничения влияния на мусульманские регионы Китая исламских фундаменталистов и пантюркистов, ставилось: "всеми силами поддерживать существующую политическую власть в государствах Центральной Азии". Поскольку, по мнению китайских аналитиков, эта власть "также сохраняет настороженность по отношению к пантюркизму и фундаментализму, строго ограничивая сферы их влияния, особенно исламского фундаментализма"³. Такая постановка вопроса детерминировалась прежде всего необходимостью сохранения стабильности в преимущественно мусульманских районах КНР, которая, по мнению как центрального, так и регионального руководства, "находилась в прямой зависимости от ситуации в обретших независимость соседних мусульманских республиках"⁴.

Заявления и политические действия руководства этих республик в конечном итоге и определили стратегию внешней политики КНР в Центральной Азии.

Визит в КНР в июле 1991 г. Н. Назарбаева и достигнутые в ходе его договоренности не остались незамеченными в Пекине. Крупнейшая и обладающая наибольшим социально-экономическим потенциалом республика Центральной Азии поднимала "железный занавес" и выражала готовность к укреплению торгово-экономических и политических контактов с КНР.

В декабре 1991 г. министр внешней торговли КНР Ли Ланьцин в составе большой правительственной делегации, в которую входил заместитель министра иностранных дел КНР Тянь Цзэнпэй, совершил ознакомительную поездку в Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан, целью которой была подготовка базы для подписания двусторонних торгово-экономических соглашений и коммюнике об установлении дипломатических отношений с новыми государствами Центральной Азии.

Стремясь закрепить сложившийся статус-кво, Китай, одним из первых, заявил о признании новых независимых государств Центральной Азии как субъектов международного права, устанавливая с ними с января 1992 г. дипломатические отношения в полном объеме (с Узбекистаном со 2.01.1992 г., с Казахстаном с 3.01.1992 г., с Таджикистаном с 4.01.1992 г., с Киргизией с 5.01.1992 г. и с Туркменистаном с 6.01.1992 г.).

В течение 1992 г. с официальными визитами КНР посетили первые руководители этих государств, которые, с одной стороны, подписали пакеты документов о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве, а с другой - заверили китайское руководство в согласии с позицией КНР по наиболее болезненным для нее вопросам. Во-первых, что его опасения по поводу "возрождения исламского фундаментализма" на территории постсоветской Центральной Азии не имеют под собой серьезных оснований. Во-вторых, что "правительство КНР признается единственным законным правительством, и что Тайвань является неотъемлемой частью китайской территории". Эти же принципы в дальнейшем закрепляются в декларациях об основе дружественных отношений между КНР и государствами Центральной Азии⁵.

Посетивший в апреле 1994 г. центральноазиатские государства Премьер Госсовета КНР Ли Пэн, выступая в Ташкенте, излагает свое видение принципов двусторонних отношений между КНР и этими государствами. Не снимая с повестки дня изложенных выше положений, он подчеркивает, что отношения между Китаем и государствами Центральной Азии должны строиться на четырех основополагающих принципах: (1) неуклонно придерживаться добрососедства и мирного сосуществования; (2) развивать взаимовыгодное сотрудничество и способствовать общему процветанию; (3) уважать выбор народа каждой страны и не вмешиваться во внутренние дела; (4) уважать суверенитет и способствовать стабильности в регионе⁶.

Существенным шагом вперед в укреплении как многосторонних, так и двусторонних казахстанско-китайских отношений явилось подписание 26 апреля 1994 г. Договора о прохождении государственной границы между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан. Данный документ положил начало цивилизованному договорному процессу по пограничной проблематике; вяло тянувшиеся в течение десяти лет пограничные консультации пришли к своему логическому завершению. Ответный шаг был сделан китайской стороной, учитывая факт вывода с территории Казахстана ядерного оружия, вместе с Россией, США и Францией Китай в начале 1995 г. заявляет о предоставлении Казахстану гарантий безопасности.

В этом же году обострившаяся внутривосточная ситуация в Синьцзяне и активизация деятельности "уйгурских сепаратистских организаций" поставили в повестку дня отношений Китая с государствами Центральной Азии еще одну проблему - проблему этнического сепаратизма. Китайская сторона, для которой эта проблема приобрела реальные очертания уже к середине 1995 г., получила от руководителей центральноазиатских государств заверения в том, что они "выступают против всякого рода

национального сепаратизма, не допускают на своей территории направленную против другой Стороны сепаратистскую деятельность любых организаций и сил"⁷.

Во второй половине 90-х годов подходы китайской стороны несколько изменились. Во главу угла стали ставиться не только чисто экономические, но и геостратегические интересы. Именно этим можно объяснить стремительное увеличение объемов торгово-экономических операций с Узбекистаном, Киргизией и даже с Таджикистаном, а также переход на новый качественный уровень отношений с Казахстаном. Этим же объясняется и постановка на первый план в отношениях КНР с государствами Центральной Азии вопросов коллективной безопасности и "борьбы с исламским фундаментализмом".

Наиболее плодотворным в этом смысле стал 1996 г. 26 апреля в Шанхае первыми руководителями пяти стран - Китая, России, Казахстана, Таджикистана и Киргизии было подписано "Соглашение о мерах доверия в военной области в районе границы", предусматривающее взаимное сокращение войск, проведение совместных учений, обмен информацией о планируемых военных операциях и вводе в сопредельную 100-километровую зону дополнительных войсковых частей.

В этом же ключе прошли 1997 и 1998 годы, когда были окончательно урегулированы все пограничные вопросы и подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, являющееся составной частью соглашения, подписанного в апреле 1996 г. в Шанхае.

Что касается торгово-экономических контактов КНР со странами Центральноазиатского региона, то, во второй половине 90-х годов приоритеты КНР несколько меняются и с еще большей очевидностью наблюдается дифференцированный подход к государствам Центральной Азии.

В первой половине 90-х годов объем торгово-экономических отношений в первую очередь зависел от позиций, занимаемых руководством государств постсоветской Центральной Азии и приоритетов внешнеэкономической деятельности, ориентированной либо преимущественно на торговые операции (Казахстан), либо на научно-техническое сотрудничество (Узбекистан), а во-вторых, от социально-политической ситуации в них и уровня риска вложений капитала китайской стороной, что объясняет почти полное отсутствие торговых контактов между КНР и Таджикистаном и их слабое развитие с Туркменистаном.

Во второй половине 90-х годов, сохраняя в качестве неизменного основной принцип развития торгово-экономических отношений с государствами этого региона - "расширяя торгово-экономические контакты с государствами региона, исходить, прежде всего, из интересов экономического развития самого Китая, руководство КНР в большей

степени ориентируется на возможность решения геополитических задач с использованием методов экономического присутствия в регионе. Именно этим объясняется изменение структуры внешнеэкономических контактов и характера совместных проектов, а также приоритетности внешнеэкономических партнеров.

По-видимому, подобное отношение сохранится и на ближайшую перспективу, хотя прогнозировать будущую ситуацию в контактах центральноазиатских государств с Китаем достаточно сложно в силу неопределенности их геополитического положения, наличия внутренних противоречий между ними, неоднозначности развития экономической и политической ситуации как в самом Китае, так и в государствах СНГ, прежде всего России и государствах постсоветской Центральной Азии.

Совместные границы и пограничные проблемы между КНР и государствами Центральной Азии

Пограничную проблему между КНР и государствами Центральной Азии нельзя рассматривать вне исторического контекста, поскольку то, что мы наблюдаем сегодня, во многом, если не во всем, связано с историческим прошлым и вопросами российско-китайского разграничения в XIX веке.

Что касается государств Центральной Азии, их граница с КНР проходит в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного района, который на севере и северо-западе граничит с Республикой Казахстан (1.718 км.), Республикой Кыргызстан (около 1.000 км.) и Республикой Таджикистан (более 450 км.), незначительный участок границы приходится и на Российскую Федерацию.

Страницы истории

Первый, который описывал так называемый "западный участок" российско-китайской границы, - Буринский от 20 августа 1727 г. Этот договор обозначал линию прохождения госграницы применительно к крайнему северо-востоку современного Казахстана - Восточно-Казахстанской области, но, обозначил достаточно условно, поскольку в тот исторический период эти земли фактически находились под контролем джунгар. Тем не менее, Буринское соглашение целиком вошло в Кяхтинский мирный договор (1728 г.), на основе которого была сделана демаркация границы, сооружено около сотни так называемых "пограничных маяков".

По понятным причинам определить точную границу китайских владений в Центральной Азии в это время было невозможно. Это была не строго определенная черта, а, своего рода, линия фронта с еще незавоеванными кочевниками, односторонне определяемая подвижными конными аванпостами и редкими заставами. Очерчивались рубежи скорее географически - крупными труднопроходимыми для войск преградами, в данном случае - горами Алтая, Джунгарского Алатау

Тянь-Шаня. Между гор, в долинах, складывалось шаткое равновесие, с обеих сторон не прекращались бои местного значения, дальнейшие разведывательные экспедиции. Китай готовился к новому прыжку в Центральную Азию и только изменение исторической ситуации, а именно - вспыхнувшее антикитайское восстание в Восточном Туркестане, уберегло Казахстан от окончательного завоевания⁸.

В отношении границ своих владений в Центральной Азии китайское правительство однозначно объявило себя полным правопреемником разгромленной Джунгарии. В августе 1760 г. император Цяньлун писал в указе: "Все кочевья, которыми прежде владели джунгары, находятся в наших границах"⁹. С конца 1760 г. китайские власти фактически ведут необъявленную войну против казахов "нарушающих границу". При этом открытым остается вопрос о том, подданные какого государства и чью границу "нарушают".

Дело в том, что уже к середине XVIII века в этом регионе Центральной Азии возникла весьма парадоксальная ситуация не легитимного российско-китайско-казахского противостояния. С одной стороны, отсутствовали четкие границы, а с другой - подданство народов как бы обеспечивало и принадлежность территорий.

Процесс постепенного территориального сближения пределов Российской и Цинской империй происходил в сложной и противоречивой международной обстановке, неравномерно как во времени, так и в пространстве, в зависимости от складывающейся исторической ситуации и затянулось почти на полтора столетия.

Первыми признали подданство России казахи Киши-жуза (Младший жуз), кочевья которого располагались в северо-западных районах Казахстана. Указом императрицы Анны Иоанновны от 10 июня 1734 г. произошло формальное присоединение казахов Улы-жуза (Старший жуз). В начале 40-х годов XVIII века подданство России признала большая часть казахов Орта-жуза (Средний жуз).

Таким образом, к середине прошлого века в казахстанском Семиречье сложилась парадоксальная ситуация четверовластия. На данную территорию помимо местных жителей казахов претендовали - Кокандское ханство (аргумент - реальное обладание местностью), Китай (аргументация - исторические права с 1756-1758 гг., как победителей и правопреемников Джунгарии), Россия (аргументация - присяга на русское подданство различных владетелей Большой орды начиная от султана Тугума (в 1793 г.) и заканчивая сыном Аблай-хана султаном Сюка Аблайхан-улы (в 1819)¹⁰. В практическую плоскость встал вопрос об установлении западного участка русско-китайской границы.

Начало договорному определению этой границы было положено в ноябре 1860 г. подписанием Пекинского дополнительного договора и связанного с ним Чугучакского протокола 1864 г., закрепивших фактическое положение, которое сложилось в результате присоединения к России Казахстана и ряда районов Киргизии¹¹.

Пекинский трактат 1860 г. устанавливал лишь приблизительное соответствие будущей границы с линией действующих аванпостов китайских войск. Согласно второй статье Пекинского трактата российско-китайская граница "в основном" должна была пройти по линии китайских пограничных пикетов. Цинские чиновники настойчиво добивались признания границей линии, проходившей не только через постоянные ("чанчжу"), но и через передвижные ("ишэ") и временные ("тяньчэ") китайские пикеты ("колунь"), которые, как пишет советский историк М.С.Сладковский "устанавливались во время эпизодических вторжений цинских войск в казахские и киргизские земли"¹².

Однако российской дипломатии удалось одержать победу. Во время переговоров в Чугучаке российской делегации при сличении текстов Пекинского трактата обнаружилось, что в русском варианте (на русском языке) фраза о следовании границы именно линии "постоянных пикетов" отсутствовала. Упомянулась просто "линия пикетов", однако члены китайской делегации по причине недостаточного знания русского языка не заметили "зацепки".

При этом китайцы торопились закончить переговоры скорей - в Синьцзяне было неспокойно, русские же медлили, понимая, что ситуация может в любой момент кардинально измениться. Так и случилось, в 1864 г. в Восточном Туркестане началось мощное антикитайское восстание под руководством кокандца Якуб-бека. Китайские войска и посты частью были перебиты, частью просто бежали и подписанный 25 сентября 1864 года Чугучакский протокол, по мнению китайской стороны, не соответствовал реальному положению дел. Россия действительно продвинулась за пределы всяких прежних договоренностей введя весной 1871 г. войска в Илийскую долину, и захватив, тем самым, территорию самопровозглашенного Таранчинского (Уйгурского, другое название - Кульджинского) ханства.

Вызвана эта акция была совершенно обоснованным геополитическим опасением распространения "мусульманского" сепаратизма на земли подвластные Российской империи. Как писал полковник Российского Генерального Штаба Белявский: "представлялось необходимым предупредить возможность соединения дунган и среднеазиатцев для взаимных против у нас действий, как против неверных"¹³.

В целом, граница по Чугучакскому протоколу может служить обоснованием территориальных претензий Казахстана к Китаю, равно как и наоборот. Дело в том, что и Китай и Россия не воспринимали сложившееся положение, как окончательное, рассматривая "чугучакскую границу" лишь как достигнутый "статус-кво", продолжая предпринимать с обеих сторон, усилия к ее изменению как договорным, так и вооруженным путем. Например, в 1864-1869 гг., по утверждению В.М.Флоринского, Россия присоединила "некоторые степные участки

земли" около озера Зайсан на Алтае, в результате чего китайская сторона вообще лишилась доступа к побережью этого крупного высокогорного водоема¹⁴.

Возник некоторый юридический прецедент - действительно по базовому в определении современной казахстано-китайской границы Чугучакскому протоколу все эти "зайсанские прирезки" незаконны, однако, проводя делимитацию (согласование границы по картам) и демаркацию на местности (то есть установление погранзнаков) уже в 1890-х годах китайская сторона пошла на уступки России. Нередко за счет элементарного подкупа, подпаивания китайских эмиссаров, но так было, и законность - с точки зрения международного права - этих границ ничуть не меньше. Новые (покупные) границы также закрепляли соответствующими протоколами и ратифицировали на правительственном уровне¹⁵.

Цинское правительство во время и после подавления уйгуро-дунганского восстания настойчиво требовало вывести русские войска из Кульджи и пересмотреть договоренности Чугучака. Переговоры по этому поводу в Сергиополе (1872 г.) ничего не дали.

Следующим этапом русско-китайского разграничения явилось заключение Ливадийского (20 сентября 1879 г.) и Петербургского договоров (февраль 1881 г.). Ливадийский договор (1879 г.), по которому к России отходили значительный "западный участок" долины реки Или и вся долина реки Текес китайское правительство не ратифицировало, как несправедливый¹⁶. Создавалась угроза крупной войны. Однако конфликт удалось решить мирным путем. Россия пошла на уступки. По условиям заключенного 12 февраля 1881 г. Петербургского договора Китаю возвращался почти весь Илийский край (в том числе город Кульджа). Россия оставила за собой лишь небольшую западную область - районы, прилегающие к современному городу Жаркент (Панфилов), для "поселения в оной тех жителей края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны будут покинуть земли, которыми владели там"¹⁷. В качестве компенсации по 7-й статье Петербургского договора Россия получила взамен значительно меньшие по площади территории в районе озера Зайсан и верхнего течения реки Черный Иртыш, а также значительную денежную сумму¹⁸.

В дальнейшем переговоры велись по спорным районам Памира и нынешнего Кыргызстана. Интересы коренного населения при этом учитывались, но, в основном, как фактор давления в пограничных спорах, на них постоянно ссылались обе стороны, пытаясь обосновать взаимные претензии.

Других уступок земель больше не производилось, хотя Китай периодически предлагал России вернуться к обсуждению территориальных вопросов. Последний дополнительный протокол, уточняющий хоргосский участок границы, был подписан в 1915 г. в

связи с очередным изменением русла реки. После 1917 г., в силу известных событий в Китае и России, ни о каких претензиях не могло быть и речи.

Современное состояние пограничной проблемы

В годы существования СССР пограничная проблематика складывалась по-разному, в зависимости от международной ситуации и конъюнктуры советско-китайских отношений. В 50-е годы никаких проблем не возникало. С обострением советско-китайских отношений в конце 50-х - середине 60-х годов Китай выставил свои претензии по пограничным счетам XIX века, претендуя на часть территорий, которые, с точки зрения КНР, принадлежали Китаю и были отторгнуты у него Россией в результате "неравноправных переговоров". Тем самым возникла так называемая проблема "спорных территорий", включающих в себя достаточно обширные по площади территории российского Дальнего Востока и Казахстана.

Часть "спорных территорий" находилась вблизи, пока еще четко не обозначенной на местности, линии прохождения государственной границы. И, стремясь не обострять и без того сложные отношения, СССР взял на вооружение уникальную, с точки зрения международного права, практику охраны государственной границы. Существовало как бы несколько ее категорий. "Охраняемая линия государственной границы", вдоль которой располагались соответствующие погрансооружения: КСП, заградительные заборы, РЛС, погранзаставы и пограничные наблюдательные вышки. "Заградительная линия", состоящая из специально оборудованных фортификационных сооружений и удаленная на несколько десятков километров от "охраняемой линии государственной границы". "Фактическая линия государственной границы", проходящая по линии, описываемой в соответствующих российско-китайских договорах и достаточно удаленная вглубь китайской территории от "охраняемой линии государственной границы". Причем, что совершенно уникально, не только начальник отряда, но и начальник заставы редко точно могли указать, где же находится эта "фактическая линия государственной границы". Эта, действующая в течение нескольких десятилетий практика, и послужила причиной возникновения проблемы так называемых "спорных участков", которые как раз и располагались между "охраняемой" и "фактической линией государственной границы".

Сегодня, когда вопрос о прохождении "новой" линии государственной границы между государствами Центральной Азии и КНР подходит к своей завершающей фазе, а необходимость улучшения отношений с КНР не вызывает ни у кого сомнений, получает хождение несколько иная версия. Так, по мнению бывшего Председателя Государственного Комитета Республики Казахстан по охране границы - Командующего пограничными войсками РК генерал-майора Т.Бузубаева, никто иной,

как "советские пограничники" "в 1920-х годах... в условиях недостатка информации о линии государственной границы, определенной российско-китайскими договорами", по-своему "сформировали систему охраны госграницы"¹⁹. Министр иностранных дел К.Токаев уточняет - произошло это в 1922 г., когда "пограничные столбы были совершенно необоснованно сдвинуты в районе Талды-Курганской области в сторону Китая на расстояние примерно до 15 км."²⁰. Не будем спорить, но факт остается фактом, на казахстанском отрезке советско-китайской границы "спорных участков" было одиннадцать.

Сам термин "спорные территории" возник в сентябре 1969 г. на переговорах в Пекине между советским Председателем Совета Министров А.Косыгиным и китайским премьером Чжоу Эньлаем. Однако, необходимо тут же внести два существенных дополнения. Во-первых, "спорными" были исключительно территории принадлежащие СССР. Во-вторых, "спорными" они были исключительно только с точки зрения Китая, СССР никогда, ни в 1969 г., ни в 1987 г. (когда возобновились переговоры с КНР по пограничным вопросам), ни в одном юридическом документе подобного статуса не признавал. Все якобы "спорные территории", вплоть до распада Советского Союза, де-факто и, что еще более важно - де-юре, принадлежали исключительно СССР.

С распадом СССР и возникновением на его просторах новых независимых государств ситуация качественно изменилась. С географической карты мира исчезло государство, с которым КНР, хотела она того или нет, но приходилось считаться. Прецедент о пересмотре границ возник едва ли не сразу после распада СССР. В июле-сентябре 1992 г. были подписаны российско-китайские соглашения, по которым Россия передала Китаю примерно 600 островов на реках Амур и Уссури, а также 10 кв. км. сухопутной территории. Еще полторы тысячи гектаров земли в Приморье потеряла Россия по демаркации границы в ноябре 1995 г.²¹

В 1992 году начинаются консультации по пограничному вопросу между Казахстаном и Китаем. Во время визита премьер-министра Казахстана С.Терещенко в Китай (февраль 1992) официальными лицами КНР было предложено "начать цивилизованные", "обстоятельные консультации" поскольку выявились "несколько различные представления о том, как же должна быть обозначена линия границы"²².

8-11 марта 1993 г. КНР посетил с визитом Председатель Верховного Совета Таджикистана Э.Рахмонов. В итоговой декларации по окончании поездки было зафиксировано: "Стороны подтверждают, что они продолжают обсуждение нерешенных пограничных вопросов на базе уже имеющихся соответствующих договоров о нынешней границе между двумя государствами, на основе общепризнанных норм международного права, в духе равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимной уступчивости с тем, чтобы найти взаимоприемлемые, справедливые и рациональные решения"²³.

В апреле 1994 г. состоялся визит Премьера Госсовета КНР Ли Пэна по государствам Центральной Азии. 26 апреля в ходе его визита в Республику Казахстан было подписано "Соглашение о казахстано-китайской границе", в котором стороны договорились "справедливо и рационально разрешить оставшиеся от истории пограничные вопросы между Казахстаном и Китаем, уточнить и определить прохождение линии границы между обоими государствами".

Данный факт позволил Президенту Н. Назарбаеву уверенно заявить, что "достигнута историческая договоренность, юридически закрепляющая казахстано-китайскую границу"²⁴. Статья 2 "Соглашения" описывала достигнутое в процессе переговоров "новое прохождение линии казахстано-китайской границы" и подчеркивала, что "линия государственной границы между Казахстаном и Китаем, описанная выше, нанесена красным цветом на картах бывшего СССР и картах КНР масштаба 1:100000. Все расстояния, упомянутые в описании линии государственной границы, измерены по этим картам". Поскольку в 1994 г. не было достигнуто окончательной договоренности по нескольким участкам границы, статья 3 "Соглашения" подчеркивала необходимость проведения дальнейших переговоров: "Договаривающиеся Стороны согласились, что необходимо продолжить переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии государственной границы между Казахстаном и Китаем от пятнадцатой пограничной точки до шестнадцатой пограничной точки, от сорок восьмой пограничной точки до сорок девятой пограничной точки в соответствии со статьей 1 настоящего Соглашения".

"Соглашение о казахстано-китайской границе" было ратифицировано Указом Президента Республики Казахстан от 15 июня 1995 г. М.2331 и вступило в силу 11 сентября 1995 г. после обмена ратификационными грамотами.

Участок государственной границы протяженностью около 12 км., проходящий по водоразделу хребта "Тенгритау" от пика "100 лет Всероссийского Географического Общества" до пика "Хан-Тенгри", в силу отсутствия на тот период времени соответствующего соглашения между КНР и Республикой Кыргызстан, этим соглашением юридически не оформлялся. Возможность описания и юридического оформления этого участка появилась после подписания 4 июля 1996 г. соглашения между КНР и Республикой Кыргызстан, в котором в качестве начальной точки кыргызско-китайской государственной границы определялся пик "Хан-Тенгри".

Далее последовал обмен визитами Цзян Цзэминя (июль 1996 г.) и Ли Пэна (сентябрь 1997 г.) в Алматы и ответные - Н. Назарбаева (февраль 1997 г.) и Н. Балгимбаева (май 1997 г.) в Пекин, затем опять визит Цзян Цзэминя в Алматы (сентябрь 1997 г.). В ходе последнего визита 24 сентября 1997 г. было подписано "Дополнительное Соглашение

между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстано-китайской государственной границе", поставившее все точки над "i" в этом вопросе.

По Дополнительному Соглашению на участке в районе перевалов Чоган-обо и Баймурза (между 15-й и 16-й пограничными точками) за Казахстаном закрепляется территория, включающая южный склон хребта Саур с запада до перевала Чоган-обо, горный массив Журек и долины рек Чоган-обо и Керегентас с притоками, общей площадью около 442 кв. км. За Китаем закрепляется территория, включающая долины верхнего течения рек Адырбай и Талдыайрык, а также южный склон хребта Тарбагатай в районе перевала Баймурза общей площадью около 187 кв. км.

На участке в районе Сарычильды (между 48-й и 49-й пограничными точками) за Казахстаном закрепляется территория, включающая левобережье реки Сарычильды от ее восточного истока до слияния с рекой Черемховая, всю долину реки Черемховая и район перевала Шолак (Содабань), контролирующего выход в эту долину с территории Казахстана, общей площадью около 95 кв. км. За Китаем закрепляется территория, включающая правобережье реки Сарычильды, а также район ее левого притока ручья Кулаганасай, общей площадью около 220 кв. км.

Таким образом, из общей площади двух ранее несогласованных участков примерно 944 кв. км. Казахстану по "Дополнительному Соглашению" юридически оформлялось 537 кв. км. (56,9%), Китаю - 407 кв. км. (43,1%)²⁵.

Пока не имеет смысла давать количественную и качественную оценку "приобретениям" и "убыткам" китайской и казахстанской сторон. Это - тема специального исследования с использованием точных географических карт. Вопрос не в количественной части. Вопрос в том, что прецедент пересмотра действующих в Центральной Азии границ создан. А это - опасный прецедент, поскольку, в отличие от юридически оформленных и закрепленных соответствующими международными договорами "старых" межгосударственных границ, внутренние административные границы не обладают такой юридической основой.

Есть и вторая сторона проблемы. Пойдя один раз на территориальные уступки, пусть даже и из лучших побуждений, Казахстан поставил себя в достаточно сложное положение "просящего". И последние события с очевидностью доказывают это.

"Проблема Черного Иртыша"

Не успели высохнуть чернила под "Дополнительным Соглашением между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстано-китайской государственной границе", как в отношениях двух государств возникла новая проблема.

Суть проблемы в том, что в Казахстане стало известно решение властей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР о переброске часть стоков Черного Иртыша в пустынные центральные районы провинции. В 1997 г. ЦК КПК оперативно одобрил ценную инициативу с мест. Согласно утвержденному правительством СУАР "проекту № 635" был определен жесткий график работ по "повороту" Черного Иртыша, который предполагается осуществить не позднее 1 октября 1999 г. Более того, аналогичные ирригационные проекты подготовлены в отношении других казахстанских рек - Или и Текеса, располагающихся в современной Алматинской области²⁶.

В конце 1998 г. Усть-Каменогорский городской маслихат забил тревогу. Депутатам стало известно, что китайцы сооружают не просто канал, а 20-ти метровый в ширину водовод, который призван насытить центральный Синьцзян не только питьевой водой, но и обеспечить промышленной водой Каратайские нефтепромыслы близ Урумчи. По расчетам китайских специалистов они заберут себе всего 20% водостока Черного Иртыша, но казахстанские экологи утверждают, что потеря только 5-6% уже приведет к экологической катастрофе. Резко обмелеет красивейшее озеро Зайсан, Бухтарминское водохранилище. Российские специалисты оценивают экологические последствия очередного "проекта века" исключительно в черных тонах - "огромному региону... размером с Францию... грозит участь второго Арала"²⁷.

В январе 1999 года к обсуждению проблемы подключились депутаты казахстанского Мажилиса. Приглашенный на заседание министр иностранных дел К.Токаев дал обычные для себя разъяснения - проблема есть, какого бы ни было договора с Китаем о трансграничных рек нет, "идут интенсивные переговоры"²⁸. При этом министр несколько слукавил, на тот момент - январь 1999 г. - никаких переговоров еще не велось, Казахстан только приглашал китайскую сторону приступить к ним.

Учитывая сложность и деликатность проблемы Президенту Н.Назарбаеву пришлось в начале апреля 1999 г. обратиться с личным посланием к Председателю КНР Цзян Цзэминю с предложением "быстрее приступить к переговорам по разрешению вопросов о заборе воды на трансграничных реках, и прежде всего на Черном Иртыше"²⁹.

После чего МИД КНР сообщил Астане, что правительство Китая "уже изучает это предложение. Консультации по нему, как ожидается, могут начаться в первой половине нынешнего года"³⁰. 14 апреля вице-премьер - министр иностранных дел Казахстана К.Токаев вновь обратил внимание посла КНР в Республике Ли Хуэйя на проблему Черного Иртыша, услышав в ответ, что "в Пекине считают возможным приступить к переговорам", где-то "в первой половине нынешнего года"³¹. Наконец, прибывший 5 мая в Пекин казахстанский посол по особым поручениям Ибрагим Амангалиев и советник министра иностранных дел КНР Ма Яоу начали "консультации" по данной проблеме³².

Результат этих "консультаций" пока неясен, но, судя по технологии ведения переговоров китайской стороной, можно с уверенностью предположить, что достижение сколь-нибудь приемлемого для Казахстана результата в ближайшей перспективе не предвидится. Китай "на равных" разговаривает либо с сильным, либо с тем, от кого может добиться выгодных ему уступок. В данном случае не наблюдается ни первого, ни второго. Логика китайской стороны вполне вписывается в традиционную китайскую дипломатию. "Проблема спорных участков" решена, ну а "проблема трансграничных рек" - вопрос международного права и требует детальных "консультаций". К тому же, поскольку Казахстан пытается самостоятельно решить эту проблему, его позиции еще более уязвимы. Китай ни на какие уступки не пойдет, а Россия уже расценивает ведение казахстанско-китайских переговоров по проблеме трансграничных рек как "сепаратные"³³. Вообще непонятно, как такое могло произойти - почему Казахстан и казахстанские дипломаты не удосужились увязать решение всех проблем с Китаем в одном документе, что давало бы им некоторые преимущества. Сегодня все "козырные карты" уже разыграны и остается уповать только на "добрую волю" китайской стороны.

Проблемы и трудности в отношениях КНР с государствами Центральной Азии

Несмотря на то, что за почти семь лет, прошедших после установления дипломатических отношений между КНР и государствами Центральной Азии многие проблемы, оставленные в наследство историей, к сегодняшнему дню удалось снять, а некоторые находятся в стадии своего решения, существуют проблемы, которые могут полностью изменить ситуацию. Здесь речь, прежде всего, как о глобальных проблемах мира, так и "внутренних" проблемах развития КНР и государств Центральной Азии.

В отношении государств Центральной Азии главная проблема заключается в их возможности сохранить себя в качестве суверенных государств, способных занять достойное место в мировом сообществе, сохранив при этом свое собственное политическое и экономическое лицо.

Что касается КНР, то катастрофический сценарий развития на период до 2010 г. для нее маловероятен. Представляется, что основные трудности в полной мере проявят себя за пределами этого периода. Вместе с тем их понижительное воздействие на темпы экономического роста в КНР будет сказываться уже в ближайшие 15 лет, в связи с чем следует ожидать некоторого замедления динамики экономического развития страны по сравнению с первой половиной 90-х годов.

В ближайшее время КНР столкнется с несколькими основными трудностями:

1-я трудность. Ускорение роста населения, сокращение числа занятых и увеличение числа пожилых людей.

2-я трудность. Ухудшение сельскохозяйственных условий, эффективности и отдачи природных ресурсов сельского хозяйства.

3-я трудность. Необходимость улучшения качества окружающей среды и решение экологической проблемы.

4-я трудность. Необходимость быстрого развития производства продовольствия, повышение эффективности и товарности производства зерна.

5-я трудность. Усиление центробежных тенденций во взаимоотношениях Центра и регионов, а также этнического сепаратизма в национальных районах КНР.

6-я трудность. Возможный кризис политической власти, связанный с пробуксовкой реформы политической системы и вероятностью возникновения фракционной борьбы в высшем эшелоне власти.

7-я трудность. Проблемы развития государственного сектора экономики, особенно в городах.

8-я трудность. Социальные последствия экономической реформы, связанные с увеличением численности маргинальных и люмпенизированных слоев населения, а также значительным увеличением числа "избыточных трудовых ресурсов" в сельской местности и необходимостью их трудоустройства в городах.

Наконец, *9-я трудность* связана с неустойчивостью геополитических сил в мире вообще, Центральноазиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах в частности, а также последствиями финансового кризиса в Юго-Восточной Азии, который уже сегодня принял масштабы мирового кризиса.

Все это, так или иначе, может оказать негативное воздействие на отношения между государствами Центральной Азии и КНР.

Под давлением своей демографической, природно-географической и социально-экономической специфики, а также глобальных изменений в раскладе геополитических сил в мире, связанных с распадом социалистической системы, усилением этнических антагонизмов, наметившимся кризисом технологической цивилизации и обострением проблемы выживания человечества КНР будет просто "загнана в угол". Политический менталитет китайцев неизбежно вновь окажется под влиянием воспоминаний об "утраченных землях", которые включают обширные территории России, Казахстана, среднеазиатских государств, не говоря уже о МНР. Более того, на северной границе Китая, в отличие от его южной границы, китайское демографическое давление не уравновешивается сколь-нибудь сравнимым давлением с обратной стороны.

Этнодемографический кризис в СУАР КНР и наблюдаемые в последнее время тенденции сосредоточения прибывающих из внутренних районов Китая мигрантов в сопредельных с территорией РК районах (места традиционного проживания казахской этнической группы), а также усиление настроений этнического (уйгурского)

сепаратизма в данном регионе КНР - еще одна составляющая возникновения потенциального конфликта в Центральной Азии. Предсказать последствия подобного конфликта достаточно сложно, поскольку невозможно однозначно ответить на вопрос: какие формы он примет и какие социально-политические силы будут в нем задействованы.

Другими словами, в перспективе КНР стоит перед двумя выборами. Либо стать первопроходцем в решении общечеловеческой задачи создания новой формы общества с иными, чем в традиционных либерально-буржуазном и социалистическом типах общности людей, жизненными установками, отвечающими цели выживания нации и ее развития на базе рачительного использования материальных ресурсов, которыми она располагает в пределах своего государства и которые может получить в результате сотрудничества с внешним миром. Либо возвращение к политике конфронтации, усиления идеологии китаецентризма, расширения территории за счет сопредельных государств. И главный объект, на который будет направлено это "расширение территорий", - Казахстан.

Стратегические интересы Китая, России и США в Центральной Азии и их противостояние

Если внимательно взглянуть на особенности политических отношений и национальные интересы всех участников "центральноазиатской игры" становится очевидно, что в их основе лежит стремление сохранить сложившийся статус-кво и в ближайшей перспективе вряд ли следует ожидать каких-либо кардинальных изменений этой тактики. Сложившийся на сегодняшний день расклад геополитических сил в Центральной Азии устраивает все или почти все государства, сферу национальных интересов которых охватывает данный регион.

Устраивает Соединенные Штаты и Запад в целом, потому что это - гаранти яв не только против возрождения антиамериканского или антизападного альянса, каковым являлся Советский Союз, но и гарантия ослабления влияния в данном регионе России с одновременным укреплением своих позиций в нем. Устраивает Китай, поскольку противостояние между Россией и США в данном регионе, дает возможность "использовать благоприятный момент" для наращивания собственной мощи и решения значимой для Китая задачи воссоздания "Большого Китая".

Устраивает исламские страны, прежде всего потому, что возникновение на просторах Центральной Азии новых независимых государств существенно расширило ареал распространения влияния ислама и идей тюркской и мусульманской солидарности.

Хотя не в полной мере, но устраивает и Россию. Не обладая на сегодняшний день достаточными материальными, финансовыми и военными ресурсами для безусловного доминирования в регионе, она может обеспечить свое присутствие и влияние в нем только используя так называемые "общие угрозы" и "общегосударственные проблемы" и играя на противоречиях между государствами Центральной Азии.

Наконец, устраивает сами государства Центральной Азии, поскольку обеспечивает им возможность не только суверенного развития, но, что существенно - материального благополучия местной политической элиты.

Сегодня Центральная Азия в силу объективных обстоятельств занимает ключевое место в системе складывающихся международных противоречий, которые будут определять содержание мировой политики в ближайшем десятилетии. Соответственно, интерес к ней растет и будет продолжать расти как со стороны западных стран, заинтересованных в контроле ситуации в критически важных зонах российских, китайских и исламских интересов, так и со стороны России, Китая и государств "Исламской дуги".

З. Бжезинский абсолютно прав в своем прогнозе о геополитическом значении Евразии. "Та держава, которая станет на нем (Евразийском континенте - Авт.) доминирующей, - пишет он - будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом плане регионах планеты: Западной Европе и Восточной Азии. Будет почти автоматически контролировать развитие событий на Ближнем Востоке и Африке"³⁴.

Политика США

Если в начале 90-х годов в политике США и Запада в Центральной Азии просматривалось стремление не допустить в этом регионе хаоса, а следовательно, - сохранить за Россией определенную степень влияния в регионе³⁵, то к середине 90-х годов ситуация качественно изменилась. В политике США начинает довольно отчетливо прослеживаться тенденция к вытеснению России из этого региона и усилению своего политического и экономического влияния в нем, о чем недвусмысленно пишет тот же З.Бжезинский. "В краткосрочном плане США должны закрепить существующий сейчас на карте Евразии геополитический плюрализм. При такой стратегии приоритет должен быть отдан политическому маневрированию и дипломатическим манипуляциям, которые исключили бы возможность образования враждебных коалиций, способных бросить вызов лидерству США, хотя у любого государства, стремящегося к этому, возможности не так уж велики. В среднесрочной перспективе это должно привести к появлению стратегически приемлемых партнеров, которые, действуя по инициативе американского руководства, могут создать ориентирующуюся на сотрудничество трансевразийскую систему безопасности. В

долгосрочном плане все это может стать основой системы подлинной политической ответственности в глобальном масштабе" (Курсив везде наш. - Авт.)³⁶.

Оставшись единственной супердержавой, Соединенные Штаты уже не скрывают своих глобальных целей, связанных с решением задачи добиться мирового господства. Не говоря об Американском континенте, США сегодня уже контролируют почти все мировые финансовые институты, их интересы доминируют в большинстве стран Европы, Японии, Турции и на Филиппинах. Предпринимаются попытки расширить свое влияние на страны "Исламской дуги", контроль над которыми и обеспечивает мировое господство. Однако предварительным условием для обеспечения подобного контроля является контроль над государствами Евразии, на просторах которой и развивается новая "геополитическая игра". Главная цель Соединенных Штатов - предотвратить появление на политической арене соперника, "способного господствовать в Евразии и, следовательно, бросающего вызов Америке"³⁷.

Методика действий США известна. Это, во-первых, дифференцированный подход к государствам Центральной Азии и "игра" на объективных противоречиях существующих в отношениях между ними. Во-вторых, усиление своего экономического присутствия в регионе и затягивание "инвестиционной удавки". В-третьих, пропаганда лозунга о необходимости демократической направленности развития государств региона и соблюдения в них прав человека, что открывает возможность воздействия на политические процессы, имеющие место в этих странах. В-четвертых, насаждение американской массовой культуры и американского понимания демократических ценностей. Наконец, активный контроль над деятельностью политического истеблишмента государств региона посредством присутствия так называемых "иностраных консультантов".

С сожалением приходится констатировать, что пока опасность тенденции усиления американского влияния в регионе лидерами центральноазиатских государств оценивается недостаточно серьезно. Во всяком случае, это можно сказать в отношении казахстанского руководства, среди которого доминирует идея о том, что "Запад нам поможет". Иллюзия, и весьма опасная.

Политика России

Особое место в системе безопасности в Центральной Азии занимают отношения государств региона с Российской Федерацией. То, каким образом складываются эти отношения в настоящее время во многом объясняется позицией, которую занимала Россия в отношении государств Центральной Азии после распада Советского Союза. Здесь можно выделить несколько ключевых этапов.

Первый охватывает период 1991-1993 гг., когда Центральная Азия, в силу ряда причин как объективного, так и субъективного свойства, продолжая находиться в сильнейшей экономической зависимости от России, фактически оказалась на периферии российской внешней политики. Фактически Россия сама пошла на разрушение потенциала своего влияния в регионе Центральной Азии. То, что такой потенциал был не вызывает сомнений. Кроме экономической составляющей, существенное значение для сохранения позиций России в Центральной Азии играли и другие факторы: единое культурно-смысловое пространство, существенная по численности русская этническая диаспора, еще достаточно привлекательный образ России как экономического и политического партнера, политические рычаги воздействия и т.д. Кроме того, в тот период большинство лидеров новых независимых государств, несмотря на всю националистическую риторику, "были уверены в неустойчивом состоянии своих преждевременно родившихся стран, и каждый понимал риск своих действий"³⁸. Страх дестабилизации в случае резкого отталкивания от России и невозможность самостоятельно решать не только потенциально возможные межгосударственные, но и внутригосударственные конфликты делали для государств Центральной Азии более привлекательной интеграционную модель взаимоотношений с Россией.

С сожалением приходится констатировать, что потенциал этих интеграционных тенденций не был использован Россией для создания инструментов интеграции в экономической, политической и военной сферах. Россия, потратив громадные усилия для сближения с США и западными странами, практически утратила имеющиеся на тот период возможности сохранить свое влияние в Центральноазиатском регионе.

Более того, страны Центральной Азии были зачислены в так называемое "азиатское подбрюшье", которое России "для более скорого вхождения в Европу" якобы необходимо было во что бы то ни стало отсечь. При этом как бы абстрагировались от того факта, что на территории этого "азиатского подбрюшья" проживало более 7,5 млн. русских, не говоря уже о так называемых "русскоязычных", что оно исторически, цивилизационно и геополитически "приросло" к России, а его "отсечение" в большей степени опасно для самой России, поскольку может стать первым шагом на пути ее полного разрушения. Наконец, от того, что вакуум не терпит пустоты, и рано или поздно заполняется иной субстанцией.

Имело место и заблуждение иного рода, заблуждение, связанное с критически воспринимаемой возможностью становления национальной государственности и самостоятельного развития независимых государств постсоветской Центральной Азии. При этом опять же забывали, либо игнорировали тот материально-технический и главное - кадровый потенциал, который был здесь сформирован за годы существования СССР.

Результат этой стратегии оказался крайне невыразителен, если не сказать плачевен. На просторах Центральной Азии появились государства, которые, с большим или меньшим успехом, продемонстрировали свою дееспособность. Более того, часть из них, обладая геополитическими и/или экономическими (прежде всего, нефтяными и транзитными) преимуществами, стали центрообразующими звеньями новых альянсов, порой прямо или косвенно содержащих в себе антироссийскую направленность, угрожающую стабильности и территориальной целостности России. Сама же Россия постепенно теряла свои былые позиции в Центральной Азии.

Второй этап можно условно ограничить 1994-1996 гг., когда Россия, погруженная в пучину политической борьбы и передела собственности, формирования новых олигархий и финансово-промышленных групп, окончательно утратила контроль над процессами в Центральноазиатском регионе.

В этот период бывшие советские республики Центральной Азии из стадии протогосударственных образований становятся реальными государствами, со всеми необходимыми для этого атрибутами. Усиливаются все негативные (для российского влияния) тенденции, зачатки которых проявились на первом этапе. Происходит окончательное оформление национальных интересов отдельных государств, стратегии их экономического и политического развития, выбора стратегических партнеров.

Третий этап эволюции политики России в Центральной Азии начинается со второй половины 1996 г., когда на смену "прозападной ориентации" политики А. Козырева приходит "провосточная ориентация" Е. Примакова. Россия начинает предпринимать титанические усилия по восстановлению своего влияния в регионе, однако, как показывают последние события, во многом время оказалось упущено. За исключением общих угроз, о которых речь ниже, в остальном лидеры стран Центральной Азии, по-видимому, больше не склонны ждать, пока Россия справится со своими проблемами и приступит к налаживанию нормальных связей с партнерами по СНГ.

Заметная потеря политических и экономических позиций России в Центральной Азии уже не позволяет ей оставаться доминирующим ориентиром для стран региона. С одной стороны, образовавшийся вакуум заполняется усилившимся влиянием в регионе США, Китая, Турции и Ирана, а с другой - попытками создания "Общего рынка Центральной Азии".

Существует проблема и несколько иного рода. В последнее время все более отчетливые очертания приобретает процесс ренессанса российской государственной идеи, принимающей то националистическую, то имперскую форму. Вполне очевидно, что кто бы ни пришел к руководству Россией в следующем столетии, придет он на волне возрождения российской

государственной идеи. При этом пропаганда этой идеи (в любой ее форме) показывает, что одним из объектов ее реализации станут некоторые государства Центральной Азии, прежде всего, Казахстан, в силу его географического расположения и ряда иных факторов. Данное обстоятельство, имея в виду искусственность существовавших в СССР границ и сложившуюся этнодемографическую композицию республики, содержит в себе, хотя и гипотетическую, но вполне реальную угрозу территориальной целостности Казахстана, и не может не учитываться им в его взаимоотношениях с Российской Федерацией.

Политика Китая

Подробно на особенностях политики КНР в регионе Центральной Азии мы останавливались в первом разделе работы, здесь лишь подчеркнем приоритеты, которые определяют эту политику.

Как и в начале 90-х годов, в настоящее время в своей политике в Центральной Азии КНР в качестве приоритетных задач ставит:

- ограничение пантюркистского и фундаменталистского влияния;
- расширение торгово-экономических контактов с государствами региона на двусторонней основе с целью сохранения в нем своего ограниченного политического присутствия и по возможности расширенного экономического присутствия, обеспечивающих создание в регионе собственных опорных баз и освоение обширного центральноазиатского рынка;

- сохранение баланса политических сил в регионе, гарантирующее неизбежность действующих политических режимов, с одной стороны, и сохранение определенной степени разногласий между ними - с другой.

За исключением усиливающегося турецкого и иранского влияния в Центральной Азии, КНР в целом устраивает сложившийся в регионе статус-кво, создающий надежные гарантии национальной безопасности Китая и возможности его эффективного использования в интересах экономического развития Китая и его отдельных регионов.

С точки зрения экономики КНР государства Центральной Азии представляются приоритетными партнерами в следующих областях:

- энергетический комплекс, включающий как действующие на территории республики предприятия, так и потенциальные возможности региона;
- комплекс предприятий, связанных с добычей и переработкой металлургического сырья, в том числе такие предприятия, как Кармет, Жезказганцветмет, Балхашмедь, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат и т.д.
- комплекс предприятий, связанных с промышленностью строительных материалов;
- возможности Центральной Азии и прежде всего, Казахстана по трудоустройству избыточных трудовых ресурсов КНР, а в перспективе - миграции на территорию республики значительных масс населения КНР;

- обширный потребительский рынок Казахстана, способный в настоящее время востребовать относительно дешевые товары китайского производства в силу значительного дефицита денежной массы у населения республики и ограниченности отечественных товаров.

При этом следует подчеркнуть следующее. Если в первой половине 90-х годов в политике КНР в отношении Центральной Азии преобладали экономические интересы, и ставилась задача, "используя благоприятный момент, решить конкретные вопросы экономического развития Китая", то в настоящее время ситуация качественно изменилась. Во главу угла стали ставиться не только чисто экономические, но и геостратегические интересы. Именно этим можно объяснить стремительное увеличение объемов торгово-экономических операций с Узбекистаном, Киргизией и даже с Таджикистаном, а также переход на новый качественный уровень отношений с Казахстаном. Этим же объясняется и постановка на первый план в отношениях КНР с государствами Центральной Азии вопросов коллективной безопасности и "борьбы с исламским фундаментализмом".

Совещания в формате "Шанхайской пятерки": современное состояние и перспективы

Как уже подчеркивалось, наиболее плодотворным в смысле укрепления отношений Китая с государствами Центральной Азии стал 1996 г. 26 апреля в Шанхае высшими руководителями пяти стран - КНР, России, Казахстана, Таджикистана и Киргизии было подписано "Соглашение о мерах доверия в военной области в районе границы", предусматривающее взаимное сокращение войск, проведение совместных учений, обмен информацией о планируемых военных операциях и вводе в сопредельную 100-километровую зону дополнительных войсковых частей. Трудно переоценить значение этих договоренностей, однако, нельзя и не отметить и того, что осталось за кадром.

Во-первых, в Шанхае, сознательно пойдя на некоторое нарушение дипломатического протокола, КНР тем самым открыто продемонстрировала свой дифференцированный подход в отношении государств постсоветской Центральной Азии, недвусмысленно дав им понять, что для нее все три ее западных соседа пока остаются в сфере интересов России, которую она рассматривает правопреемником советско-китайских отношений.

Во-вторых, именно в Шанхае началось формирование стратегического альянса между Россией и КНР, "способного создать противовес доминированию стран Запада", о чем заявил в ходе своего визита президент Б.Ельцин. Им достаточно четко была высказана идея о том, что "нельзя согласиться с ситуацией, когда одна страна диктует свои условия всему миру".

В-третьих, "Шанхайские договоренности" послужили косвенным поводом активизации деятельности "уйгурских сепаратистов", которые расценили их как договоренности, "давшие зеленый свет крупномасштабным этническим чисткам в Восточном Туркестане".

4-6 июля с официальным визитом Казахстан посетил Председатель КНР Цзян Цзэминь. Визит завершился подписанием "Совместной Декларации Республики Казахстан и Китайской Народной Республики", в которой подтверждались все ранее достигнутые договоренности и взаимные обязательства двух сторон, а также прослеживалась перспектива стратегического партнерства на XXI век. Однако, пожалуй, главным итогом визита явилось выступление Цзян Цзэминя в Парламенте Республики Казахстан, где он обратил внимание на видение основных проблем мира китайской стороной. Им недвусмысленно была подчеркнута необходимость "изменить несправедливый, нерациональный международный экономический порядок" и более тесного сотрудничества по линии Юг-Юг. Как отметил Цзян Цзэминь, "Сотрудничество Юг-Юг должно осуществляться во многих областях, на различных уровнях и в различных формах, как в экономической, так в политической, культурной и социальной сферах. Диалог Юг-Север и сотрудничество Юг-Юг - это две важные проблемы современного мирового развития и международного сотрудничества". Причем Китай, считая себя инициатором этой идеи и учитывая перспективу своего геополитического положения, предлагал свои услуги в роли координатора подобного сотрудничества³⁹. Другими словами, была предложена новая концепция блокового противостояния развивающихся стран развитым странам, которым недвусмысленно было предложено несколько сократить свои запросы в пользу стран Третьего мира.

1997 г. начался неофициальным визитом Н. Назарбаева в Китай. По иронии судьбы он по времени совпал с двумя трагическими событиями в Китае - массовыми беспорядками в Кульдже (4-7 февраля) и смертью Дэн Сяопина (19 февраля). Несмотря на объявленный в Китае траур, встреча с Цзян Цзэмином состоялась, на ней обсуждались достаточно значимые как для Казахстана, так и для Китая вопросы. Три первых касались открытия новых транспортных коридоров и перспектив двустороннего сотрудничества в области нефти и газа. Четвертый - проблем этнического сепаратизма и положения казахской этнической общины в Китае. По этой проблеме Н. Назарбаев подтвердил свою принципиальную позицию о недопустимости поддержки любого вида сепаратизма, сохранения территориальной целостности и необходимости решения спорных вопросов мирными средствами⁴⁰.

22-26 апреля состоялся визит Цзян Цзэминя в Москву, где были подписаны документы, являющиеся логическим продолжением "Шанхайских договоренностей". Главами пятью государств в Москве было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных

сил в районе границы, являющееся составной частью соглашения, подписанного в апреле 1996 г. в Шанхае. Безусловно, данный документ можно назвать первым шагом в укреплении многостороннего сотрудничества, направленного в XXI век.

Уникальность этого крупного военно-политического документа состоит в том, что впервые пяти странам АТР удалось путем равноправных переговоров, преследовавших цель не ослабления друг друга, а создания на совместной границе спокойной и добрососедской обстановки, решить ряд острых проблем, относящихся к такой деликатной и чувствительной области, как национальная безопасность. Тем более что данное соглашение касается новых независимых государств Центральной Азии в меньшей степени, чем России и Китая, поскольку в районе их общей границы с Китаем не расположено подлежащих сокращению воинских частей и военной техники. Скорее, его можно рассматривать как очередной шаг доброй воли, направленный на укрепление добрососедских отношений в регионе, и именно в таком ключе соглашение и было воспринято мировой общественностью.

Другое дело - Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, которая вызвала легкий шок во всем мире, особенно у стран Запада. По сути, визит Цзян Цзэминя в столицу России явно продемонстрировал, что как Москва, так и Пекин намерены активно противостоять доминированию США на глобальном уровне. Явно антиамериканская направленность документа подтвердила стремление России и Китая играть более значимую роль в мировой политике и дала формальный повод говорить о формировании "нового блокового противостояния". Китай и Россия сделали попытку расширить свое политическое и стратегическое сотрудничество для создания противовеса тому, что обе страны рассматривают как господство США. С одной стороны, Россия нашла достаточно мощного союзника, выступающего, как и она, против расширения НАТО. А с другой - дружественные отношения с Россией дали возможность Пекину сбалансировать вызывающий беспокойство договор о безопасности между США и Японией.

Встреча "Шанхайской пятерки" в 1998 г., состоявшаяся в Алматы, проходила без участия Б. Ельцина. На ней не решалось сколь-нибудь значимых вопросов, а лишь констатировалась приверженность ранее достигнутым договоренностям.

24-25 августа 1999 г. состоялась очередная встреча "Шанхайской пятерки" в Бишкеке. Встреча проходила под покровом большой секретности, и сведения о ней пока достаточно скудные. Единственное, что известно точно, результатом встречи явилось подписание "Бишкекской декларации", "Дополнительное соглашение между КНР и Республикой Кыргызстан о государственной границе", трехстороннее

“Соглашение между Китайской Народной Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Кыргызстан о стыке границ Казахстана, Киргизии и Китая”. Накануне саммита во время визита президента Таджикистана Э.Рахмонова в КНР 13 августа было подписано “Соглашение о китайско-таджикской государственной границе”.

Кроме того, на встрече в Бишкеке президента России Б.Елицина и Председателя КНР Цзян Цзэминя в очередной раз было подчеркнуто, что у России и Китая “общий подход к вопросу о том, что необходимо строить многополюсный мир”. Цзян Цзэминь повторил свою мысль, высказанную им в 1994 г. в Алматы о необходимости создания нового миропорядка и противодействия мировой гегемонии со стороны США. Как подчеркивалось в его выступлении на саммите, “мир все еще не спокоен, гегемонизм и силовая политика развиваются новым способом. Возрождающийся так называемый “неоинтервенционизм” и есть новое проявление гегемонизма и силовой политики”.

Учитывая усложнившуюся военно-политическую обстановку в Киргизии, руководство последней вновь пошло на усиление контактов с Россией в военно-технической области, о чем свидетельствует подписание между ними соответствующего соглашения, в котором особый акцент ставится на “обязательство оказывать взаимопомощь в случае угрозы или агрессии в отношении одного из государств, отказ от участия в блоках и союзах, действиях и мероприятиях, направленных против любой из договаривающихся сторон”.

Участники бишкекского саммита обсудили также вопросы региональной безопасности, включая урегулирование афганской проблемы, поддержку продвижения процесса мирного урегулирования ситуации в Таджикистане, определение путей и мер совместной борьбы с контрабандой оружия, наркотиков, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. При этом, как подчеркнул министр иностранных дел Республики Казахстан К.Токаев, “речь шла не только о подписании заявления или обмене речами, но и о том, чтобы согласованными усилиями, предпринять меры по пресечению, такого, как мы считаем вредного явления, как исламский радикализм и фундаментализм”.

На бишкекском форуме Москва выступила и с рядом предложений, направленных на налаживание тесного стратегического партнерства между странами-участниками “Шанхайской пятерки”. Речь шла о том, чтобы страны пятерки на регулярной основе обменивались мнениями по вопросам международной обстановки в целом и стратегической безопасности в Азии, в частности.

Таким образом, комплекс этносоциальных, демографических, политических и экономических проблем вызвал к жизни глобальное перераспределение геополитических сил и интересов в Центральноазиатском регионе, где переплелись интересы не только

самых государств региона, но и интересы таких центров силы как США, Россия, Китай, государства “Исламского полумесяца”, не учитывать которые просто не допустимо.

Безусловно, ставить вопрос в контексте “или, или” представляется не совсем логичным, но еще менее логичным представляется отсутствие приоритетов внешней политики.

Хотелось бы нам того, или нет, но объективный анализ геополитической ситуации в постсоветской Центральной Азии показывает, что доминирующими в ней внешними силами по-прежнему остаются Китай и Россия, способные оказывать влияние как друг на друга, так и на все мировое сообщество. Роль остальных сил в этом регионе либо незначительная, либо “присутствующая” и при возникновении реальной угрозы может почти со стопроцентной вероятностью свестись к нулю.

Однако, обладая собственными национально-государственными интересами, и Россия и Китай будут определять свою позицию, исходя из характера внутренней политики самих государств Центральной Азии и расклада в них политических сил, которые с большой степенью вероятности могут противоречить этим интересам. При данном раскладе возникновение противостояния между Россией и Китаем, либо Китаем и каким-то из государств Центральной Азии может спровоцировать вмешательство России в вооруженный конфликт, которое, хотя и обеспечит сохранение территориального единства этого государства, однако лишит его национального суверенитета.

Все эти аспекты и необходимо иметь в виду при анализе нового расклада геополитических сил в Центральноазиатском регионе и оценке того места, которое занимает в нем Китай.

¹ См.: “Чжун’Я яньцзю”, 1992, №1-2. С. 14-15; См.: Lillian Craig Hurriss. Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in the Islamic World // “The China Quarterly”, 1993, №2 133 (March). P. 125.

² “Чжун’Я яньцзю” (сводный номер), 1993. С. 24.

³ Там же. С. 29.

⁴ См.: Lillian Craig Hurriss. Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in the Islamic World // “The China Quarterly”, 1993, №133 (March). P. 125.

⁵ См.: “Дипломатический курьер”, 1996, №1. С. 69; “Казахстанская правда”, 3.03; 13.08.1992; 6.07.1996.

⁶ См.: “Жэньминь жибао”, 19.04.1994.

⁷ “Дипломатический курьер”, 1996, №1. С. 69.

⁸ Хлюпин В. Треугольник геополитического взрыва. Казахстан - Китай - Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. - Москва, 1999. С. 9.

⁹ Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV - XIX). - Алматы, 1995. С. 206-207.

¹⁰ Хлюпин В. Указ. соч., с. 19.

¹¹ См.: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы. - В сборнике Документы опровергают. М., 1982. С. 427.

¹² Сладковский М.С. Китай. Основные проблемы истории, экономики, идеологии. - М., 1978. С. 212.

¹³ Велявский. Материалы по Туркестану. - СПб., 1885. С. 11, 15.

¹⁴ Вантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 535.

¹⁵ Хлюпин В. Указ. соч., с. 24.

- ¹⁶ Вфимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. - М., 1951. С. 84.
¹⁷ Русско-китайские отношения. 1689-1916 /Под общ. ред. Думан Л.И./ - М., 1958. С. 55.
¹⁸ Там же. С. 56.
¹⁹ "Рапогата", 1999, №11, 19 марта.
²⁰ "Рапогата", 1999, №10, 12 марта.
²¹ "Известия", 1.12.1995.
²² "Азия", 1993, №4. С. 6.
²³ "Азия-Курьер", 1993, №71, 13 марта. С.14-15.
²⁴ "Казахстанская правда", 25.10.1994.
²⁵ См.: "Новое поколение", 12.03.1999; "Рапогата", 1999, №10, 12 марта.
²⁶ Ауэзов М. Цена пограничного спора: Китай-Казахстан. - "XXI век", 6.05.1999.
²⁷ Балиев А., Медведев А. Реки сами не умирают. Их убивают. - "Российская газета", 12.02.1999.
²⁸ "Караван", 27.01.1999.
²⁹ "Казахстанская правда", 10.04.1999.
³⁰ Там же.
³¹ "Казахстанская правда", 15.04.1999.
³² "Казахстанская правда", 6.05.1999.
³³ Туров В. Как Россию оставляют за "водо-забором". - "Независимая газета", 12.05.1999.
³⁴ Brzezinski Z. A geostrategy for Eurasia // "Foreign Affairs", Sep./Oct. 1997. P. 50.
³⁵ См.: Fuller G.E. Central Asia. The New Geopolitics. Prepared for the Under Secretary of Defense for Policy. - Santa Monica: Rand Corporation, 1992. P. 77-78.
³⁶ Brzezinski Z. A geostrategy for Eurasia // "Foreign Affairs", Sep./Oct. 1997. P. 51.
³⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М., 1998. С. 12.
³⁸ См.: Олкотт М.Б. Средняя Азия: катапультирование в независимость. - Оборонная политика. Политика обеспечения мира и безопасности. Ч.1. - Киев: RAND-AAAS, 1992. С. 49.
³⁹ См.: "Казахстанская правда", 6.07.1996.
⁴⁰ См.: "Казахстанская правда", 25.02.1997.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФАКТОРЫ И РИСКИ* (Некоторые аспекты теории и практики)

Губайдуллина М. Ш.

В современных условиях, когда беспрецедентно возросли масштабы и влияние международных отношений на жизнь отдельных стран, роль геополитики значительно возросла, в особенности в тех аспектах, которые касаются разработки, принятия и реализации политической стратегии основными действующими лицами - акторами международной системы на глобальном, региональном и локальном уровнях. С начала 90-х гг. регион Центральной Азии всё активнее втягивается в международные политические и экономические процессы. Новые государства - бывшие советские республики: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения получили возможность выбора собственного пути развития и стали, как самостоятельными субъектами международных отношений, так и объектами мировой политики. В этом смысле рассмотрение с позиций геополитики процессов развития центральноазиатских государств и региона в целом, принципов и механизмов их жизнедеятельности и функционирования представляется необходимо оправданным.

Сложность вхождения постсоветской Центральной Азии в международное сообщество заключалась в том, что новым республикам приходилось действовать в специфических временно-пространственных рамках. Требовалось в сжатые временные сроки и на усложнённом расширяющемся пространстве Центральной Азии - СНГ - дальнего зарубежья определить стратегические подходы для построения рыночно ориентированной экономики, а также форму и содержание межгосударственного сотрудничества, включая интеграцию центральноазиатского региона. При этом страны стремятся играть самостоятельную роль в мировой политике и разрабатывают собственную внешнеполитическую стратегию.

Геополитическое поле региона Центральной Азии, несмотря на то, что оно слабо институировано, не является некоей аморфной суммой государств, мозаика которых не образует устойчивых конфигураций. Отнюдь нет. Регион представляет собой единство, скреплённое тонкими социокультурными и историческими связями, включая конфессиональные. Государства Центральной Азии являются

* Статья представляет собой сокращённый журнальный вариант главы в коллективную монографию "Деятельность Европейского Союза в Центральной Азии", которая готовится к публикации при содействии Представительства Комиссии Европейского Союза в Республике Казахстан.

исторической родиной коренных народов - казахов, кыргызов, таджиков, туркменов, узбеков и др. Их объединяет общее историческое прошлое, культурная, духовная и языковая близость, сложившееся единство энергетических и водных систем и глубокие экономические связи. Закон региональной общности, указывающий на общность интересов наций, живущих в одном пространстве, которые заключаются в поддержании добрососедских отношений между собой и с третьими странами, в экономической кооперации, решении глобальных проблем, - этот закон подтверждается схожестью проблем центральноазиатских государств в экономической, социальной и экологической областях. А проблемы вызывали и вызывают потребность в более тесном сотрудничестве для их решения и имеют исходную геополитическую позицию, а именно, пространственная близость в условиях современного мира.

Решение проблем зависит от взаимодействия политиков и проводимой ими политики: либо соседи будут устанавливать отношения сотрудничества и взаимопонимания, либо их ожидает состояние конфронтации в условиях всё более усиливающегося давления со стороны. В этом смысле идея Центральноазиатского союза объективно оправдана, теоретически возможна и в условиях взаимопонимания и проявления воли реализуема на практике.

Однако сохраняющаяся этатистская доминанта в общественно-политической жизни государств Центральной Азии ведёт к распространению сепаратистско-изоляционистского синдрома с государственно-политического уровня на социальную, культурную, научную и др. сферы жизни, повёртывая её вспять к традиционалистскому местничеству. В странах региона складываются однотипные политические системы с президентской формой правления, тяготеющей к авторитарным методам руководства. Возможно три из постсоветских центральноазиатских государств - Узбекистан, Казахстан и потенциально Туркменистан, тяготеют стать геополитическими центрами региона, исходя из их важного местоположения, экономических возможностей, и что более важно, последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Последнее становится риском для интеграционных начал региона.

С позиций геополитики можно рассматривать ту новую роль государств Центральной Азии, которую они стали играть на евразийском пространстве с обретением независимости. В настоящее время достаточно часто главная задача геополитики формулируется как выявление зависимости политических решений и их последствий от политико-географического положения стран и народов, которых эти решения касаются, от их экономического и этнодемографического потенциала, от характера взаимоотношений с другими государствами и от других факторов.

В географическом понимании Центральная Азия (или Средняя Азия), расположенная в Евразии, начинается на западе с Каспийского моря, на востоке - от западной границы китайской провинции Синьцзян, на севере - от казахстанского мелкосопочника и Тургайского плато, на юге - граница достигает северных районов Ирана и Афганистана. То есть Средняя Азия охватывает южную часть Казахстана и целиком территорию четырёх республик: Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркмении. Имеется иное мнение, согласно которому Средняя Азия включает в себя среднеазиатский экономический район прежнего Советского Союза, включающий только бывшие четыре союзные республики - Узбекскую ССР, Киргизскую ССР, Таджикскую ССР и Туркменскую ССР.

В начале 90-х гг. разгорелась дискуссия о политическом смысле географического понятия Средняя Азия и о приемлемости термина Центральная Азия, в частности, обсуждался вопрос о том, какими понятиями грамотнее оперировать: Средняя Азия или Центральная Азия? В результате во время встречи глав пяти среднеазиатских республик в январе 1993 г. было принято решение отказаться от использования термина "Средняя Азия" (Middle Asia) и в дальнейшем для всех пяти государств применять название "Центральная Азия" (Central Asia). Таким образом, государствам этого региона был придан смысл центра Евразии не только географически, но и политически.

В традиционном геополитическом понимании большая часть Средней Азии, включая всю Сибирь находится на евразийском пространстве хартленд - на "мировом острове", "сердце Земли" ("Heart Land"), так определил Евразию в своей концепции английский географ и политический деятель Г.Маккиндер (1861-1947). В его оценках Евразия является географическим и историческим центром мира, гигантской естественной крепостью, которая непроницаема для морских империй и богата природными ресурсами. В силу этого она обречена быть "осью мировой политики"¹.

На юго-восточной "оси мировой политики" расположены пять центральноазиатских республик, имеющие огромные природные богатства и в силу этого мощный экономический потенциал. С геополитической точки зрения данный регион приобретает важное значение и по той причине, что он является своего рода транспортным коридором, который может по более прямой соединить самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке.

Регион представляет интерес также с точки зрения исторических и политических амбиций, и амбиций безопасности непосредственных и наиболее мощных соседей - России, Китая, а также Турции, Ирана, которые являются геостратегическими центрами, участвующими в борьбе за влияние в Центральной Азии. Кроме того, в каждой центральноазиатской стране имеются серьёзные внутренние проблемы,

приводящие зачастую к внутренней нестабильности. И от того, насколько стабильной будет политическая обстановка на окраине хартленда - в Центральной Азии, насколько она сможет противостоять негативным внешним проникновениям, настолько безопасен "мировой остров" сегодня. Фактор безопасности во всех его сложных аспектах остаётся доминантой современного геополитического состояния в центральноазиатском регионе - осевой окраине хартленда. В данном случае принимается определение З.Бжезинского в отношении того, что ведущими игроками разыгрывается карта и "Евразия представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство"². Смысл западной геополитики заключается в сохранении, распространении западного цивилизационного влияния. Под этим влиянием подразумевается распространение демократии с модернизированной рыночной экономикой, не замкнутой на военно-промышленном комплексе, в культурном наступлении, в предложении западных стандартов жизни, а также в помощи международных финансовых организаций. Оно подразумевает недопущение каких-либо союзов или коалиций против стран Центральной Азии со стороны Китая, России и Ирана и тем самым сохранение безопасности. Оно подразумевает также недопущение втягивания в "окраинные" конфликты, которые представляют риск, как для самих государств, так и для их союзников.

Суверенное существование на международной арене новых республик Центральной Азии, в частности Казахстана, и имеющих относительно немногочисленное по мировым меркам население пытается объяснить исследователь из Тайваня Чжен Кун Фу с позиций новой геополитической концепции, основанной на теории нового структурного функционализма³. Согласно этой теории, каждое государство имеет свою социальную структуру, состоящую из четырёх основных элементов: географических условий, экономики, идеологии, и политики. В основе взаимодействия составляющих этой структуры лежит принцип равновесия и взаимного соответствия отдельных её частей. Насколько каждое государство региона развивается соразмерно и без особых перекосов какой-либо из составляющих его частей, настолько оно жизнеспособно и имеет перспективу.

Из пяти новых центральноазиатских государств, появившихся в результате распада СССР, Казахстан и Узбекистан стремятся занимать лидирующие позиции в регионе. Казахстан является крупнейшим по своей территории. Благодаря своим географическим масштабам и местоположению, Казахстан занимает среди бывших постсоветских республик вторую, а в Центральной Азии первую по величине территорию, - он защищает другие страны от прямого физического давления со стороны России, поскольку только он граничит с Россией⁴. Исходя из своего геостратегического расположения, Казахстан представляет большой интерес для России, обеспечивая её продвижение

на юг и восток. В этой связи в политических и интеллектуальных кругах России высказываются притязания на половину Уральской, Кустанайской, Павлодарской областей, почти полностью - на Северо-Казахстанскую, Кокчетавскую, Восточно-Казахстанскую области. Предметом споров становятся и южные границы России (В.Жириновский, А.Солженицын). В Казахстане тоже имеются сторонники пересмотра границ, которые на страницах печати заявляют о "правах" республики на территорию, ограниченную линией Оренбург-Курган-Омск. Поэтому по сей день "бесспорно и непреходяще значение геополитического аспекта взаимодействия Казахстана и России - двух самых крупных сопредельных постсоветских государств, во многом влияющих на общий климат Евразийского субконтинента"⁵.

Имея протяжённые границы с Китаем, Казахстан и здесь принимает на себя большую часть давления этой страны. Для самого Китая Казахстан приобретает стратегическое значение в связи с тем, что отличительной природной и социально-демографической особенностью КНР является факт сосредоточения 94% населения страны на территории к юго-востоку от условной линии "Маньчжурия - г. Куньмин", в то время как 94% природных ресурсов страны расположены к северо-западу от этой линии⁶. Для успешного экономического реформирования страны правительство КНР ставит задачу осуществления жизненно важной программы "Перемещения сил страны к западу" и проводит политику "трёх краев", подразумевающую совокупное решение проблем проживания и обеспечения продуктами питания перенаселённых приморских, приречных и окраинных регионов страны во временном и пространственном аспектах. В традиционных геополитических представлениях часть территории бывшей советской Средней Азии (Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана) обозначена как "Великий Северо-Восток" Китая. Растущий динамизм Китая и расширение китаизации населения соседней с Казахстаном провинции Синьцзян представляют также фактор риска.

Итак, территориальный фактор, куда относятся и границы, с точки зрения геополитики представляет в политико-социальной структуре Казахстана весьма уязвимой функцией. Этот фактор остаётся риском и для других государств Центральной Азии, границы которых в процессе создания советских республик Средней Азии в 20-30 гг. были произвольно обозначены большевиками (в соответствии с этническим принципом) и тем самым, отражали интерес Москвы в сохранении внутренних разногласий в регионе и его большей подчинённости Центру. В целом, устойчивую тенденцию приобретает повременное обострение территориальных проблем, которые шлейфом тянутся из прошлого.

Если Казахстан называют "цитом" Центральной Азии, то Узбекистан - "душой" пробуждающихся разнообразных национальных чувств. Ощутима та роль, которую Узбекистан играет в жизни этого региона.

Географически Узбекистан находится в его центральной части, по численности населения он лидирует - в стране проживает более 23 млн. человек.

Узбекистан - одно из самых стабильных и относительно благополучных государств Центральной Азии. Однако цена стабильности и благополучия весьма высока - это значительно более низкий уровень развития демократических начал в обществе по сравнению с другими государствами Центральной Азии, за исключением Туркменистана. Сложен и противоречив путь вхождения страны в мировую экономическую и политическую систему, в котором сочетаются такие процессы, как проведение рыночных преобразований в экономике с укреплением авторитарных начал в руководстве государством; как растущее национальное самосознание с ярко выраженными проявлениями национализма и исламского фундаментализма. Границы с Афганистаном и Таджикистаном являются фактором риска для Узбекистана по причине прямого проникновения в страну исламских фундаменталистов - ваххабитов, а вместе с ними боевиков, террористов, представителей наркобизнеса, которые угрожают политическому режиму.

В перспективе для всех государств нельзя упускать из виду возможность всякого рода провокаций, связанных с территориальными и межнациональными проблемами и претензиями. Основной причиной которых являются экономические интересы. На евразийском пространстве и в мире имеются примеры конфликтов и территориальных притязаний одного государства к другому: России с Чечней, Ирака с Кувейтом, на территории которого сосредоточены богатейшие нефтяные ресурсы и др.

Туркмения, расположенная в Центральной Азии севернее гор Копетдаг, между Каспийским морем на западе и Амударьей на востоке, фактически не имеет водных ресурсов. Северную и центральную части страны занимают песчаные пустыни Туранской низменности - Центральные, Заунгузские и Юго-Восточные Каракумы (около 80% территории страны). Почти вся ее территория - зона экологического кризиса, вызванного обмелением Аральского моря, засолением почв Кара-Богаз-Голом и их деградацией в связи с перенасыщенностью удобрениями. С этой точки зрения наибольшим фактором риска представляется экологическая проблема.

Важную геополитическую роль для будущего Туркменистана играют Узбекистан и Иран, с которыми страна имеет общие границы. В пограничной зоне Узбекистана и Туркмении расположены объекты водохозяйственного значения (насосные станции, дренажные системы, водохранилища и каналы), которые вызывают разногласия этих стран из-за неурегулированности вопроса об их принадлежности.

Принципиальные разногласия между двумя республиками возникают и в отношении начавшихся на территории Туркмении и Узбекистана разработок нефтегазоконденсатного месторождения Кокдумалак. Это крупнейшее месторождение в Центральной Азии, запасы которого оцениваются примерно в 200 млн. т нефти, расположено на границе двух стран, и, естественно, на него претендуют обе стороны. По причине разногласий был даже перенесен первый официальный визит президента Туркмении С. Ниязова в Узбекистан, в сентябре 1995 г.⁷ Считается, что как только по территории этого региона будет проложен нефтепровод, огромные запасы природного газа возможно смогут обеспечить экономический подъем Туркмении.

Во многом зависящая от своего геополитического положения и от развития событий в соседних Казахстане и Узбекистане, республика Кыргызстан по своей территории самая маленькая. Она не имеет нефти и природного газа, расположена в горной части Средней Азии, главным образом в пределах Тянь-Шаньской горной системы, где только около 7% территории составляют пахотные земли. Граница с Китаем, Таджикистаном, Узбекистаном и район Ферганской долины представляет для страны определённый фактор риска.

Пять новых государств региона, по оценкам политологов, находятся на этапе создания нации, в них ещё сильны настроения, связанные с племенной и этнической принадлежностью, вследствие чего главной проблемой становятся внутренние противоречия. Действительно, регион характеризуется полиэтническим составом населения численностью более 50 млн. человек. Геополитическая роль Центральной Азии в 21 веке будет определяться также демографическим фактором и политикой в отношении этносов, проживающих в регионе. По прогнозу ООН численность населения центральноазиатских государств к 2050 году удвоится. Если в 1994 г. население региона составляло 53,9 млн. человек, то к 2015 году оно вырастет до 75,5, а в 2050 до 103, 4 млн. человек⁸.

С этнической точки зрения Центральная Азия представляется мозаикой. Как известно, сохранение независимости страны во многом зависит от такого геополитического фактора, как этнический. Таджикистан являет собой наглядный пример того, как тесно взаимосвязан фактор территориально-этнический с политическим. С одной стороны, территория страны в результате проведенной в 1924 г. территориальной перекройки была существенно урезана - осталась лишь территория Восточной Бухары, 98 % которой составляли непригодные для сельского хозяйства земли. Исторические, культурные, духовные и языковые центры таджиков - Бухара и Самарканд (как почти весь Западный Таджикистан и сотни тысяч таджиков) были отданы соседнему Узбекистану.

С другой стороны, этническая ситуация для Таджикистана осложняется из-за многочисленного присутствия таджиков за пределами страны: в Узбекистане и северо-восточном Афганистане. Там проживает столько же этнических таджиков, сколько в Таджикистане, - фактор, способствующий ослаблению региональной стабильности. Кроме того, обострение родоплеменных отношений внутри Таджикистана привело к противоборствующим сторонам к внутриэтническому противостоянию и гражданской войне, участниками которой стали северный - худжандцы (Ленинабадский) и южный - кулябцы и гиссарцы (Кулябский), а также памирский кланы. "Худжандский клан", или "ленинабадская группа", - это элитный Север, причем "не только географический, но и социально-экономический и даже социально-культурный", где сосредоточено 68% всего аграрно-промышленного производства республики. По мнению российских политологов, прежде всего надо говорить о делении республики на таджикский "Север" и таджикский "Юг". Памирцы, живущие в Горном Бадахшане - шииты-исмаилиты, представляют собой своеобразную Сицилию на таджикской земле. Это подкрепляется и их прочной тенденцией к занятию наркобизнесом. В политическом плане они составили базу Исламской партии возрождения и костяк экстремистских групп боевиков - "ваххабитов". Это объясняет тот факт, что именно данный регион стал очагом острого конфликта, переросшего в 1992 г. в гражданскую войну.

Борьбу осложняют влияние Узбекистана, покровительствующего ленинабадской группировке и участие в конфликтах на территории Таджикистана этнических узбеков.

Итак, все пять республик региона связаны между собой общими границами и территориями, окончательно не поделёнными и на которых проживают соседние этносы. В этом отношении своеобразен статус границ пяти центральноазиатских республик между собой, в рамках СНГ и с Россией, сильно отличающийся от статуса границ с остальными государствами СНГ. К примеру, если между Россией и странами Балтии были сразу установлены границы в соответствии с международными пограничными нормами, а между Россией, Украиной, Беларуссией и закавказскими республиками оставались в едином с контролем, то среднеазиатские республики оставались в едином с Россией таможенном пространстве. Поэтому и границы между последними государствами всю первую половину 90-х годов сохраняли полную или относительную "прозрачность".

Что касается установления государственных границ между Россией и центральноазиатскими государствами - фактически только с Казахстаном, - то на это уйдут годы. Во второй половине 90-х годов все пять республик, а также Россия отходят от принципа "прозрачности" границ и устанавливают на них таможенный контроль. Так, с 1 февраля 1994 г. между Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией действует Таможенный союз. Вместе с тем внешние границы центральноазиатских

государств рассматриваются в соответствии с Бишкекским соглашением от 9 октября 1992 г. как общие границы Содружества. Это соглашение имеет важнейшее политическое и правовое значение для всех стран его подписавших: Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. В последнее время серьезно рассматривается вопрос об установлении паспортно-визового режима между Казахстаном и Узбекистаном. Таким образом, отношения между центральноазиатскими республиками строятся на сложном сочетании сил отталкивания и притяжения¹⁰.

Внешняя политика стран региона строится преимущественно как многовекторная. Объясняется она географическим положением стран на стыке европейского и азиатского векторов, а евразийская ориентация отвечает государственным интересам. Притягательной силой в развитии стратегии государств Центральной Азии остаются основные центры мирового экономического развития - США, Европейский Союз, Азиатско-Тихоокеанский регион, в которых сконцентрирована не только экономическая мощь, но и политические амбиции.

В современной геополитике географический фактор нельзя рассматривать в отрыве от экономического. Как известно, экономический потенциал стран Центральной Азии весьма высок благодаря тому, что регион богат природными ресурсами, располагает относительно развитым экономическим и научно-техническим потенциалом. На долю центральноазиатских республик в бывшем СССР приходилась основная часть запасов цветных и редких металлов, в т.ч. более половины золота, значительная часть природного газа, нефти, угля, химического сырья, чёрных металлов, золота, свинца и цинка, свыше $\frac{1}{4}$ потенциальных гидроэнергетических ресурсов, половина сельскохозяйственных угодий и орошаемых земель. Благодаря благоприятным природно-климатическим условиям в регионе достаточно хорошо развито сельское хозяйство.

Центральная Азия имеет стратегическое сырьё, занимая видное место в мировых запасах урана. Здесь в большом количестве добывается урановая руда - основное сырьё для производства ядерного оружия и развития атомной энергетики. Урановый институт в Лондоне считает, что Казахстан обладает почти 25 процентами мировых разведанных запасов урана¹¹. Промышленные урановые месторождения в Узбекистане расположены в Учкудуке, Зарафшане и Навои. Крупный гидрометаллургический завод по производству урановых концентратов имеется в Кара-Балты в Кыргызстане. Добыча урана в Таджикистане производилась на шахтах в Адрасмане и Табошаре, где ещё в 1946 году был построен первый советский урановый завод. Крупные урановые месторождения в Казахстане, Кыргызстане и др. республиках сегодня бездействуют, в связи с

присоединением центральноазиатских государств к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве безъядерных государств, и подписанием соответствующих соглашений с МАГАТЭ.

Наличие запасов урана в Центральной Азии, значительный потенциал ядерных технологий и специалистов определяют важную роль этого региона в поддержании и укреплении режима нераспространения ядерного оружия. На саммите глав государств Центральной Азии в Алматы 28 февраля 1997 г. была принята Алматинская декларация, в которой все заинтересованные страны призываются поддержать идею объявления Центральной Азии безъядерной зоной.

Реализация этой идеи, как считал известный казахстанский учёный У.Т.Касенов, может иметь "демонстрационный эффект" для находящихся в близком географическом соседстве со странами Центральной Азии, таких государств как Индия и Пакистан, обладающих достаточным потенциалом, чтобы при определённых условиях стать новыми членами "ядерного клуба"¹².

Другая сторона экономических интересов, определяющая новую геополитическую роль региона Центральной Азии, - его топливно-энергетические ресурсы, и, прежде всего нефть Казахстана и природный газ Туркменистана.

В структуре промышленного производства Казахстана, богатого топливно-энергетическими ресурсами, заметно преобладают отрасли, базирующиеся на переработке и использовании ресурсов топлива и минерального сырья. В первую очередь, это электроэнергетика республики. Она вырабатывается в основном с применением угля Карагандинского бассейна и Экибастузского месторождения. В Казахстане создаётся один из крупнейших в СНГ энергокомплексов со строительством ряда мощных электростанций (Экибастузская ГРЭС-1 и ГРЭС-2) и Южно-Казахстанской ГРЭС на этом же угле. Месторождения нефти и природного газа эксплуатируются на полуострове Мангышлак. Нефть по трубопроводам доставляется от Эмбинских промыслов в Гурьев и Орск, а из Узеня - в Шевченко и в Поволжье - Самару. С открытием уникального по запасам Тенгизского и крупного Королевского нефтегазовых месторождений Западный Казахстан вышел на второе (после Западной Сибири) место среди нефтегазодобывающих регионов СНГ. Уже к 2010 году, по оценкам специалистов, добыча нефти в Казахстане может возрасти до нескольких десятков миллионов тонн, значительная часть её пойдёт на мировой рынок. В химической, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности действует более 30 заводов, выпускающих нефтепродукты, минеральные удобрения, желтый фосфор, синтетические моющие средства, шины и другие резинотехнические изделия, пластмассы, химические волокна и нити, карбид кальция, каустическую соду и др.

Именно нефть и газ региона становятся яблоком раздора между соседями, делящимся уже не один год делимитации дна Каспия, становятся объектом пристального внимания геостратегических партнёров центральноазиатских государств и международного сообщества.

Природный газ и нефть - основное богатство Туркмении. Его ресурсы превышают 8 трлн. куб. м, в том числе свыше 300 млрд. куб. м составляют доказанные запасы. По запасам природного газа Туркмения занимает третье место в мире и может стать вскоре, по словам президента страны Сапармурата Ниязова, одним из ведущих государств по экспорту энергоресурсов: в настоящее время она привлекает внимание практически всех крупных зарубежных компаний¹³.

Месторождения газа сосредоточены в юго-восточных районах Туркмении. Из месторождений выделяется уникальное по запасам - Довлетабад, в котором сосредоточена половина разведанных запасов туркменского газа и которое дает 45% от всей добычи. Газа достаточно сегодня для того, чтобы экспортировать на Украину и в государства Закавказья более 20 млрд. кубометров и столько же через российское АО "Газпром" (учредитель "Туркменросгаза") в Европу. Разнообразную продукцию химии и нефтепереработки дают заводы в г. Туркменбаши (бывший Красноводск), Нефтезаводске, Чарджоу и Гаурдаке. Для транспортировки гидрокарбонатов построен ряд мощных трубопроводов.

С декабря 1997 г. функционирует трубопровод, соединяющий Туркменистан и Иран, протяжённостью 200 км. В мае 1998 г. С. Ниязов получил со стороны США поддержку и кредиты для строительства транскаспийского трубопровода, который будет направлен в Турцию по территории Азербайджана и Грузии, минуя территорию России и Ирана. Причём Иран категорически против прокладки трубопровода по дну Каспийского моря. В этом солидарна с ним Россия. Стоимость строительства газопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан протяжённостью более 1300 км оценивается в 2 млрд. долл. Значительные запасы природного газа и нефти позволяют Ашхабаду надеяться, что в одиночку он скорее решит проблемы экономического развития. По этой причине Туркмения дистанцируется от союзов, как СНГ, так и Центральноазиатского союза, и признаёт двусторонние соглашения и обязательства. Туркменские лидеры не скрывают своих опасений относительно того, что политическая нестабильность, в некоторых странах - членах СНГ может перекинуться и в Туркмению. Наряду с этим Ашхабад довольно тесно координирует действия в борьбе против "псевдодемократов" и исламских фундаменталистов с Ташкентом.

Нефтегазовая отрасль провозглашена приоритетной в экономике Узбекистана. В Узбекистане в районе Бухары и Кашкадарьи эксплуатируются крупнейшие газовые месторождения, в том числе самое известное - Газли. Из Узбекистана проложены мощные

газопроводы в Челябинск, Екатеринбург, европейскую часть России. После создания благоприятного климата для иностранных инвесторов важные объекты нефтегазодобывающего комплекса стали предметом интересов зарубежных компаний и банков США и Японии. С их помощью в 1997 г. введен в строй Бухарский нефтеперерабатывающий завод, который вырабатывает бензин, дизельное топливо и авиационное топливо. С пуском Бухарского, Ферганского НПЗ и компрессорной станции на Кокдумалакском месторождении Узбекистан получил возможность экспортировать собственные нефтепродукты.

Реализация крупномасштабных проектов газопровода в Европу через Иран и Турцию, в Пакистан через Афганистан, в Китай и Японию через Узбекистан и Казахстан может кардинально изменить сложившуюся на евразийском материке схему газоснабжения, а также потребует "беспрецедентного регионального сотрудничества", будет способствовать созданию большого количества рабочих мест и прекращению региональных конфликтов¹⁴. Таково будущее в экономических интересах в случае бесконфликтного развития событий.

Строительство из нефтегазоносных регионов Центральной Азии трубопроводов в южном и восточном направлениях неизбежно приведет к серьезным геоэкономическим и геостратегическим последствиям. Несомненно, в регионе повышается интерес и роль со стороны США, Турции, Ирана, Пакистана, Индии и Китая, стран ЕС, нефтегазовые компании которых являются основными инвесторами. Остро нуждаясь в модернизации экономики, государства региона обращают свои взоры на обладающие передовыми технологиями высокоразвитые западные страны, на "азиатских тигров", на страны АСЕАН. Однако что касается роли Европейского Союза как потенциального торгового партнера, источника финансирования и донора продовольственной помощи, а также финансового и технического содействия, то он стоит впереди всех перечисленных стран.

Ослабнет или вовсе будет сведена на нет экономическая, энергетическая и транспортная зависимость государств Центральной Азии от России покажет время. Ясно другое, что этим объясняется сложность взаимоотношений с Россией, многократно усиленная проблемами этнического русского населения, играющего в таких республиках как Казахстан и Кыргызстан экономически важную роль.

Объективно заинтересованность в сохранении русскоязычного населения присутствует. В республике имеются предприятия - машиностроительные, текстильные и др., где они составляют большинство коллектива. Массовый исход этой части населения привел бы к остановке этих предприятий и как следствие - серьезным экономическим трудностям. Перспективы развития национальной промышленности во многом зависят от подготовки национальных кадров и гибкой политики в сфере межнациональных отношений, так как большинство занятых на предприятиях тяжелой и

обрабатывающей промышленности - русскоязычное население республики. Хотя республики обладают и собственными кадрами, наблюдающееся в последнее время усиление эмиграционных процессов среди русскоязычного населения может в ближайшие годы ослабить кадровую базу национальной промышленности. Межэтнические отношения обостряются там, где по этническому принципу начинается раздел собственности и приватизация в интересах власти имущих, то есть представителей местной элиты.

Стремление избежать межэтнических конфликтов, особенно если их участником окажется русскоязычное население, подталкивает Казахстан и Кыргызстан, где в основном оно проживает, к сотрудничеству с Россией по всем политическим и экономическим направлениям, которое может служить важнейшим фактором внутренней стабильности этих государств. Вместе с тем и Ташкент и Алматы заявляли в свое время о неприемлемости для них института двойного гражданства (именно на нём настаивала первоначально Россия), двойное гражданство принято в результате двусторонних соглашений между Россией и Туркменистаном, а также между Россией и Таджикистаном.

Как часть единого евразийского пространства, центральноазиатские республики тесно связаны разнообразными транспортными сетями и телекоммуникациями между собой и с другими странами-членами СНГ. Подавляющее большинство этих магистралей появилось в последние десятилетия. Более всего железнодорожный транспорт развит в Казахстане. Развитие железнодорожного транспорта важно для центральноазиатского региона по той причине, что здесь мало судоходных рек, тем более морей и связь осуществляется преимущественно по железным дорогам. Кроме того, регион Центральной Азии расположен на стыке евроазиатских железнодорожных магистралей. Через Иран он имеет выход к Персидскому заливу, через Афганистан и Пакистан - к Индийскому океану, через Китай - в Азиатско-Тихоокеанский регион. Вместе с тем, это та сфера экономики, которая требует модернизации и больших инвестиций.

Уже в мае 1996 г. в Иране произошла стыковка железных дорог Туркменистана и Ирана, что открывает государствам Центральной Азии и Китаю кратчайший выход в страны Среднего Востока и к Персидскому заливу.

Стыковки железных дорог Казахстана и Китая в 1990 г. между станциями Дружба и Алашанькоу соединила Тихий и Атлантический океаны, восточные порты Китая с портами Западной Европы более коротким путём по сравнению с первым евроазиатским континентальным мостом - Транссибирской железнодорожной магистралью.

С вводом в действие трансасиатской железнодорожной магистрали, развитием автомобильных и воздушных сообщений, появлением в перспективе экспортных нефте- и газопроводов, геополитическое и

геоэкономическое значение Центральной Азии ещё более возрастёт. Возрастает и коммерческий аспект - через трансасиатский коридор пойдут значительные грузопотоки с востока на запад из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу и Западную Азию и обратно. Большое значение будут иметь грузопотоки с севера на юг и с юга на север. Вместе с тем риск превращения центральноазиатского коридора в путь транспортировки наркотиков и оружия стал сегодняшней реальностью. Наркобизнес выгоден; он стимулирован политически. Основные центры производства наркотиков хорошо известны. Это - "золотой полумесяц" (Афганистан, Пакистан, Иран), "золотой треугольник" (Таиланд, Бирма), и они соприкасаются с центральноазиатским регионом.

К числу рисков относят и тот, что связан с внешнеэкономической зависимостью центральноазиатского региона от более развитых в экономическом отношении государств. Внешнеэкономическая зависимость молодых государств Центральной Азии от России - сильнейшая. Доля вывоза в производстве тех или иных товаров и доля ввоза в потреблении такова, что разрыв с Россией означал бы экономическую катастрофу. Экономика центральноазиатских государств более чем на две трети работает благодаря ввозу тяжелого оборудования из других стран СНГ - в основном из России и с Украины. Подавляющее большинство крупных современных предприятий, расположенных в центральноазиатских государствах, работают по российским (а в отдельных областях, например в электросварке, - по украинским, а также по белорусским, прибалтийским) технологиям и стандартам. Это - результат многих факторов, в том числе исторических.

Сырьевая направленность новых независимых государств Центральной Азии увеличивает её экономическую зависимость от зарубежных стран, чьи финансы и компании присутствуют в регионе. Но для таких стран, как Турция и Иран главными ограничителями влияния как раз таки являются факторы экономические. Обе страны слишком слабы экономически для того, чтобы оказать существенное воздействие на ход экономического развития в новых независимых государствах, помочь им преодолеть кризис. Турция отрезана от Центральной Азии географически, и какой-то реальный обмен будет затруднен. Иран близок географически, имеет больше позиций, но его промышленность менее развита. Однако эти страны имеют рычаги воздействия политические и духовные.

В возрастании роли Центральной Азии в мировой политике определённое значение имеет исламский фактор, поскольку населяющие его коренные народы со времён Арабского халифата исповедуют ислам. После 70 лет господства воинствующего атеизма и образования в результате развала СССР новых независимых государств в регионе идёт интенсивный процесс возрождения ислама при сохранении светского характера государственной власти.

Исламский фактор даёт о себе знать во взаимоотношениях между самими государствами Центральной Азии. Националистический характер формирующегося авторитарного (президентского) правления предполагает и возрастание роли исламского фактора в государственной политике. Традиционно киргизы по сравнению с таджиками и узбеками менее привержены исламу, но в условиях вакуума, связанного с отказом от прежних мировоззренческих установок, ислам становится важным идеологическим, культурным и духовным фактором общественной жизни республики. Вместе с тем исламизация остаётся лишь внешним прикрытием сложных интересов трайбалистского, субэтнического характера. Добиваясь особой помощи от мусульманского мира, туркменский президент С.Ниязов предложил, например, открыть в Ашгабаде филиал организации Исламская конференция со статусом Комитета по культурным и социальным вопросам Центральной Азии и Казахстана. Саудовская Аравия, Кувейт и другие арабские страны обещали и частично предоставили довольно крупные кредиты.

Именно исламский фактор определяет интерес к Центральной Азии многих мусульманских государств мира, и прежде всего Саудовской Аравии - родины ислама и наиболее теократизированного государства мусульманского мира. Приверженность исламским ценностям в сочетании с геополитическими интересами лежит в основе внешнеполитического курса Ирана и Пакистана в отношении государств Центральной Азии. Исламский фактор является фактором риска в Центральной Азии. Роль его усиливается в связи с событиями в соседнем Афганистане и установлением власти талибов, ярых сторонников исламизации государства.

Резко изменилась религиозно-политическая ситуация на южных рубежах центральноазиатских республик. Так, в Киргизии существует опасность возникновения напряженности на межрелигиозной основе, в связи с тем, что киргизы, традиционно считающиеся мусульманами, рассматривают принявших другую веру как вероотступников, и в их адрес все чаще раздаются угрозы, в частности об отселении из сел и даже физической расправы. Намечившаяся в конце 90-х гг. тенденция "христианизации и крещения" киргизов, которые группами переходят в протестантские церкви различного направления (в основном в северных областях Киргизии и Бишкеке), где зарубежные религиозные миссии распространяют Библию на киргизском языке и литературу протестантского направления. В то же время на юге Киргизии, где в наибольшей степени распространен ислам, активную работу также ведут различные миссии из Саудовской Аравии. В Киргизии за последние пять лет появилось более 1000 мечетей, из которых большая часть построена за счет зарубежных спонсорских средств¹⁶.

ПО ПОВОДУ ЛИЧНОСТИ ЕРМАКА

Зуев Ю. А.

“Восточная политика” традиционно занимала важное место в истории России. Ее составными частями во второй половине 16 века, помимо постоянного стремления к установлению хозяйственных и политических контактов, была тяжелая и малоуспешная борьба с Крымским ханством, борьба и покорения Казанского и Астраханского ханств. Серьезным форпостом и гарантом успехов в осуществлении этой политики в Поуралье, а затем, конкретно, и в “сибирском взятии” был торгово-промышленный дом Строгановых на Каме и в Пермском крае.

Распределение политических сил на восточных пределах России в это время было довольно сложным. Несмотря на поражение в 1556 году и дробление на ряд самостоятельных улусов, главным из которых была Большая Орда, ногайские ханы целиком контролировали свои владения в огромном регионе от Волги до Иртыша. В составе ногайских владений была и Западная Сибирь. Появление здесь киданьского по происхождению племени ногай (киданьское, монгольское-нокай “небесная праматерь Собака”, “Небесная Сука”) относится к началу 11 века, т.е. ко времени массовой миграции ряда кочевых племен с территории Северо-Западной Маньчжурии и Восточной Монголии на запад вплоть до Дуная. Главным этническим компонентом этого массива были тюркоязычные племена, среди которых летописцы упоминают и ногаев в их тюркских обозначениях: ит-барак (“Огуз-наме”, Рашид-ад-дин, Абул-Гази), итлар (Ипатьевская летопись), тайган (киргизские родословия), Собачье царство (китайские летописи). В русской летописной традиции появление ногаев в Западной Сибири связывается с приходом сюда керейтского Он-хана, что подтверждается и историческим известием в “Сокровенном сказании монголов” о поражении керейтов от монголов Чингиз-хана под Бухтармой в начале 13 века. В составе этих племен были и кипчаки, известные в монгольской и чингизидской традиции под именем токмаки (“Алтан Тобчи”, “Шара Туджи” и другие источники). Столицей или одной из “столиц” Сибирского царства был город Чинги-Тура (современная Тюмень) с ногайским владельцем в нем. Возможно, восточными границами Сибирского ханства были долины Нарыма и Сургута, где в течение какого-то времени (в самодийской среде) размещалась его Сотня (Юз-Орда), о существовании которой можно судить по летописному упоминанию “их сотника” и селению Сотниково в Колпуховской волости, а также Пегая Орда, переместившаяся, судя по имени Алач, к 1582-1583 годам в Белогорье (в районе современного Ханты-Мансийска). В 1554 году хан Большой

Ислам активно участвует в политических событиях и гражданской войне в Таджикистане. Фактически в ходе гражданской войны 1992 г. казиат Таджикистана стал независимым и раскололся на ряд областных объединений и активно включился в политическую борьбу. Тем самым было потеряно единство в деятельности мусульманского духовенства, которое обвинялось в “ваххабизме”.

Вернётся или не вернётся Центральная Азия в исламский мир, сохранят или утратят светский характер государства региона, на какой стороне баррикад она окажутся в предрекаемой американским исследователем С.Хантингтоном столкновении цивилизаций, в частности, между христианской и мусульманской, - эти вопросы находятся если и не в эпицентре, то и не на периферии внимания США, России, Китая, Индии, Пакистана и других, имеющих геополитические интересы в этом регионе.

Для Европы регион Центральной Азии представляет интерес не только в плане оказания политического или экономического влияния, но и как регион стабильности, сдерживающий проникновение дестабилизирующих факторов в процесс объединения и усиления единой Европы. В этом смысле имеющий высокую международную значимость феномен новых независимых государств Центральной Азии заключается в том, что они одновременно состоят членами и европейских (ОБСЕ, ЕБРР, Североатлантический Совет сотрудничества-САСС), и азиатских (ОЭС, ОИК, Азиатский банк развития, Исламский банк развития) региональных международных организаций и банков. Силы притяжения, сотрудничества - объективная реальность.

¹ Mackinder Н. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. № 23. - April, 1904. P. 434.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М., 1999. С. 44.

³ См.: Фу Чжен Кун. Геополитика Казахстана. Между прошлым и будущим. - Алматы, 1999.

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М., 1999. С. 157.

⁵ Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. - М., 1994. С. 120.

⁶ Ма Хун. Стратегический выбор развития национального образования в Китае // Се Ци Минь и Сунь Жэо Цянь. - Академия общественных наук КНР. - Пекин: Центральный Национальный Институт, 1991. С.1 (кит.) // Фу Чжен Кун. Геополитика Казахстана. Между прошлым и будущим. - Алматы, 1998. С. 3.

⁷ Сегодня. 28.09.1996.

⁸ Прогнозный анализ, сделанный российским учёным, директором центра демографии Института социально-политических исследований РАН Л.Л.Рыбаковским. См.: Рыбаковский Л.Л. Миграционный обмен населением между Центральной Азией и Россией // Социс.-1995, № 9. С. 95.

⁹ Кузьмин А.И. Причины и уроки таджикской войны // Постсоветская Центральная Азия. - М., 1998. С. 217.

¹⁰ См.: Мансуров Т.А. Стратегические приоритеты казахстанско-российских отношений // Внешняя политика Казахстана. - Алматы, М., 1995. С. 130.

¹¹ См.: Касенов У.Т. Безопасность Центральной Азии. - Алматы, 1998. С. 37.

¹² Там же. С. 38.

¹³ Деловая неделя. 1.05.1998.

¹⁴ Из выступления президента Туркмении в институте Центральной Азии Джона Хопкинса 21 апреля 1998 // Деловая неделя. 1.05.1998.

¹⁵ Интерфакс. 30.06.1996.

Ногайской Орды Исмаил принял присягу русскому царю, в следующем году ему последовал Едигер, один из правителей Сибирского ханства¹. За отсутствием документов сейчас трудно судить, чем был вызван этот шаг сибирского ногайского хана, - стремлением найти союзника в борьбе против шибанидов (правителей) Средней Азии или таким миролюбивым путем обезопасить себя от возможных посягательств со стороны России? Вероятнее всего, обоими соображениями.

“Сибирское царство” было ареной постоянной борьбы местных правителей с шибанидской ветвью из Бухары, потомков ханов-чингизидов Золотой Орды. Еще в начале 16 века предводитель среднеазиатских кочевых узбеков Мухаммад Шибани-хан (Шейбани) предпринял завоевательный поход в Сибирь. Сражение с сибирцами на Иртыше закончилось для него отступлением. Его престижность в глазах среднеазиатских шибанидов-мусульман заключалась, однако, в том, что Шибани-хан выступал в данном случае “борцом за веру”, это была религиозная война в стране язычников-ногаев, за которой должны были открыться пути для торговых караванов. Проникновение в Сибирь усиливается при Абдулла-хане (1557-1593 годы), в 1563 году оно приводит к воцарению в части Сибири шибанида бухарского происхождения Кучум-хана². Главным городом Кучумова улуса стал Искер (в районе современного Тобольска). Обнаруженные и обследованные сейчас следы Искера (несколько десятков метров в окружности) указывают на временность “столицы” даже в замысле ее учреждения, и поэтому, видимо другим ее обозначением было Кашлык, как это и отмечено в сибирских летописях. Это слово (тюркское по происхождению, но утраченное в тюркской лексике уже к 13 веку, кошлык) в “Сокровенном сказании монголов” использовано для обозначения “запасной походной юрты”, и это обстоятельство также имеет значение при оценке функционального назначения “столицы” Кучума. С 1563 года в Западной Сибири возникает несколько противоборствующих улусов, но роль Кучума, поддерживаемого среднеазиатскими шибанидами, становится преимущественной, а в русских документах того времени он фигурирует как “царь Сибири”. Имеются единичные сообщения и о рейдах отрядов Кучума в Прикамье, хотя не исключено, что слухи о них сознательно инспирировались Строгановыми для создания образа врага за Уралом и формирования соответствующего отношения к нему при московском Дворе.

Существовала и третья сила в Причерноморье, Приазовье, Поволжье и Приуралье - казачество. Известный у многих народов мира под разными наименованиями с глубокой древности социальный и возрастной институт “казачества” почти универсально предполагал выделение группы юношей-ордынцев, не являющихся “принцами крови” и не имеющими права на наследование отцовского владетельного престола, с целью “добывать славу для престола и счастье для себя” за

пределами собственной орды. В специфических условиях Поля в 16 веке этот институт был распространен почти повсеместно³, но со временем трансформировался и к середине столетия имел черты “казачьей вольницы”. При этом этнический состав казачьих общин становился смешанным, хотя изначально в них преобладали татары из разных орд (под которыми подразумевались представители многих тюркских, а также кавказских народов, в частности ногайцы, казахи, башкиры), как отмечено, например, в документе 1538 года: “...на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших окраин казаки, с ними смешавшись, ходят”⁴. В другом документе, адресованном ногайскому хану Урусу, отмечены “как ваши казаки, так и наши казаки”⁵. Столь же часто казачья дружина, обреченная в силу своего социально-рангового статуса заниматься “промыслом” в Поле и на водных путях, становилась наемной военной силой в порой совершенно противоположных по политической или иной ориентации государствах. В царствование Ивана Грозного в составе русского воинства при осаде Казани и в Ливонской войне участвовали наемные казачьи дружины, предводители которых зачастую имели тюркские и “черкасские” имена. Такой частный переход в российское подданство одновременно означал обращение в христианство и соответственно дачу нового имени. Подобные примеры известны еще из истории Половецкого Поля, когда крещеный кипчак-половец из племени тирег получал имя Глеб Тиреевич, сын Кончака Бахадур при крещении стал именоваться Юрий Кончакович и т. д. Эти последние обстоятельства следует иметь в виду при последующих рассуждениях.

В 1581 году в русских документах появляются первые известия о казачьей дружине атамана Ермака, бежавшей с берегов Волги на Каму. Эта дружина, снаряженная стругами, оружием, порохом и продовольствием Строгановыми, двинулась вверх по реке Чусовой и через Камень (Урал) в Сибирь, положив начало ее активному завоеванию. Его первые шаги нашли отражение в Сибирских летописях, повествование которых основывалось на “сказах” старых ермаковцев через сорок два года после похода. Естественно, они не отличались хронологической или иной точностью, но только они и могли быть положены в основу. Нет никакой ясности и относительно личности самого Ермака, зачисленного православной церковью в ранг святых.

Существует множество версий о его происхождении - летописных, художественных и фольклорных. Все они основаны на твердом убеждении, что это был христоробивый и отважный русский казак, скорее всего, по имени Ермолай, воевавший за русского царя на южном и западном фронтах, а затем отправившийся воевать в Сибирь. В его немногочисленной дружине был православный, хотя и лишенный сана, но все-таки поп, и по этой причине Ермак выступал своего рода крестоносцем в стане неверных.

Само обилие его биографических версий лучше всего свидетельствует, что о его досибирском прошлом никто и ничего не знал. В церковно-патриотическом освещении образа Ермака совершенно потеряли значение детали, прямо или косвенно указывающие на ногайское происхождение героя.

Обращает на себя внимание, что в фольклоре и художественной литературе появление в Поле этой суровой и воинственной личности связывается с запретной привязанностью Ермака и его неразделенной любовью к некоей красавице. Этот мотив присутствует и в варианте, согласно которому Ермак был неким образом вхож в ханское окружение ногаев и умудрился вступить в связь с ногайской княжной. Спасаясь от благородного гнева ее брата, он и вынужден был бежать на Волгу. Этот вариант (тюркский) - единственный, но если он даже самым отдаленным образом отражает явление изгнания ордынца и его последующих странствий, как это было отмечено выше, то его, по крайней мере, следует иметь в виду.

Вне всяких домыслов на русской языковой почве и без народно-этимологических объяснений слово ермак - тюркское, оно значит "забава", "развлечение", "соперник", "конкурент"⁶. Примечательны его прозвища, сохранившиеся в летописи - Таган (сравните выше тайган) и Токмак (сравните выше). Возможно, его предполагаемая связь с ногаями нашла отражение в одной из биографий, где местом его рождения названа деревня Борок. (сравните выше ит-барак, барак - "собака с длинной шерстью").

Важнее, однако, связанные с ним событийные описания. В Строгановской летописи по Афанасьевскому списку излагается эпизод, из которого следует, что в глазах шибанидов Ермак ассоциировался с ногаями и выступал от их имени: "Того же лета (1581 год) прииде от Карача посол к Ермаку, прося от него обороны от Нагайских людей, и на том шерстова (т.е. клялся), что не учинити зла..."⁷. Это известие вполне корреспондируется с сообщением Есиповской летописи по Погодинскому списку, что местом первого исхода Ермака была долина Яика, один из центров ногайских владений: "А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю с Еика на Иргизские вершины да вниз по Иргизу..."⁸.

В составленной с учетом "бусурманских писем и сказов" Ремезовской летописи приводится довольно странная история о выдаче за Ермака дочери князя Елыгая в ногайской Саргачиковой волости после ее вооруженного взятия и событийно прямо не связанной с этим татарской песне "Царицын плач" об убитых ермаковцах, начальные слова которой приводятся: "Яным, яным, биш казак, биш казак..."⁹.

С ногайской же частью Сибирского ханства можно связать и известия об обожествлении Ермака после его смерти и похоронах по местному обычаю: "И нарекоша его богом и погребоша по своему

закону на Баишевском кладбище под кудрявую сосну, и панцыри его разделиша на двое: един отдаша в приклад Белогорскому шайтану, и той князь Алач взял, той бо во всех городах славен..."¹⁰.

В этом свете достаточно определенно воспринимаются слова одной из царских грамот на имя Кучума, где говорится о разногласиях шибанида Кучума с сибирскими ногаями: "Которые ногайские улусы, тайбугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которых людей была тебе большая надежда"¹¹. Наконец, показательна и казнь Кучума, оказавшегося в Ногайской Орде: "Егда же Кучум со своими к Нагаям приходом явился, тогда Нагаи ни мало потерпеша, собрався с роды своими, убиша Кучума и протчее имение отьяша, а людей его похолопиша (т.е. сделали рабами)..."¹².

Все известия о начальном этапе российского завоевания Сибири дошли до нас в церковно-патриотическом его освещении, в котором не осталось никакого места ни для чего нерусского и неправославного. Даже явно ногайская фамилия (точнее, русский перевод) основателя Тюмени Собакин (1585 год) выглядит вполне по-русски подобно тому, например, как по-китайски выглядит и фамилия Ма ("Конь", "Конев"), данная при принятии юаньского (империя Юань - государство чингизидов в Китае и Монголии 13-14 веков) подданства тюркам-карлукам, название которых отражает поклонение небесному Коню-Солнцу.

Приведенный "тюркский" взгляд на некоторые события, связанные с походом Ермака в Сибирь в 1581 или 1582 году не меняет общей оценки самого похода, который, как считал Г.Красинский, "явился прямым следствием решений и действий Московского правительства Ивана Грозного"¹³. При этом он позволяет в них новый круг мотивов, участвовавших в его осуществлении, а именно - заинтересованность Большой Ногайской Орды в восстановлении своих утраченных позиций в Сибири при содействии царского Двора. В этом свете историческая личность ногайского казака на российской службе Ермака приобретает новые черты.

¹ Скрынников, 1982. С. 106-107.

² Зияев. 1983. С. 18-20.

³ Габэн. 1959.

⁴ Скрынников. 1982. С. 64.

⁵ Там же. С. 80-81.

⁶ Севортян. 1974, 1. С. 293, 300-301.

⁷ Сибирские летописи. 1907. С. 101.

⁸ Сибирские летописи. С. 276.

⁹ Сибирские летописи. С. 342.

¹⁰ Сибирские летописи. С. 346.

¹¹ Скрынников. С. 217.

¹² Сибирские летописи. С. 352-353.

¹³ Вопросы истории. 1947, №3. С. 97.

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СИМВОЛ ЕДИНОГО БЫТИЯ

Исмагамбетов Т. Т.

Проблема устойчивого развития лучше всего выраженная в термине sustainable development поставила вопрос о границах и пределах поддержания этой устойчивости мироздания. Старый научный принцип: "Сформулируйте решение в терминах наблюдаемых величин" нередко в теории и практике остается без внимания, поскольку не определены предполагаемые параметры изменений, которые не приведут к катастрофе в природе. Соответственно, этот принцип зачастую подменяется многословными и ни к чему не обязывающими рассуждениями об устойчивом развитии и, соответственно, такими же решениями на межгосударственном и межведомственном уровне.

В конечном счете, без уяснения мировоззренческой парадигмы этой устойчивости приходится думать о ненадежности и небеспорности политических решений, касающихся защиты окружающей среды.

Что такое бытие?

В истории науки первым словом, зафиксировавшим устойчивость мироздания было "бытие" в поэме Парменида "О природе". В дальнейшем, слово "бытие" вошло в категориальный аппарат философии, в научных дисциплинах применяются словосочетания "политическое бытие", "историческое бытие", "общественное бытие", "бытие природы", "бытие Бога" и т.п. Поэтому парадоксальным является факт забвения имени Парменида - автора, открывшего в поэме "О природе", это самое Единое бытие. Его современнику Гераклиту (около 540-480 гг. до н.э) повезло больше: широкой публике известны, по крайней мере, его две крылатые фразы: "Все течет - все изменяется", "Нельзя дважды войти в одну и ту же реку". Напротив, Пармениду принадлежит пальма первенства в утверждении устойчивости в смысле вечности и неизменяемости, поскольку он открыл неизменное Единое бытие.

Более того, мыслители целых эпох, например, арабоязычные средневековые философы, игнорировали творения Парменида (примерно 540-470 гг. до н.э), основателя Элейской школы мыслителей, также как прочих досократиков - философов, творивших до Сократа и Платона. Тысячелетия человечество было занято подчинением природы и преобразованиями общества и самого человека. Интерес к устойчивому в нашем меняющемся мире актуализировался перед лицом экологических, экономических катастроф, девальвации нравственных ценностей.

Прошлые эпохи, как уже сказано, были озабочены иным. Уже в поздней античности отсутствовал интерес к ранним античным авторам. В эпоху императора Августа (последняя четверть I века до н.э - начало I века н.э) многие древние рукописи не были переписаны. Текст поэмы Парменида сохранился в основном в виде фрагментов и упоминаний в трудах других авторов.

Что такое бытие представимо на основе строк 23-51 фрагмента 8-го поэмы Парменида "О природе":

*"Тут вот - не больше его ничуть, а там вот - не меньше,
Что исключило бы сплошность, но все наполнено сущим.
Все непрерывно тем самым: сожкнулось сущее с сущим.*

*Но в границах великих оков оно неподвижно,
Безначально и непрерывно: рождение и гибель
Прочь отброшены - их отразил безошибочный довод.*

*То же, на месте одном, покоясь в себе, пребывает
И пребудет так постоянно: мощно Ананкэ (Необходимость-прим. авт.)
Держит его в оковах границ, что вокруг его запирают,*

*Ибо нельзя бытию незаконченным быть и не должно:
Нет нужды у него, а будь, во всем бы нуждалось.
То же самое - мысль и то, о чем мысль возникает,*

*Ибо без бытия, о котором ее изрекают,
Мысли тебе не найти. Ибо нет и не будет другого
Сверх бытия ничего: Судьба его приковала*

*Быть целокупным, недвижным. Поэтому именем будет
Все, что приняли люди, за истину то полагая:*

*"Быть и не быть", "рождаться на свет и гибнуть бесследно"
"Перемещаться" и "цвет изменять ослепительно яркий".*

*Но, поскольку есть крайний предел, оно завершено
Отовсюду, подобное глыбе прекруглого Шара,*

*От середины везде равносильное, ибо не больше,
Но и не меньше вот тут должно быть его, чем вон там вот.*

*Ибо нет ни не-сущего, кое ему помешало б
С равным смыкаться, ни сущего, так чтобы тут его было*

*Больше, меньше -там, раз все оно неуязвимо.
Ибо отовсюду равно себе, однородно в границах.*

*Здесь достоверное слово и мысль мою завершаю
Я об Истине: мнения смертных отныне учи ты...".*

Что означает "смыкание сущего с сущим"

Некоторые основополагающие черты поэтической образности утверждаются Парменидом ясно и без неопределенности, вне двусмысленных толкований при переводе с греческого.

Во-первых, Парменид мысленно представил сбор неопределенно-бесконечного множества всех сущих (вещей, явлений) вместе. Об этом повествует текст фрагмента поэмы.

Во-вторых, в этом сборе сущих нет пустот между сущими, нет разрывов, нет густоты в одном месте и разреженности в другом. Показательны строки:

*"Тут вот - не больше его ничуть, а там вот - не меньше,
Что исключило бы сплошность, но все наполнено сущим."*

В-третьих, мощная Ананкэ (Необходимость), которая держит это множество, очерчивает его в форме фигуры, которая "подобно глыбе прекруглого шара".

От комментаторов поэмы ускользнули два важных обстоятельства: упоминание от "середины везде равносильное" и отсутствие даже косвенных и мельчайших намеков на расстояние между сущими в этом сборе мириад сущих. Здесь нет никакой метрической геометрии с ее измеряемыми расстояниями между точками. В повседневной жизни мы видим глазами, что между сущими (будь хоть это дерево и дом, Земля и Луна) есть метрически измеряемые расстояния. Напротив, в образности поэмы Парменида сущие утрачивают свой цвет, размер, иные чувственно воспринимаемые свойства. Здесь нет смысла говорить об отдаленности сущих. Каждое сущее представлено Парменидом в виде точки, о чем косвенно говорят слова о смыкании и всенаполненности сущим. Единственно, что можно сказать со всей определенностью, что эти точки, т.е. сущие в этом сборе множества сущих, находятся в бесконечной близости друг к другу. Высказывание о том, что "сомкнулось сущее с сущим" есть образное подтверждение этого факта. Однако, бесконечно близки любые, не только две соседние точки в Едином бытии. В поэме Парменида нет никаких намеков на расстояние между дальними и близкими точками в этом сборе мириад сущих. В ином случае, при метрической геометрии пришлось бы указывать величину диаметра "прекруглого шара".

В мысленном сборе сущих есть только бесконечная близость, ненужность метрических расстояний и, следовательно, расстояние между сущими приближается к нулю, то есть ρ стремится к 0.

От "середины везде равносильное" - это дополнительное указание сферичности ("подобно глыбе прекруглого шара") полученной геометрической фигуры.

Из текста поэмы видно, что сбор сущих дал новую фигуру, подобную шару. Более того, именно эта фигура является Единым бытием. Почему же шар? Это обстоятельство, как правило, комментаторы молчаливо обходят. В лучшем случае дается ссылка на образность, неразвитость отвлеченного мышления в то время, хотя неясно тогда, каким образом возникло понятие бытия, вошедшее в философский и научный обиход.

По существу, ход мысли Парменида выходит за рамки знакового контекста его эпохи. Чудо превращения в некое особое мыслительное пространство расшифровывается современной геометрией. Топология

- ветвь геометрии, которая в отличие от других отраслей этой науки опирается на единственное понятие бесконечной близости. Всякое понятие, которое можно сформулировать в терминах бесконечной близости есть топологическое понятие.

Современный знаковый контекст позволяет дать новую интерпретацию мысли Парменида об Едином бытии. Как сказано выше, текст поэмы содержит указания и намеки на бесконечную близость всего множества сущих. Иными словами, в этом сборе сущих множество сущих приобретает топологическую структуру, организуется в топологическое пространство.

Парменид настаивал на шарообразности Единого бытия ("подобное глыбе прекруглого шара"), что с точки зрения топологии требует обоснования.

Фигура в топологии может пониматься в самом широком смысле как произвольное множество точек. Фигура, им описанная в словах "подобное глыбе прекруглого шара", при всех предполагаемых вариациях, принадлежит одному и тому же топологическому типу. Таковыми вариантами этой фигуры, иначе говоря, гомеоморфными, являются сфера (поверхность шара), эллипсоид, куб. Эти фигуры могут быть топологически преобразованы друг в друга, например, подвергаясь деформации, быть сжимаемы в одних местах и растягиваемы в других. Для фигуры, открытой Парменидом, не имеет никакого значения диаметр и величина поверхности шара, большой шар или малый, поскольку "по определению, все топологические свойства у гомеоморфных фигур одинаковы, поэтому для топологии, изучающей только эти, самые устойчивые свойства, все гомеоморфные фигуры представляют одну и ту же фигуру, или скорее различные экземпляры одного и того же топологического образца, различные его метрические реализации"².

Одна из теорем топологии гласит: "Всякая замкнутая ориентируемая простая поверхность гомеоморфна сфере (поверхности шара)". Иначе говоря, фигура, описанная Парменидом, действительно является поверхностью шара, если имеет устойчивые свойства замкнутой ориентируемой простой поверхности.

Доказательство каждого из свойств (замкнутости, ориентируемости, простой поверхности) требует подробного изучения топологии. Поэтому ограничимся изложением основных топологических знаний применительно к интерпретации поэмы Парменида.

Поверхность данной фигуры является *простой* в топологическом смысле, поскольку любой замкнутый разрез разбивает ее поверхность. Не случайны слова о мощи Ананкэ, не позволяющей распасться "целокупности" фигуры в строках 30 и 38 фрагмента 8-го: мысленный сбор сущих создает эту фигуру; мысленное разбиение множества

сущих, например, на множество вещей естественных и множество вещей созданных человеком уничтожает Единое бытие, превращает его в два множества.

Для сравнения: по тору (его аналог - бублик) можно провести разрез по его экватору, который его не разбивает на две части³.

Парменид упоминал отсутствие пустот, разрывов между сущими в мысленном сборе всех сущих. Представим фигуру Единого бытия в образе многогранника (что топологически подобно шару). Тогда каждая его сторона (назовем ее клеткой) является выпуклым многоугольником. Стороны этих многоугольников являются ребрами. Поскольку каждое ребро этого многогранника принадлежит двум клеткам - сторонам многогранника, поверхность нашей фигуры является *замкнутой*. Поверхность также связная, так как от любой клетки можно перейти к другой, переступая всякий раз из одной клетки в смежную с ней по ребру⁴.

Поверхность фигуры Единого бытия является *ориентируемой*. Каждая грань воображаемого многогранника имеет такую ориентацию, что любые две соседние грани ориентируемы одинаково и все грани обращены к человеку, наблюдающему эту фигуру. К примеру, поверхность Мебиуса неориентируема и ее лицевая поверхность переходит в изнанку этой фигуры.

Итак, Единое бытие - топологическое пространство, образованное преобразованием множества сущих. Шар в данном случае - это знак Единого бытия. Мог ли Парменид прийти к иному выводу?

Нет, если исходить из текста поэмы и эстетических представлений древних греков. Он руководствовался чувством красоты геометрического факта и скульптурного изображения, говоря о "глыбе прекруглого шара". "Подлинный геометр наделен воображением и чувством формы, чувством красоты геометрического факта. В этом он подобен скульптору или графику"⁵.

Построить иначе - это значить, судя по фрагменту 8-му поэмы, включить и не-сущее, т.е. вещи, которые не существуют, в этот сбор, но тогда произошел бы сбор как сущих, так и не-сущих; между сущими возникли бы "пустоты", об отсутствии которых прямо говорится в поэме. Пустота для древних греков означала ничто, отсутствие сущего⁶. Наличие "пустот" ставит под вопрос бесконечную близость между точками. В итоге, не произошло бы топологического преобразования множества сущих.

Различие древнегреческого и современного западноевропейского выражено было О. Шпенглером: античность ограничена восприятием непосредственного в пространстве и настоящего во времени, что выражено в античной статуе и телесно-статуарном понимании полиса и Космоса; современная европейская (фаустовская, по его определению) культура обращена к безграничной дали в пространстве и познанию прошлого и будущего во времени. Тот же Шпенглер

заметил, что пифагорейцы выразили суть греческой культуры в целых числах и соответственно - пропорциях, дробях, а математическая функция отражает сущность фаустовской культуры⁷.

Так что Единое бытие, на наш взгляд, представлялось Пармениду в форме точеной, шаровидной скульптуры. Современному же топологу и философу есть повод задуматься над самыми устойчивыми свойствами мироздания и мышления, которые частично поставлены в известной проблеме устойчивого развития (sustainable development). Впрочем, это различие двух культур раскрывает только новые грани топологической интерпретации Единого бытия - даже непонятая мыслимая фигура оказалась поразительно необходимой для философских построений, невзирая на смену эпох и культур.

Некоторые выводы из топологического понимания Единого бытия

Комментарий Секста Эмпирика из работы "Против ученых" приближает к пониманию творческого озарения Парменида: "несущие кони" - это неосознанные порывы и влечения души к знанию, "путь божества" - умозрение, в котором теория представлена в виде божественного проводника к познанию; божественные девы, ведущие к истине автора поэмы, - ощущения, Правда - это разум⁸. Мощная Ананка (Необходимость), держащая все множество сущих вместе, может быть понимаема как творческое, образное мышление, которое собирает множество сущих.

Можно обнаружить в поэме черты чистой теоремы существования, поскольку Парменид устанавливает существование Единого бытия. "Теоремы существования не связаны с фактическим отысканием объектов, существование которых доказывается"⁹. Утверждение, что Единое бытие существует, возвело Парменида в ранг творца, и озарило его работу метафизическим ореолом. Особый оттенок математике придают именно такие теоремы: утверждение, что объект скрытно существует, возводит математика в ранг творца и озаряет его работу метафизическим ореолом¹⁰.

Парменид показал, что существует Единое бытие, но строгое доказательство выходило далеко за пределы его эпохи. Впрочем, опережение древними эллинами своей эпохи известно на примере Аристарха Самосского, высказавшего догадку о вращении Земли вокруг Солнца; Эратосфена, определившего довольно точно длину земного экватора.

Парменид утверждал, что единое бытие "бездрожно" (atremos). Будучи основателем Элейской школы, он оставил гениальную догадку, подхваченную последующими мыслителями, но не дал доказательства устойчивости Единого бытия при воспринимаемой глазом изменчивости сущих. Шарообразность Единого бытия является плодом творческого озарения, а доказательство шарообразности возможно только при

переводе его поэтической образности на язык топологии. Первым кто заметил, что топологические свойства наиболее устойчивы из всех геометрических свойств был российский математик XVIII века Л. Эйлер.

Топологический подход предполагает, что рассуждения о бытии могут быть содержательными, если изучать его отображение, т.е. фигуру шара. Соответственно, скучные и усложненные метафизические рассуждения по поводу бытия возникли благодаря проблематичности в течение многих веков существования самого шаровидного отображения Единого бытия. Не случайно Платону пришлось прибегать к изощренным мыслительным рассуждениям в своих диалогах, особенно в "Пармениде" и "Софисте", чтобы показать как единое (hen) может быть многим, т.е. множественным (polla)¹¹. В данном случае применимо положение: "Более конкретно, во многих ситуациях не только неизвестно изучаемое отображение, но и само его существование весьма проблематично, и в этих спорных ситуациях приложения теории особенностей носят, как часто говорят, характер спекуляций". Гладкие отображения - отображения гладких поверхностей на плоскость встречаются повсеместно. Сфера является одной из таких гладких поверхностей¹².

Во всяком случае, борьба философских школ после открытия Единого бытия есть пример более двух с половиной тысячелетних метафизических рассуждений, поскольку мысль о шаровидности знака Единого бытия не была подтверждена ничем, кроме интуиции автора. Не случайно, что метафизические споры начались уже внутри Элейской школы между Парменидом и Мелиссом из Самоса. Мелисс считал, что бытие беспредельно, поскольку иначе за пределом геометрической фигуры Одного бытия будет небытие, существование которого отрицалось элейцами. Парменид же настаивал на определенности и сферичности бытия, поскольку отсутствие определенности превращает бытие в "ничто"; следовательно, бытие исчезнет¹³.

Частичная разгадка в том, что Мелисс и Парменид, по мнению Аристотеля, говорили о разном: "Парменид, судя по всему, исследовал формальное [соответствующее логосу-понятию] Одно, а Мелисс - материальное, поэтому первый полагает его конечным, второй бесконечным"¹⁴. Отрывок из поэмы Мелисса "О природе, или о сущем" показывает ход его мысли об Едином бытии: "Так как, следовательно, оно не возникло, но существует, всегда существовало и всегда будет существовать, то оно не имеет начала, ни конца, но беспредельно". Иными словами, Мелисс распространял устойчивые свойства и существование фигуры Единого бытия на бесконечность мира. Парменид же понимал, что открытая им самим мыслительная фигура ограничена в пространстве как любая статуя или тело.

С точки зрения топологической фигуры Единого бытия, Мелисс не прав, считая бытие беспредельным. Эта фигура существует в мышлении и не имеют значения размер и предел, метрические величины

шароподобного Единого бытия. За пределами этой мыслимой фигуры нет необходимости находить небытие, поскольку сама эта фигура создана творческим мышлением и, на наш взгляд, является символом единства и устойчивости мироздания. Как "мыслимое место" она ограничена и сферична, как утверждал Парменид.

По сути, несмотря на жесткую полемику, различные направления древнегреческой мысли дополняли друг друга. Парменид в завершении фрагмента 8-го поэмы и в ряде других фрагментов поэмы излагает "Путь мнения", в основе которого обыденные, мифологические воззрения того времени, а также взгляд об изменчивости вещей, являвшийся основой воззрений Гераклита и его последователей. Можно согласиться с Маковельским А.О., еще в 1915 г. заметившим, что Гераклит возведал существование Логоса - всеобщего единого закона в мире, но приверженность чистому становлению мешала найти черты закономерности. Поэтому, по Маковельскому, Парменид в большей мере создатель Логоса, хотя почти не упоминает это слово¹⁵.

Переоценка ценностей?

В идеале, размышления о мироздании, его основах и устойчивости созданы для утверждения понимания человеком своего вселенского и обыденного существования, а также для понимания предела преобразовательной деятельности человеческого социума. На наш взгляд, расшифровка Единого бытия прекращает отрицание онтологии (учения о бытии), наиболее четко провозглашенное Фридрихом Ницше: конец метафизики (т.е. груза тяжелых философских конструкций) возможен, если изучим свойства Единого бытия в топологической интерпретации. Для нашего времени это актуально в связи с острыми социальными, политическими и мировоззренческими проблемами и ведет к пересмотру ряда ценностных установок.

1. *Поворот к самой жизни, т.е. новый взгляд на существование людей и царств животных, растений и минералов. Начало конца чисто рассудочно-понятийного взгляда на мироздание.* Посредством знака Единого бытия Парменид смог продвинуться к тому, что высказывал Ницше о высочайшей воле к власти: "Сообщать становлению характер бытия - это есть высочайшая воля к власти". К фикциям мира Ницше относит интерпретации мироздания, которые пронизывают сферу человеческой психологии. Превращение бытия в символ приближает его к одной из фикций разума и поэтому слова Парменида и изречение Ницше об отличии его воззрений от Парменида вполне совместимы: "Парменид сказал: "Нельзя мыслить того, чего нет"; мы находимся на другом конце и говорим: "То, что может мыслиться, должно быть непременно фикцией". Из всех живых существ только человек оказался способным охватить в символе Единого бытия все сущее. При этом, воля роднит человека со всем живым и явлениями природы, раскрывает возможность цельного

взгляда на природные и культурные феномены. Афоризм 310 из 4-й книги "Веселой науки": воля и волна знают разочарования и ненависть, имеют общую тайну в этом. Воля к власти, как показано в работе "Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей" раскрывает себя не только в отношениях повиновения и подчинения, поскольку является полифункционалом, включающим инстинкт продолжения рода, жизнь всего живого в их стремлении к максимальному могуществу, доминированию, господству и чувству власти. По Ницше, "...вся движущая сила есть воля к власти, что, кроме нее, нет никакой физической, динамической или психической силы". Немецкий философ Е. Финк в работе "Философия Ницше", опубликованной в Штутгарте в 1960г., отметил, что по Ницше есть "бесконечный спор квантов воли к власти в их борьбе за власть, превосходство"¹⁶. Кстати, цельность и неразделение феноменов на природные и культурные присущи единому бытию. Следует заметить, что воля к власти не означает психологизацию всего сущего, поскольку Ницше неоднократно высказывался против переноса воли из психологии на уровень мысли о мироздании.

2. *Эстетичность восприятия мироздания.* Чувство красоты мыслительных построений, гармония, пропорциональность, выразительность природных явлений сопровождаются движениями и переливами душевных настроений, которые лучше всего выражает музыка. Ницшевское понимание воли неотрывно от восприятия музыки как эстетического феномена, дополняющего волю: "...музыка по сущности своей ни в коем случае не может быть волей...; поскольку воля есть нечто неэстетическое по существу; но музыка является - как воля"¹⁷.

3. *Бытие является не понятием, а символом.* Неизменность, неподвижность Единого бытия - это неизменчивость мыслимого людьми символа, а не существующих вещей и людей. Таким образом, Единое бытие не есть единое сущее. В этом случае Парменид мог бы подписаться под словами Ницше: "Все непреходящее есть только символ!"¹⁸.

Если считать шарообразное Единое бытие символом, то Ницше в отрицании субстанции, материи и прочих философских (т.е. метафизических) понятий мог бы согласиться с утверждением Парменида:

*"Ибо нет и не будет другого
Сверх бытия ничего..."* (фрагмент 8, строки 36-37)

По замечанию Симпликия, парменидово Единое бытие порождено мышлением, которое еще ведает миф: "И если он (Парменид) говорит, что единое сущее "подобно цельной массе хорошо закругленного шара", то не удивляйся: из-за поэтической формы он отдает дань и мифотворческому вымыслу. Чем отличается этот способ выражения от выражения Орфея "серебристое яйцо" (также символически обозначающее единое сущее)?"¹⁹.

Архаичное сознание не различало, что есть множество сущих, и есть символ Одного бытия. Вполне понятна критика Парменидом сторонников Гераклита, как "двухголовых", отрицавших единое бытие и стремившихся сделать Единое множественным. Уместно замечание российского исследователя В.В. Савчука насчет особенностей архаичного сознания: "Обобщенный образ его таков: оно не различает единое и многое, целое и часть, пассивное и активное, естественное и сверхъестественное, слово и вещь, внутреннюю и внешнюю природу; оно амбивалентно (одно и то же называется многими именами, предмет обладает прямо противоположными свойствами)"²⁰.

Действительно, дискуссии древних, в том числе, Парменида и Гераклита, Парменида и Мелисса, показывают, что свойства Единого бытия смешивались со свойствами множества сущих, либо противопоставлялись им. На деле же, первое (Единое бытие) устойчиво и неизменно, а вторые находятся в непрерывном изменении. Единое бытие является целым, единым, неизменным, принадлежит к скрытой сущности мироздания; сущих (вещей, процессов, явлений) неопределенное множество, они находятся в процессе непрерывного становления новых сущих. Наряду с этим, каждое сущее не есть часть фигуры Единого бытия, поскольку последнее представляет собой не просто множество сущих, а итог их топологического преобразования.

4. *Воля к власти и Единое бытие - символы взаимодополняющие друг друга.* Воля к власти и Единое бытие взаимно дополняют друг друга: первое обращено к изменчивости вещей и богатству эмоционально-волевой сферы, второе - придает ясность и устойчивость устремлениям воли и мысли.

Единит Парменида и Ницше также онтологический статус символов и ритуалов, если учесть ницшевское стремление минимумом знаков выразить максимум содержания. В этой связи уместно мнение английского антрополога XX века Виктора Тэрнера о том, что ритуал и его символика не просто связаны с социальными и психологическими процессами, а обладают онтологической ценностью, "расшифровка ритуальных форм и раскрытие происхождения символических действий, может быть, более полезны для нашего культурного роста, чем до сих пор предполагали"²¹. Подобная онтологичность близка взглядам Ницше, который стремился наполнить миропонимание полнотой эмоциональной жизни, возродить полноту мироощущения свойственную древнему мифу и эпосу.

5. *Различение истины и мнений. Единство природных и культурных феноменов.* Воля к власти имеет глобальный и локальные смыслы. Парменид определил истинность мысли, неотрывную от фигуры бытия, а все остальные рассуждения отнесены к области мнения (по-гречески - доха (докса)). Иными словами, во-первых, истинное соотносится со знанием самых устойчивых свойств мироздания. Во-вторых, Единое бытие объемлет все множество сущих, так же как и ницшевская воля к власти, не противопоставляя природные и культурные феномены. В-

третьих, истина, о которой гласит текст Парменида (см. строку 51 фрагмента 8-го поэмы), голографична. Голографичность состоит в том, что целостность, неразрывность Единого бытия наличествует и воспроизводится и в горстке песка, и в глотке воды, т.е. "Все во всем, всегда и везде". На судьбе одного из многих сущих - Аральского моря, видно к чему ведет разбиение порознь природных и культурных феноменов и пренебрежение со стороны цивилизации устойчивыми свойствами природных систем. В глобальном и локальных масштабах, вместо принятия во внимание самых устойчивых свойств всего сущего, современная культура оперирует расчетами ученых и инженеров, основанными в лучшем случае на формулах и теоремах дифференцируемых функций. Подробную классификацию геометрических свойств разработал немецкий математик Феликс Клейн. Наименее устойчивы метрические свойства, далее по степени возрастания устойчивости - проективные свойства (например, фотографирование местности с самолета есть проецирование местности на карту, т.е. с плоскости на другую плоскость); свойства, изучаемые аналитической геометрией; дифференциальные свойства, известные по непрерывно дифференцируемым функциям; и, наконец, топологические свойства²².

Невосполнимость природных ресурсов понимается в лучшем случае мыслью, но не воспринимается всей душой личности. По сути, математика количеств основана на сложении, на представлении о возрастании количественных единиц, что свойственно машине. Живым организмам присуще, однако, не бесконечное возрастание, а, если говорить, о живой клетке внутреннее расщепление, например, на две клетки. В свое время Рудольф Штайнер диагностировал подмену: "Современная наука, стремясь подчинить себе природные явления с помощью математики, изолированной от человека и внутренне уже не переживаемой, способна в своем обособленном математическом созерцании и со своими оторванными от человека понятиями рассматривать только мертвое; с отторжением математики от живого ее можно применять лишь к мертвому"²³.

6. Переоценка ценностей: крах метафизики, путь к Сверхчеловеку. Утверждение Парменида, что "нет и не будет кроме бытия ничего" и незыблемость мироздания. Это утверждение подрывает идею сотворенности мира: к чему творец мироздания, если, не смотря на изменчивость сущих, были, есть и будут самые устойчивые свойства мира. Мысль и воля, таким образом, приближают гибель идеи о существовании бога²⁴.

Сверхчеловек в понимании Ницше обращен к преодолению человеческой ограниченности, освобождению от Духа Тяжести - в выходе из усложненных и путаных метафизических конструкций. "Туда, где всякое становление казалось мне божественным танцем и дерзким весельем, а мир - разрешенным от уз и свободным,

стремящимся снова и снова к себе самому"²⁵. Великий Полдень - это время желаемой и предвосхищаемой Ницше переоценки ценностей. Суть этой великой переоценки - поворот к самому миру изменчивых сущих в их красочности, а неподвижное единое бытие - это только символ устойчивости мироздания.

Для этого поворота к великолепию природы и культуры, человечеству предстоит выйти из громоздкой сети понятий, видящих причинность, следствие, закон в возникновении мироздания. В этом Ницше полагает выход из диктата понятий и ограниченности Добра и Зла. Не случайно Ницше вкладывает преодоление морали, основанной на различении Добра и Зла, в уста Заратустры, который почти три тысячи лет назад открыл эту противоположность двух начал мироздания. Мир существует вечно, сущие изменчивы - этот взгляд не требует привлечения идеи о добром Боге - Творце и злых его противниках. Таковое представление Ницше, впрочем, согласуется с топологической интерпретацией идеи Парменида об устойчивом Едином бытии.

С другой стороны, стереотипные оценки с позиции Добра и Зла являются инструментом манипулирования людьми. Политики, моралисты, религиозные деятели апеллируют к борьбе за Добро, маскируя свои собственные и групповые интересы. Все они находятся "по эту сторону Добра и Зла", в плену ограниченности этими метафизическими категориями. Ницшевский призыв к переходу "по ту сторону Добра и Зла" основан на глубине мысли и тоске по истинному бытию, на созидании подлинных ценностей и нравственности поступков, а не рассуждений²⁶.

7. Утверждение новой вечности - вечности символа Единого бытия. В шаровидной фигуре единого бытия исчезает противопоставление высшего и низшего, горнего и дольного; между небом, символизирующим мир идей (Бог, Благо) и "земным миром". Кстати, Ницше заявляет о любви к Вечности, хотя не упоминает вечности бытия.

Голографичность неотрывна от цикличности, поскольку сущие в своей изменчивости возвращаются на круги своя. Ницшевское Вечное возвращение сродни возвращению времен года, круговороту в природе²⁷. Само же обращение к мысли древних, разгадка существования символа Вечности, на роль которого лучше всего подходит парменидовское Единое бытие, есть пример подобной цикличности и возвращения.

Символ Единого бытия существует и порожден человеческим мышлением. Образно говоря, смену философских школ можно представить как исчерпанность одних вопросов и искание новых ответов.

Не случайно Ницше широко использует метафору танца: становление сущих сравнивается с божественным танцем, умение мыслить - с танцем не только ногами, но и головой²⁸.

Диалог как необходимое условие устойчивого развития

Европейское мышление обращается и находится в диалоге со знаком Единого бытия, изучая устойчивые свойства вещей и процессов. Наряду с этим, диалог идет и с множеством сущих, сбор которых в мысли и создал единое бытие. Непонимание, а впоследствии, забвение фигуры Единого бытия открыли простор метафизике, против которой так страстно выступил Ницше. Незнание существования сферического отображения Единого бытия не прекратило этот диалог, который стал нагружен излишними для понимания устойчивости мироздания категориями Творца, Материи, Бога и поэтому неизбежными рассуждениями о первопричине, первотолчке и происхождении мира. При всем этом, вследствие незнания и невнимания к устойчивым свойствам мироздания человек оказался способным разрушать собственную среду обитания.

Человек и все живое не выживут вне имеющихся устойчивых свойств мира, само же существование бытия открыто человеком - в этом взаимопринадлежность бытия и человека. Диалог и взаимопринадлежность человека и бытия можно представить как танцы балетного ансамбля. По ходу постановки, то одни, то другие солисты выходят на сцену: кордебалет - это множество изменчивых сущих, солисты - это выдвигающиеся философские вопросы; постановщики - это мыслители, в мере своего мастерства умеющие минимумом знаков выразить максимум содержания. Ансамбль, таким образом, символизирует искусное владение богатством человечества и смену философских школ. Лучшими постановщиками этого великого диалога в европейской культуре являются, на наш взгляд, Парменид и Ницше. Два кажущихся антагониста находят немало точек соприкосновения в поиске истины.

Одинок ли человек, открывший свою обреченность быть в диалоге с одним и тем же Единым бытием? Нет, так как Единое бытие лишь символ и поскольку человек - "символическое животное", по Кассиреру, оперирует множеством символов, и человека окружают мириады и мириады сущих.

Вопрос об устойчивости культур

В фигуре Единого бытия топологическому преобразованию подверглось множество феноменов как природного, так и культурного характера. Устойчивость природы и устойчивость культуры - это две стороны равно значащие с точки зрения этого символического "мыслимого места". Например, древнеегипетская культура словно остановила течение времен, увековечив живых после смерти в мумиях и тысячелетних пирамидах. Сама же древнеегипетская культура не дожила до современности. Только три культуры всемирно-исторического значения, возникшие в древности - европейская, индийская, китайская показали устойчивость в течение тысячелетий,

не смотря на все смены эпох. При этом, греческая культура заложила основания всей европейской культуры, а древние очаги культуры в Индии и Китае стали основой для цивилизации этих стран.

Всем этим культурам характерна высокая способность адаптировать инокультурные влияния. В частности, когда-то Западная Европа усваивала достижения арабской цивилизации. Индийская культура без утраты своей идентичности усвоила новации, привносимые завоевателями, в том числе и Британией. Ныне распространена точка зрения, что "Китай процеживает, а затем поглощает западные теории, подходя к ним очень избирательно..." Специалистами отмечается цельность культуры Китая. "Важнейшей же составляющей целостного мировосприятия и действия выступает понятие "принципа" (ли). В традиционном Китае, как указывают некоторые востоковеды, "теория и практика управления государством, политика, экономика, военное дело базировались на тех же принципах, что и живопись, стихосложение"²⁹.

Следует отметить, что устойчивость этих неевропейских культур сопровождается отсутствием у них открытий некоего аналога Единого бытия. Все эти три великие культуры неповторимы и трудно выразимы в символах и ценностях другой культуры.

Аксиомы отделимости позволяют выразить существенное различие основополагающих символов этих культур на языке топологии. Во-первых, это выход такого основополагающего символа культуры из рамок как чисто математического, так и философского применения. Во-вторых, это наложение на топологическое пространство ряда условий, чтобы показать как в разных культурах видимые глазом одни и те же множества сущих представляются в различных, непохожих и отделимых друг от друга основополагающих символах культуры.

И грек, и древний индеец, и китаец видели одни и те же звезды, планеты, жили в окружении множества вещей. В поисках общей закономерности мироздания мыслители соединяли воедино множество сущих. Почему же у китайцев и индийцев не было своего Парменида, хотя взгляд Лао Цзы об изменчивости всего сущего и наличии Дао (единого всеобщего закона) близок к воззрениям Гераклита?

Положение о близости точек в этом сборе множества сущих позволяет выяснить применимость различных аксиом отделимости:

1. Как показано, на примере Единого бытия, все точки в множестве сущих бесконечно близки, т.е. имеют общее замыкание. То есть неприменима аксиома T_0 , которая определяет пространства А. Н. Колмогорова. Эта аксиома утверждает, что две различные точки не имеют общего, одного и того же замыкания.

2. Как уже сказано, в мысленном сборе сущих есть только бесконечная близость, ненужность метрических расстояний и, следовательно, расстояние между сущими близко к нулю, то есть ρ стремится к 0.

Иначе говоря, ρ стремится к бесконечно малой величине. Последняя же меньше числа ε , условно принятого как равное 0,01 сантиметров. В поэме Парменида говорится об отсутствии пустот между сущими. Это условие соблюдается. Все же все точки в сборе множества сущих имеют некоторое малое расстояние, отделяющее их от другой соседней точки. Другими словами, все точки имеют собственные окрестности. (Окрестность точки - совокупность точек фигуры, расстояние которых от этой точки меньше определенного положительного числа, т.е. радиуса окрестности. Это положительное число бесконечно близко к нулю, и добавим, меньше ε . В этом определении непрерывности точек).

Таким образом, применима аксиома T_1 - для любых двух точек существует окрестность каждой из них, не содержащая другой точки. Каждая точка замкнута. Забегая несколько вперед, следует сказать, что эта аксиома о замкнутости каждой точки присуща всем трем великим культурам.

3. Аксиома T_2 - для любых двух точек существуют их непересекающие окрестности.

Диалог с бытием предполагает, что человек как одно из сущих ("точек") принадлежит этому множеству сущих; с другой стороны, только человек ("точка" в топологическом смысле) способен проявить свою волю к власти и охватить все множество сущих или его часть в символе. Символ Единого бытия построен мыслителем и как "мыслимое место" принадлежит его мышлению. Эта аксиома может быть приложима только к возможности/невозможности пересечения мышления мыслителей. В Европе, начиная с древней Эллады, целостные онтологические построения мыслителей охватывали как природные и культурные феномены. Парменид был тем человеком, который, говоря языком топологии, первый распырил "окрестности" своего мышления посредством топологического преобразования всего множества сущих. В Китае же проявилось, начиная с Лао Цзы и Конфуция, разделение множества сущих: Лао Цзы говорил прежде всего о природном, естественном; Конфуций - о морали и социально-политическом устройстве. Эти две великие личности и были теми "любимыми точками" выразившими существенную сторону китайского мышления. Так что данная аксиома относима прежде всего к Китаю.

4. Аксиома T_3 - для любого замкнутого множества и не содержащейся в нем точки существуют их непересекающие окрестности. По существу, эта аксиома есть продолжение предыдущей: природные феномены оказываются отдельным замкнутым множеством, которые в топологическом смысле непересекаются с социально-политическими явлениями. Соответственно, взгляды Конфуция развивались параллельно с воззрениями Лао Цзы.

Мысленное разбиение множества сущих на два множества не сделало возможным появление в Китае символа Единого бытия - замкнутой ориентируемой простой поверхности, поскольку, как было

сказано в параграфе "Что означает "смыкание сущего с сущим" " , это разбиение на два множества уничтожает целостность шарообразной фигуры Единого бытия.

Традиционной китайской культуре свойственна иная топологическая характеристика: наличие *регулярного* топологического пространства как основополагающего символа устойчивости-жизнестойкости. Регулярное пространство удовлетворяет аксиомам

$$T_1 + T_3;$$

$$T_3 + T_1 = T_2 + T_1.$$

Отделимость пространств начинается с отделимости точек. Знак сложения здесь выражает применимость этих двух аксиом отделимости и наличие свойств, выражаемых двумя различными аксиомами. Знак равенства - равнопредставленность свойств, выражаемых аксиомами.

5. Аксиома $T_{3^{1/2}}$ - для любого замкнутого множества и точки вне его существует непрерывная числовая функция, равная нулю на множестве и единице в точке. Возникшее в древней Индии среди прочих мнений учение о понятии Ничто и представление о мире изменчивых сущих как иллюзии-мая, топологически выражает эта аксиома. Мир природных вещей и феноменов обращается в нуль, а человеческое существование - это едва ли не единственный объект для мышления - таково содержание йог, буддизма.

Индийская культура не идентична китайской и европейской культуре. Также как Китай, Индия с древности не ведала диктат одного-единственного онтологического построения, правда, индийские мыслители большое место уделяли проблемам психологии, психофизиологии, а не социально-политического устройства. Своеобразие Индии отражает определение вполне *регулярного пространства*:

$$T_1 + T_3;$$

$$T_{3^{1/2}} + T_1 \neq T_3 + T_1;$$

Знак неравенства выражает, что индийская культура отличается от китайской: в индийской традиции тоже представлена аксиома T_3 , относящаяся к разделению природного и социокультурного (человеческого) в онтологических рассуждениях, но индийская традиция не идентична китайской. Более того, отсутствует аксиома T_2 , гласящая о невозможности устойчивого сочетания в культурной традиции мышления о природе и морали и политике в трудах одной и той же школы.

6. Аксиома T_4 - для любых двух замкнутых непересекающихся множеств существуют их непересекающиеся окрестности. Для древнего китайского мышления вполне естественным представлялся поиск принципа, находящегося в основе всего сущего, хотя мыслительные построения обращались либо к природным феноменам, либо к социальным закономерностям. Европейское мышление

функционирует на ином принципе: для движения планет и роста деревьев существуют различные закономерности, а для мышления эти множества, которые есть часть совокупности всего множества сущих непересекаются и изучаются различными дисциплинами. Поэтому эта аксиома лучше всего отражает особенность европейского мышления.

Впрочем, дифференциация наук была имплицитно заложена уже в символе Единого бытия, поскольку свойство сферы (поверхности шара) как одной из простых топологических поверхностей предполагает в нашем случае возможность теоретического изучения устойчивых свойств существующих вещей, процессов, явлений без разбиения единства мироздания, на основе наличия отделимых, непересекающихся множеств сущих (планет, деревья и т.п.).

Устойчивость европейской культуры находит определение в так называемом нормальном пространстве. Оно удовлетворяет следующим аксиомам

$$\begin{aligned}T_4 + T_1 \\T_4 + T_1 \neq T_3 + T_1; \\T_4 + T_1 \neq T_3^{1/2} + T_1.\end{aligned}$$

Как видно, эти неравенства указывают на несовпадение с существенными, устойчивыми свойствами, соответственно, китайской и индийской культур. Кстати, в правой части этих неравенств отражены ключевые аксиомы, отличающие особые черты китайской и индийской культурной традиций, но не присущие европейскому мышлению.

Три великие цивилизации характеризуются в топологии терминами "нормального пространства" (европейская культура), "регулярного пространства" (китайская культура) и "вполне регулярного пространства" (индийская культура). "Топология - одна из самых новых ветвей науки геометрии - имеет, безусловно, великое будущее", отметили еще 30 лет назад видные советские математики Б. Делоне и В. Ефремович³⁰.

Символ Единого бытия в различные эпохи представляется вариацией этого "нормального пространства". Этот основополагающий символ европейской культуры латентен. Как же совместить выраженное О. Шпенглером различие античной, греческой культуры, основанной на понимании числа как величин, относящихся к физическим телам и статуям, с фаустовской культурой (Западная Европа с X в.), в которой число как математическая функция, отношение в бесконечном духовном пространстве отражает сущность фаустовской культуры³¹.

Понятие "нормального топологического пространства" раскрывает особенность преемственности в европейской цивилизации. Согласно лемме советского математика П. Урысона, доказанной в 1924 г. (кстати, аксиомы отделимости были открыты в 20-30-х гг. XX в.), между

двумя непересекающимися замкнутыми множествами А и В нормального пространства X существует действительная и непрерывная во всех точках этого пространства функция f, принимающая во всех точках множества А значение 0, во всех точках множества В значение 1, и удовлетворяющая во всех точках, где x принадлежит X, неравенству $0 \leq f(x) \leq 1$. По существу, античности характерно преимущественное внимание к феноменам телесным и скульптурно-пластическим, т.е. это понимание в наибольшей степени отразилось в науке, искусстве древней Эллады. Наоборот, истязания плоти и акцентированное внимание к душе было в средневековой Европе, т.е. духовным феноменам (прежде всего Богу) было придано, говоря языком топологии, значение близкое к 1. Иначе, в общении с латентно существующим символом Единого бытия, на первый план выступают то одни, то другие составляющие бесконечно богатой совокупности множества сущих. Впрочем, пока что рано говорить о равноправном диалоге с единым бытием, поскольку на практике человечество не отказалось от замыслов подчинить природу.

Итак, в чем величие открытия Парменида для современного термина "устойчивое развитие"? Во-первых, на наш взгляд, открытое им Единое бытие есть символ, а не самое первое и абстрактное философское понятие. Бытие как символ позволяет избежать отождествления его с множеством сущих, топологическое преобразование последних и создало этот символ. Тем самым, бытие приобретает статус мыслительной конструкции, применение которой сделало возможным последующее познание устойчивых свойств изменчивых вещей. Во-вторых, забвение Единого бытия, пусть даже при частом употреблении слов, производных от бытия (общественное бытие, бытие природы, человека и т.п.) грозит забвением устойчивых свойств мироздания и катастрофами локального и планетарного масштаба. В-третьих, тождество мысли и множества сущих (о которых мыслим) находится именно в шароподобном символе - Едином бытии. Единственность Единого бытия не тяготит, поскольку мы как одно из сущих причастны к нему и способны воспринимать все богатство впечатлений окружающего мира: человеку открыты впечатления от общения с людьми, и восприятие природы и достоинства культуры.

Переход к устойчивому развитию нереален без переоценки ценностей. Действительная переоценка ценностей, к чему страстно стремился Ницше, невозможна без осмысления открытия Парменида. На наш взгляд, топологическая интерпретация Единого бытия показывает, что подходы обоих великих мыслителей взаимно дополняют друг друга.

³⁰ Фрагменты ранних греческих философов. Ч.I. -М.: Наука, 1989. С. 295-297.

³¹ Делоне В., Ефремович В. Что такое топология? // Наука и жизнь.-1970. №8. С. 12-13.

- ³ Более подробно о свойствах замкнутости, ориентируемости и простых поверхностях см.: Энциклопедия элементарной математики. Кн. 5. М., 1966. С. 476-508; Делоне Б., Ефремович В. Что такое топология? // Наука и жизнь. 1970. №8. С. 12-21.
- ⁴ Делоне Б., Ефремович В. Что такое топология? // Наука и жизнь. 1970. №8. С. 10.
- ⁵ Александров А. Покорение вершин творчества // Наука и жизнь. 1970. №8. С. 10.
- ⁶ Это понимание пустоты видно из фрагментов древнегреческих мыслителей см.: Маковельский А.О. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности в свете новейших исследований. - Казань, изд. книж. маг-на М.А. Голубева, 1915. Ч. II. 242 с. (109).
- ⁷ Шпенглер О. Закат Европы. - Новосибирск: ВО "Наука". Сиб. Изд. Фирма, 1993. 592 с. (118, 134, 343, 412, 418, 531).
- ⁸ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. - М.: Наука, 1989. С. 286.
- ⁹ Зайцев В.В., Рыжков В.В., Сканави М.И. Элементарная математика. М.: Наука, 1974. 592 с. ил. (21).
- ¹⁰ Штейнгауз Гуго. Что такое математический метод? // Наука и жизнь. 1974. №10. С. 51-55.
- ¹¹ Перевод Мартином Хайдеггером выражения Парменида о тождестве мышления и бытия см.: Хайдеггер М. Закон тождества // Разговор на проселочной дороге: Сб.: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Доброхотова. - М: Высш. шк., 1991. С. 71; Подробно сложные раздумья Платона отражены в упомянутых его работах и диалогах "Филеб", "Тимей", "Государство". См.: Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. - М.: МГУ, 1986. 247с. (56-62).
- ¹² Более подробно см.: Арнольд В. Теория катастроф // Наука и жизнь. 1989. №10. С. 18.
- ¹³ Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. - М.: МГУ, 1986. С. 10-11.
- ¹⁴ Фрагменты ранних греческих философов. С. 279.
- ¹⁵ Маковельский А.О. Ч. II. С.103, 111 и С. VII.
- ¹⁶ Ницше Ф. Веселая наука // Соч. в 2-х т. Т. I. - М.: Мысль, 1990. С. 491-720 (642-643); Изречения Ницше о становлении, воле к власти и Пармениде см.: Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: "REFL-book", 1994. 352 с. (288, 276, 249, 327, 329); О работе Е. Финка см.: Одуев С.Ф. Тропами Заратустры (влияние ницшеизма на немецкую буржуазную философию). М.: Мысль, 1976. 480 с. (309).
- ¹⁷ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки, или аллилуйя и пессимизм // Соч. в 2-х т. Т. I. М.: Мысль, 1990. С. 47-158 (78).
- ¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Философская поэма. - Алма-Ата, Жазушы: Интербук, 1991. 304 с. (111).
- ¹⁹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989. С. 277.
- ²⁰ Савчук В.В. Новации и архаические элементы сознания // Философские науки. М., 1991. №10. С. 21-33 (27).
- ²¹ Савчук В.В. Новации и архаические элементы сознания // Философские науки. М., 1991. №10. С. 21-33 (30).
- ²² Делоне Б., Ефремович В. Что такое топология? // Наука и жизнь. 1970. №8. С. 12.
- ²³ Свасьян К.А. Судьбы математики в истории познания Нового времени // Вопросы философии. 1989. №12. С. 41-54 (48-49).
- ²⁴ "Бог умер", утверждал Ницше. См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Философская поэма. - Алма-Ата, Жазушы: Интербук, 1991. 304 с. (233).
- ²⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 127, 152, 175.
- ²⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 118, 189.
- ²⁷ Для сравнения см.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 205, 285.
- ²⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 175, 187.
- ²⁹ Салицкий А.И., Фисюков В.И. Китай и кризисы 90-х годов. - М.: Московский общественный научный фонд; ООО "Издательский центр научных и учебных программ". 1999. 108 с. (17, 18).
- ³⁰ Делоне Б., Ефремович В. Что такое топология? // Наука и жизнь. 1970. №8. С. 21; понятия об окрестности точки, об аксиомах отделимости топологических пространств, о видах топологических пространств, лемме П.С. Урысона см.: Энциклопедия элементарной математики. Кн. 5. М., 1966. С. 476-508; "Энциклопедический словарь юного математика". М., С. 289, 291-295; др. математические энциклопедические издания.
- ³¹ Шпенглер О. Закат Европы. - Новосибирск: ВО "Наука". Сиб. Изд. фирма. 1993. 592 с. (118, 134, 343, 412, 418, 531).

РЕЦЕНЗИИ

ИСЛАМ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Опыт расширенной рецензии на книгу: *Islam Outside the Arab World*. Ed. By D. Westerlund and I. Svanberg. - Richmond: Curzon Press, 1999. - XII + 488 pp.

Поводом для создания данной коллективной монографии "Ислам за пределами арабского мира", как отмечают редакторы, известные шведские востоковеды Д.Вестерлунд и И.Сванберг, стало сообщение в ежедневной газете Аляски "Анкоредж дэйли ньюс" о том, что в Анкоредже открылось уже три исламских центра. Таким образом, считают авторы, ислам уже давно перешагнул не только границы арабского мира, но и пределы своего традиционного исторического распространения, т.е. Азию и Африку. В настоящее время ислам широко представлен в таких точках земного шара как Рио-де-Жанейро, Стокгольм, Кейптаун и, как мы видим, с недавних пор - Анкоредж. Но подлинной причиной создания книги послужил тот факт, что неарабский ислам давно стал внушительной и самостоятельно силой. Шесть наиболее крупнейших мусульманских государств - Индонезия, Пакистан, Индия, Бангладеш, Турция и Иран - не являются арабскими странами.

Актуальность данной книги, на наш взгляд, не вызывает сомнений, поскольку в последние десятилетия, начиная с исламской революции в Иране, одним из главных актеров на международной арене стал политизированный ислам. События 1990-х гг. только прибавили интерес к исламу как к новому фактору "столкновения цивилизаций" и единственному достойному противнику Запада, говоря языком С.Хантингтона, или новому игроку на "евразийской шахматной доске", обращаясь к лексике З.Бжезинского. Однако авторы книги ставили перед собой в качестве основной цели показать культурные и исторические особенности возникновения и современного существования мусульманских общин вне арабского мира, которые по своей численности давно превзошли население арабского ареала ислама. Это означает, считают авторы, что ислам уже не является арабским или азиатско-африканским феноменом, а общемировым.

По оценкам авторов, численность мусульман на земле в настоящее время достигает около 1 млрд. чел., в то время как население арабских стран - 175 млн. чел., (из них 10% - немусульмане). При этом население неарабских мусульманских государств прирастает быстрее, чем в арабском мире. Это говорит о том, что ислам уже не может считаться, как это было ранее, исключительно частью культурного арабского наследия; арабская составляющая его цивилизационного начала все более сокращается, несмотря на сохранение за арабским языком функции языка Корана.

Исторический контекст

В вводной части к книге авторы дают краткий, но выразительный исторический обзор, посвященный возникновению и распространению ислама, его правовой и законодательной основе, теологии и суфизму, суннизму и шиизму, географическим пределам экспансии исламских государств в средние века, культурному вкладу исламского мира, социальному и правовому положению женщин в мусульманском мире, попыткам реформировать и модернизировать ислам, а также региональным особенностям исламских государств.

Авторы подробно останавливаются на доктринальной особенности ислама, которая в корне отличает его от других родственных монотеистических религий и которая заключается в том, что в нем отсутствует идея о Конце и первородном грехе. Ислам по своей сути, т.е. концепции Бога (Аллаха), является оптимистичной религией, утверждающей, что человек есть лучшее создание Творца. Зло, в конце концов, будет уничтожено, а пока оно существует, разум должен контролировать желания. Ислам

призывает жить в гармонии с природой, являющейся творением Бога, всемогущего и мудрого. Таким образом, идея единого и уникального божества, пронизывающая ислам и не делающая различия между духовным и недуховным, между религией и политикой, между душой и телом, в идеале предлагает своим последователям превратить всю свою жизнь в служение и поклонение Богу. Это концептуальное положение ислама представляется очень важным в связи с ростом религиозного фанатизма и т.н. исламского фундаментализма, а также появлением многочисленных мюридов - борцов за веру в конфликтных точках Ближнего и Среднего Востока, на Балканах и в Кавказском-Центральноазиатском регионе.

Юридической базой ислама является шариа - свод правил и законов, базирующихся на Коране и Сунне. В дальнейшем принципы аналогии и консенсуса в трактовке законоположений ислама различными школами привели к появлению иджтихада - интерпретаций, позволявших более гибко трактовать основные положения ислама. Наиболее распространенными кораническими школами являются появившиеся в конце 8 - начале 9 вв. школа Малики (Северная и Западная Африка), ханафийская школа (Турция, Центральная Азия и Индия), школа аль-шафии (Египет). Между этими тремя школами различия незначительны. Особняком от них стоит школа Ханбал, доминирующая на Арабском полуострове. В юридической системе ислама большое место занимает понятие умма, которое подразумевает сообщество верующих. Умма не является структурированной организацией и может подразумевать мусульманские общины от уровня одного поселения до всемирного масштаба. С точки зрения наследования изначальное исламское право не позволяло отдельным индивидуумам аккумулировать в своих руках ваффа, или вакуфа, т.е. религиозной собственности, которая в дальнейшем эволюционировала в разные формы государственного, феодального и частного землевладения.

Теология ислама позволяла трактовать понятия мусульман и немусульман в различные эпохи самым широким образом, зачастую - парадоксальным с точки зрения европейской теологии. Центральным пунктом исламской теологии является взаимоотношение ислама с другими религиями. Наиболее важным с этой точки зрения является положение о том, что среди последователей других религий могут быть люди, "живущие по исламу". Далее, иудеев и христиан ислам рассматривает как "людей книги", т.е. подчеркивается близкий характер этих вероучений, а последователи этих религий имеют право на защиту и покровительство со стороны мусульман и государств ислама. Ислам в исторической перспективе даже допускал в эту категорию народы, имевшие другие традиции святых книг, невосходящие к библейской, как, например зороастризм. Однако учения, апеллировавшие к Корану, но отколовшиеся от основной традиции, жестоко преследовались - бахаиты в Иране и ахмадийя в Южной Азии. Таким образом, ислам в отличие от христианства, не знает понятия баптизма, протестантизма или какой-либо формы сектантства на уровне доктрины.

Однако логика исторического развития и неизбежной борьбы за власть среди преемников Мухаммеда привело к появлению двух основных направлений в исламе - суннизма и шиизма. Авторы достаточно подробно освещают историю возникновения этих соперничающих между собой течений, а вкратце суть различий между ними состоит в том, что сунниты признают пророком исключительно Мухаммеда, руководством в исполнении веры его сунну, а его преемниками - халифов, восходящих к Абу Бакру и Умару. Шииты рассматривают в качестве своих духовных лидеров имамов, первым среди которых был Али, зять Мухаммеда, а затем его сыновья - Хасан и Хусейн. Шииты находятся в ожидании нового мессии - махди, а до его прихода роль духовных лидеров играют имамы. Аятолла Хомейни, возглавивший исламскую революцию в Иране в 1979 г., также носил титул имама.

В свою очередь от шиитов раскололись на две группы: заидиты и исмаилиты. Первые после смерти сына Хусейна основали в Йемене государство, просуществовавшее до 1963 г. После смерти шестого имама Джафар аль-Садику в 765 г. последователи его

старшего сына Исмаила основали течение исмаилитов, которое в настоящее время возглавляется живущим в Швейцарии Ага-ханом. Это течение представлено в первую очередь жителями Горного Бадахшана в Таджикистане. С теологической точки зрения шиитские представления о человеке более мрачные; большую роль шиизм отдает духовным лидерам, которым предстоит вывести своих последователей из мрака греховности и незнания, но эсхатология шиизма обещает надежды на грядущее светлое будущее.

Решающую роль в распространении ислама сыграла военная экспансия. Последователи Мухаммеда несли его учение до Пуатье во Франции, где они были остановлены Карлом Мартеллом, на западе и до Малайзии на востоке, где предел их экспансии был положен Тихим Океаном. Выдающуюся роль в истории ислама сыграли тюркские народы, с помощью которых он утвердился на огромных пространствах Евразии от Балкан до Северной Индии. Турецкие султаны были халифами вплоть до 1920-х гг., пока в Турции не была учреждена светская республика. Через Северную Африку ислам проник южнее Сахары и стал распространяться в Черной Африке. Авторы отмечают, что эпоха европейского колониализма парадоксальным образом способствовала распространению ислама: в Африке как организующей силы сопротивления, а в Новом Свете - через работоторговлю, как религии, которую принесли с собой завезенные с черного континента рабы.

Суфизм

Отдельный раздел книги посвящен феномену суфизма, который авторы считают обязанным происхождением неарабскому пространству исламского мира, но в то же время, вполне справедливо замечая, что уже в ранних посланиях Мухаммеда содержался существенный элемент мистицизма. Суфизм, по мнению авторов, являлся реакцией на роскошь и праздность мусульманских властителей после Мухаммеда. Этимология термина суфизм восходит к слову суф (простая шерстяная накидка, призванная символизировать аскетизм суфиев), что заставляет провести параллели с монашеством в христианстве. Также большое значение в суфизме играют таваккул (полное доверие к Богу) и дхикр (помяновение имени Бога и пассажей из Корана), при которых практикующий впадал в транс. Неотъемлемыми элементами суфийских сеансов были музыка и танцы. На начальной стадии развития суфии могли организовывать свои медитации где угодно, даже в мечетях.

Впервые противоречия между суфизмом и официальным исламом усилились в 9-ом веке. Суфии стремились установить повсюду свои структуры в виде монастырей, которые со временем начинали оказывать существенное политическое, экономическое и финансовое влияние на окружающий мир. Суфии включили в свою учение основное положение шиизма о спасителе (махди). Активная пропаганда суфийских шейхов, которые перебирались из города в город и из страны в страну, эклектически включала в себя компоненты различных религий и пыталась трактовать в собственной интерпретации хадисы, что неизбежно вело их к конфронтации с официальным исламом. В 10-ом веке отношения между суфизмом и ортодоксальным суннизмом обострились настолько, что один из суфийских шейхов аль-Харадж был казнен. В 12-ом веке суфизм окончательно структурировался из отдельных ассоциаций в хорошо организованную систему, что привело в следующем столетии в превращение его в массовое международное движение. Наиболее распространенной формой организации суфиев были ордена (тарики), а формой духовного влияния - религиозные послания (барака).

Внутренняя иерархия суфизма базировалась на подчинении наставникам - шейхам (пирам в Иране, марабутам в Северной Африке) учеников (мюридов, дервишей и факиров). Суфийское сообщество именовалось ихван и состояло из внутреннего, более близкого круга сподвижников (завия, в Персии - хандах). Наиболее крупными суфийскими орденами были Кадырийя и Ясавия; последний испытал значительное влияние других азиатских религий и даже шаманизма и был в сущности тюркским орденом. Орден Векташийя, отколовшийся на ранней стадии от Ясавия,

эклeктически впитал в себя элементы христианства и шиизма. Другим крупным среднеазиатским орденом был Накшбандийя, основанный в 14-ом веке в Бухаре. Этот орден авторы считают самым молодым и наиболее лояльным ортодоксальному исламу. Этот орден получил наибольшее распространение в Центральной и Южной Азии, а с недавних пор - на Западе. На идеологию суфизма, как известно, большое влияние в свое время оказали контакты с индуизмом и другими элементами пантеизма, против чего в 17-ом веке выступил видный представитель ордена Ахмад Сирхинди, который был убежден, что ислам и индуизм являются взаимоисключающими учениями.

В городах Турции с 13-го века стало популярным учение ордена Мавлави, организованного поэтом Джалал аль-Дин Руми, автора поэмы "Матнави", которую в дальнейшем стали называть "Кораном суфизма". Именно благодаря ученикам этого ордена на Востоке стали называть суфийские танцы с впадением в транс "танцами дервишей". В Южной Азии большим влиянием пользовался основанный еще в 13-ом веке Муин аль-Дином Кристи орден Кристия, чей расцвет пришелся на эпоху императора Акбара. В Африке долгое время прочные позиции занимали азиатские ордена - Кадырийя и Шадхили. Только в конце 18-го столетия в Фесе появился собственный североафриканский орден Тиджани, созданный Ахмадом аль-Тиджани. В целом, отмечают авторы, африканские суфийские ордена подверглись сильному влиянию местных верований. Здесь, как и повсюду, их открытость и гибкость существенно облегчали миссионерскую деятельность.

Со временем, благодаря завоеваниям и переселениям, суфийские ордена пришли в Европу. Во время господства Османской империи на Балканах утвердились несколько орденов, в первую очередь Бекташи. В течение последних десятилетий XX века вместе с иммигрантами суфии проникли в Западную Европу. Так, Накшбандия стал очень популярен среди принявших ислам европейцев-интеллектуалов. Некоторые из них, как например британец Ришад Фэйлд сами стали миссионерами и активными проповедниками суфизма.

Культура ислама

В классической исламской культуре авторы книги выделяют два центра, внесших наиболее значительный вклад с точки зрения ее влияния на европейскую цивилизацию. Это были Багдад (примерно с 763 г.) и Кордова (с 10-го в.). Главной заслугой мусульманских ученых было то, что они сохранили и перевели на арабский язык греческую философскую классику, которая после готского завоевания существовала в Египте и была переведена на сирийский язык. В Испании мусульманские ученые в сотрудничестве с еврейскими и христианскими богословами, врачами и философами, что оказало неопределимое позитивное влияние на становление научного знания и развитие науки в Западной Европе. Лидирующая роль арабского языка продолжалась, как считают авторы, примерно до 11 века, после чего начался процесс размывания его роли как единственного и главного языка исламской цивилизации и вытеснение персидским. Синтез мусульманской и индийской культур привел к обогащению арабско-мусульманской, а через нее европейской культуры математическими знаниями. Исламская культура, которая была представлена выдающимися достижениями в области естественных наук, филологии, истории и теологии, достигла своего пика в 14-ом столетии, после чего застыла и продолжала существовать в почти неизменном виде еще пять столетий. В колониальную эпоху европейцы столкнулись с исламской цивилизацией в таком виде, какой она была в эпоху крестовых походов.

На регламентацию социальных отношений в исламе определенное влияние оказали исторические факторы и патриархальное наследие доисламской эпохи. Это в первую очередь отразилось на положении женщин: Коран запретил практиковавшееся у арабов убийство новорожденных девочек, но ввиду постоянных потерь среди мужского населения в ходе войн за веру юридически узаконил полигамию. Однако в настоящее время многие мусульмане выступают против многоженства и апеллируют при этом к

Корану, который, по их мнению, запрещает полигамию. В историческом контексте на отношения между полами в исламском обществе большое влияние оказали местные культуры, и фактически они регулировались традиционным, или обычным правом - адатом. В Северной Африке в религиозную практику проникли доисламские обычаи, в частности т.н. женское обрезание. К слову сказать, это обычай проник и в местное христианство, а также существует в различных локальных культурах.

Мусульманские феминистки выступают, как это было и на Западе, за полное равноправие полов. Однако феминистское движение в исламе имеет ряд особенностей. Так, его идеологи опасаются, что развитие по западному образцу приведет к деградации традиционного типа мусульманской семьи, поэтому считается, что ислам способен и должен предотвратить размывание традиционной семьи. Кроме того, мусульманские феминистки не желают терять привилегии, которые традиционно им предоставляло исламское законодательство.

Исламизм

Исторически отношения между исламом и европейским христианством были сложные и зачастую враждебные. Со времен крестовых походов и в период длительного соприкосновения ислама с христианством в Южной и Юго-Восточной Европе европейцам насаждался в пропагандистских целях негативный стереотип ислама. В колониальную эпоху окончательно сложилось представление об исламе как о "репрессивной" религии и культуре, которая тормозит развитие находящихся под его контролем территорий. Несомненно, под влиянием Запада среди мусульман в конце 19-го - начале 20-го вв. зародилось реформаторское движение: салафия в Северной Африке, джадидизм в Турции, Иране и Туркестане, исламский социализм в послевоенном арабском мире. Все эти движения ставили целью приспособить ислам к современному миру и балансировали между исламским наследием и западным влиянием.

Реакцией на неудачу исламского социализма стал т.н. исламский фундаментализм, который обычно ассоциируется с Исламской революцией в Иране в 1979 г. Исламисты, считают авторы, опираются на принципы иджтихада, но стараются модернизировать и приспособить к новым реалиям старые идеи и практику средневекового ислама. Многие исламисты хорошо образованы, зачастую обладают широкими познаниями в естественных науках и выступают даже не столько против широкой принесенной с Запада тенденции превратить религию в частное дело, а сколько против "консерватизма" суфизма. На всех направлениях общественной жизни - религиозном, политическом, экономическом, социальном, моральном и культурном - исламисты ставят целью возродить и придать новый импульс исламским программам по изменению существующих условий. В этом ключе авторы предлагают рассматривать исламизм несомненно как попытку мусульманской модернизации.

Как считают Вестерлунд и Сванберг, среди западных аналитиков утвердилось мнение, что исламский фундаментализм является результатом растущих экономических и социальных проблем в исламском обществе. Однако авторы предлагают несколько иную интерпретацию событий; они считают, что распространение исламистских идей является во многом результатом активности самих исламистов, опирающейся на существующую повсеместно в исламском мире оппозицию самым различным политическим режимам. Исламисты используют сложную комбинацию с использованием модернизационных усилий в здравоохранении и образовании со строгим следованием исламскому культурному и религиозному наследию под лозунгом отпора культурному империализму и экономической эксплуатации со стороны Запада. Авторы считают, что миссионерская деятельность исламистов может быть сравнима с аналогичной деятельностью существующих с колониальных времен христианских миссионерских организаций, ставящих целью вербовку новых последователей.

Финансирование исламистов, особенно его умеренного крыла, идет за счет нефтедолларов. Другим важным аспектом роста исламизма является существующая в современном мире широкая сеть международных, национальных и местных организаций. По иронии судьбы рост числа новых "религиозных" организаций в исламском мире является ни

чем иным, как эффектом западного светского влияния, выразившегося в отделении государства от религии. В отличие от суфийских орденов, базировавшихся на иерархическом и наследственном принципе, современные исламистские организации имеют собственные уставы и выборных лидеров. Во многих мусульманских странах существует запрет на организацию политических партий на религиозной основе. В целом, считают авторы, исламистские организации успешнее действуют на местном и национальном уровне, чем на международном. Единственным крупным исключением является организация братьев-мусульман (аль-Ихван аль-Муслимун), оперирующая на большом географическом пространстве Ближнего и Среднего Востока. Самым последним веянием среди исламистов является стремление создать собственную международную организацию в противовес Организации Исламской Конференции (ОИК) - Панарабскую и Панисламскую Конференцию (ПАИК).

Рост исламизма был бы невозможен без внедрения в пост-колониальных странах исламского Востока современных стандартов образования. Исламисты борются одновременно против т.н. нео-джахилии, т.е. игнорирования доисламского наследия, и в то же время - против суфизма за его веру в духовную силу своих шейхов, и призывают изучать ислам только на арабском языке - языке Корана и Сунны. Благоприятной средой для современных исламистских идей являются студенты неарабского происхождения, обучающиеся в арабских странах. Базой для исламизма является в первую очередь и прежде всего арабские государства, где ислам имеет прочные корни и население преимущественно мусульманское. В неарабском мире наиболее прочные позиции исламисты занимают в Судане и Нигерии. Рост исламского фундаментализма привлек к нему исключительное внимание со стороны ученых и средств массовой информации и скрыл от внимания другие процессы в этой области. Лидеры тех стран, где нарастает фундаменталистское движение, предпочитают сохранять статус-кво, заключающееся в отделении религии от государства, чтобы сохранить свою власть. Они пользуются экономической поддержкой Запада, но еще неясно, ставят ли вопрос о достижении ли своего пика фундаменталистское движение и сколько еще появится исламских государств на современной карте мира.

Ислам в Африке

В настоящее время географическое распространение ислама представляется авторами в виде трех крупных континентальных групп: Африка; Азия и Океания; Европа и Америка. В Африке подсчет количества мусульман крайне затруднен. В книге называется примерная цифра 700 млн. чел., т.е. половина населения черного континента. Наиболее крупными по населению неарабскими государствами с мусульманским населением - Сомали, Нигерия (100 млн. чел.), Сенегал, Танзания, Южная Африка. Ислам быстрыми темпами распространялся южнее Сахары в позднюю колониальную эпоху, когда улучшились коммуникации, начался процесс урбанизации и экономических изменений, причем реакция европейских властей варьировалась от охотного сотрудничества с исламскими миссионерами до их преследования. Большую роль в миссионерстве сыграли суфийские ордена. Зачастую европейцы использовали в своих политических интересах конфессиональные разногласия между африканцами, как например в северной Нигерии, где британцы поддерживали местных эмиров в противовес христианским и языческим вождям. Доминирующей формой ислама в этом регионе стал суннизм, а шиизм представлен спорадическими группами, преимущественно в Западной Африке. Исламистские организации в Черной Африке не пользуются поддержкой, так как здесь традиционно преобладает предубеждение против арабов и сильны воспоминания об арабской работорговле. Суфизм получил распространение в основном в крупных городах, где, соперничая с исламистами, суфийские шейхи вынуждены больше внимания уделять проблемам образования и здравоохранения. Базой исламистской организации братьев-мусульман является, безусловно Судан, в котором наиболее отчетливо проходит граница между арабским и неарабским миром и который в сущности является "прифронтовым государством", если рассматривать ситуацию в исламистских категориях "дар уль-харб".

Турция

На протяжении многих столетий ключевым государством, связующим ислам в Азии, Африке и Европе, была Османская империя. После создания светской Турецкой республики и замены ислама в качестве интегрирующей силы на турецкий национализм, эта роль Турцией была утрачена, но, как считают авторы, с конца 1980-х гг. в этой стране идет возрождение ислама, что придает внутривнутриполитической ситуации в Турции, ее отношениям с соседями и всей региональной геополитике новый акцент. В истории турецкого ислама в XX веке можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, замена идентифицирующего понятия "мусульманин" на этноним "тюрк", или тюрк, которая отразила переход Турции к светскому и национальному государству. Во-вторых, начавшаяся после 1950 г. демократизация общественной жизни страны привела, в том числе и к усилению ислама, который в кемалистской Турции был почти что под запретом. Эти изменения нашли отражение в замене прежней конституции 1923 г. на более либеральную 1960 г. Немаловажную роль в этом процессе сыграла вестернизация Турции и ее сближение с Западом в годы холодной войны.

В-третьих, феномен алевитов, число которых достигает 20 млн. чел. Существуют разнообразные точки зрения на сущность этого религиозного течения, которое некоторые считают истинной формой ислама, ведущей свое происхождение от умайядов, другие - тюркизированной формой суннизма, еретическим течением в исламе, чисто анатолийским культурным феноменом, отголоском иудейской формы раннего ислама, курдской формой философского обобщения ислама и т.д. В-четвертых, ренессанс исламизма как политического и социального феномена современной Турции. Этот процесс заставил турецких политиков, начиная с Тургуту Озала, ввести в политическую лексику понятие "турецко-исламского синтеза", т.е. учитывать во внутренней и внешней политике растущую роль исламского фактора. Этот фактор в той или иной форме присутствует в политике таких партий как Партия Национального спасения, Партия Отечества, Национальной Партии труда и в концентрированном виде представлен в программе исламистской Партии Благословия. С 1990 г. эта партия демонстрирует свою популярность среди турецких избирателей. Ее избиратели идентифицируют себя, прежде всего как мусульмане (51%), как мусульманские демократы (28%) и только 5% как националисты. Эти данные отражают новые социально-психологические реалии в турецком обществе. В 1997 г. создалась реальная угроза десекуляризации Турции, что вызвало резкие контрмеры против участия Партии Благословия в правительстве со стороны военных, являющихся гарантами устоев кемалистского политического наследия.

Центральная Азия

Историческое присутствие ислама в Центральной Азии авторы относят к 7 веку как к наиболее ранней дате. Однако реально регион был исламизирован позже - в 11 и 12 вв., причем многие доисламские культурные и религиозные традиции тюркских народов были сохранены. В истории центральноазиатского ислама авторы выделяют два основных течения - суфизм и джадидизм. Суфизм играл роль альтернативную роль социальной организации и формы местного сопротивления чужеродной гегемонии. Большую роль в распространении ислама сыграл именно суфизм. Через суфийских миссионеров ислам был внедрен среди казахов и киргизов в 15 веке. В дальнейшем суфизм сыграл важную роль в организации духовного и политического сопротивления русскому господству как в царское, так и в советское время. Наиболее старыми орденами в регионе были Яссауи (основан в середине 12 в. Ахмедом Ясави, считающимся по традиции первым тюркским мистиком) и Накшбандийя (основан Баха аль-Дин Мухаммедом аль-Бухари в 14 в.).

После окончательного завоевания Россией Центральной Азии в регионе значительно усилилось европейское влияние, которое в свою очередь вызвало к жизни реформаторское движение в исламе, получившее название джадидизм. Импульсы джадидистского движения шли с Кавказа и Крыма. Свое название джадидизм получил

от открытой крымским татаринном Исмаил-беем Гаспрали (1851-1914) школы "нового метода" - усул-у Джадид. Новое движение имело две стороны и преследовало две цели: с одной стороны, поднять образование мусульманского населения Российской империи на современный уровень и привести его к единым стандартам, с другой, объединить тюркские народы "от Босфора до Кашгара" на общей культурно-лингвистической основе, в том числе путем введения общетюркского алфавита. В дальнейшем борьба между джадидами и сторонниками старого метода - кадимами - переросла в политическую плоскость. Большевики нашли среди джадидистской интеллигенции немало сторонников, а у басмачей во время гражданской войны был лозунг: смерть неверным и джадидам! Однако в дальнейшем выяснилось, что джадиды поддерживают националистические идеи, а не классовые, что привело к их отходу от мусульманского коммунизма.

В 1920-е гг. в Средней Азии была инспирирована кампания по секуляризации образования, освобождению женщин и наступлению на ислам - художум. В 1937-39 гг. практически все джадидистские интеллектуалы были уничтожены, а центром сопротивления советскому атеизму стали суфийские ордена. Советская власть разрушила суфийские святыни в Ферганской долине и загнала в подполье суфиев традиционного для региона толка, однако именно в советское время в Средней Азии утвердился орден Кадырийя, который появился в регионе вместе с депортированными с Кавказа ингушами и чеченцами. Авторы обращают внимание на такой факт, что в среднеазиатских суфийских орденах зачастую ведущие позиции занимали женщины. Кадырийя особенно распространился на территории Казахстана после 1945 г. и все последующее время продолжал наращивать свое влияние. Во время второй мировой войны ислам, как и православная церковь, получили некоторое послабление, однако при Хрущеве атаки на религию возобновились с новой силой. При Брежневле укрепление национальных культур и рост национализма имел своим побочным эффектом усиление роста к исламскому наследству центральноазиатских народов.

В горбачевскую эпоху происходит укрепление позиций т.н. официального ислама и его окончательное структурирование под несколькими духовными управлениями. Параллельно произошло размежевание официального и неофициального ислама - суфиев. Самым драматическими показателями исламского ренессанса в Центральной Азии авторы считают увеличение числа мечетей (с 37 до 90 в Казахстане, с 260 до 5000 по всему региону) и возобновление хаджа. Однако сопряжение местного ислама с внешним имело новый опасный эффект - появление в Центральной Азии ваххабитов. Поскольку официальный ислам в центральноазиатских республиках начал апеллировать к суфийскому наследию как части культурного и национального наследия (особенно в Казахстане), усилилось противостояние между суфизмом и ваххабизмом, причем последний открыто преследуется в Узбекистане с 1997 г. США внимательно отслеживали возможное усиление ислама в Центральной Азии в первой половине 1990-х гг. Выводы, сделанные ЮСИА, были неожиданны и звучали успокаивающе для Запада: несмотря на то, что половина узбеков и казахов и 45% киргизов относят себя к истинным мусульманам, только каждый пятый узбек и киргиз участвует в религиозной практике, а у казахов этот показатель еще меньше.

Тем не менее, считают авторы, ислам стал одним из важнейших элементов в формировании новой национальной идентичности центральноазиатских народов. Однако этот процесс имеет чрезвычайно противоречивый характер: исламские организации находятся под строгим государственным контролем, религиозные партии запрещены, а государственные институты носят подчеркнуто светский характер. Для создания некоего духовного противовеса в своих странах лидеры новых государств время от времени оказывают демонстративную поддержку православной церкви. В конституциях республик Центральной Азии закреплён светский характер государства. Исламский фактор для новых независимых государств региона имеет также внешнеполитическое измерение. И хотя все республики ступили в ОИК и установили отношения с арабским миром и другими исламскими государствами, отношения с Россией, Китаем, США и Европой играют для них более важную роль, заключают авторы.

Делая общую оценку эволюции ислама в Центральной Азии, авторы пишут, что в течение многих столетий этот регион был центром исламской философии, науки и теологии. В советской период религия была практически полностью подчинена и поставлена под контроль государства. Ее элементы сохранились лишь на индивидуальном или локальном уровне, в некоторых обычаях и бытовых церемониях. Сегодня ислам официально провозглашен частью культурно-исторического наследия во всех государствах региона, однако государство пытается держать ислам под своим контролем в стиле советской эпохи. Любые попытки политизировать ислам или превратить его в оппозиционную властью силу немедленно пресекаются. Однако процесс размывания контроля над исламом со стороны государства имеет место через два основных канала: суфизм и совершение хаджа.

Иран и его персоязычные соседи

В 16-ом веке Иран возник как региональная супердержава с шиитским исламом в качестве государственной религии. Эту роль Ирану попытались вернуть фундаменталисты в ходе исламской революции, но, как и Турция, Иран вынужден балансировать между персидским национализмом, пытаюсь объединить вокруг себя на культурно-лингвистической основе суннитские Афганистан и Таджикистан, и ролью лидера шиитского ислама.

В рецензируемой книге Иран, Афганистан и Таджикистан рассматриваются как единое культурно-историческое целое. Авторы считают, что это обширное персоязычное пространство со стомиллионным населением имеет и общую исламскую историю. Эти страны в отличие от тюркских государств характеризует, прежде всего, доминирование ислама в общественной жизни и культурных традициях. Ислам проник в персоязычный мир после разгрома арабами Сасанидской державы в 637-642 гг., однако реальная исламизация региона произошла после 750 г., когда аббасиды сменили умайядов в качестве лидеров и наследников халифата. Религиозное размежевание между суннитами и шиитами началось после утверждения в Иране в дальнейшем эта борьба продолжалась то в скрытой, то в открытой форме, пока на иранском престоле не утвердился сефевиды, ведущие, как ни парадоксально, свои корни от суннитского туркменского племени кызылбашей. Основным фактором способствовавшим победе шиизма в Иране, была принадлежность лидеров племени к суфийским шейхам, в частности Исмаила, при котором шиизм стал государственной религией в Иране. В результате суфийские ордена суннитского толка были разгромлены, а Иран вошел в конфронтацию со своими суннитскими соседями, в первую очередь с Османской империей, а также с государством Шейбанидов и империей Великих Моголов.

Это привело к политической и экономической изоляции Центральной Азии и Афганистана от основной части халифата и всего исламского мира. Говоря современным языком, считают авторы, в Иране произошло формирование на базе религии "национального государства", структуры которого сохранились по сей день. Для центральноазиатских эмиратов эта изоляция сыграла роковую роль и имела своим следствием, как не совсем обоснованно считают авторы, завоевание их Российской империей. Шиизм утвердился в Иране в качестве официальной доктрины в 16-17 вв., но на ритуальном уровне различия между суннитами и шиитами невелики. Представляет интерес тот факт, что шиитские теологи в Иране уже на ранней стадии раскололись на т.н. традиционалистов (ахбари) и фундаменталистов (усули). В дальнейшем эта противостояние переросло в политическую сферу: в конце 19 века усули блокировались с либералами и секуляристами в борьбе с коррумпированным и беспомощным перед европейским империализмом режимом Хаджаров, однако оба течения преследовали противоположные цели.

Фундаменталисты, в отличие от своих союзников-либералов, ориентировавшихся на примат представительской власти, ставили целью создания государства на исламской основе, которые бы управлялось на религиозными авторитетами путем специальных

постановлений - фетва. Эти взгляды достигли апогея во время политической активности находившегося с 1963 г. в изгнании аятолы Хомейни, что привело в конце концов к исламской революции и созданию государства на принципах "веляйт-и факих" - "государства справедливости". Эти принципы были официально закреплены в статье 5 Исламской конституции, принятой на референдуме в декабре 1979 г.

В Афганистане соотношение суннитов и шиитов прямо пропорционально иранскому отличию накладываются на этнические - 99% пуштунов - сунниты, в то время как персоязычное население (фарсиваны, таджики, хазарейцы и аймаки) в основном исповедует шиизм. Секуляризация общественной жизни и образования, форсированная пришедшими к власти марсистами в ходе Апрельской революции 1978 г., стала главной причиной гражданской войны и привела к советской интервенции. Многие лидеры исламистов, как например Г.Хекматиар, по иронии судьбы являются питомцами созданного при советской помощи политехнического института. Авторы предполагают, что раскол и противоречия между лидерами исламистов - Раббани, Хекматиаром и Сайяфом - кроются в традиционном соперничестве различных суфийских орденов. Сопротивление кабульскому режиму привело к политической активизации и росту военно-политического влияния шиитской общины. После крушения промосковского правительства среди вооруженной оппозиции стали складываться самые различные комбинации. Исламитская милиция блокировалась с таджиками Ахмад-шах Масуда и узбеками генерала Дустана; позднее к альянсу присоединились шииты-хазарейцы. Авторы отмечают, что ислам в Афганистане исторически формировался в условиях существования в качестве буферного государства и ощущения постоянной угрозы со стороны окружавших страну шиитов на западе и кафиров - британцев и русских - на юге, востоке и севере. Движение Талибан является новой, но пока безуспешной, попыткой сформировать новую исламскую идентичность Афганистана.

История современного Таджикистана, в отличие от истории таджиков, начинается в 1924 г. после ликвидации Бухарского эмирата. В результате таджики были отрезаны от своих культурно-исторических центров Самарканда и Бухары. Именно таджикские суфийские ордена сыграли центральную роль в басмаческом движении, которое было по сути формой сопротивления традиционному образу жизни навязываемым извне модернизации, европеизации и атеизму. В Таджикистане, как и во всем регионе, традиционно сильные позиции занимали ордена Яссауи и Накшбандийя, в меньшей степени - Кадырийя. Участие таджикских и других среднеазиатских солдат в первом эшелоне вторгшегося в Афганистан советского "ограниченного контингента" имело своим результатом обратный от предполагаемого эффект - усиление интереса к исламу среди коренного населения Советской Средней Азии.

В последние годы существования советского Таджикистана борьба вокруг национальной и исламской идентичности в республике приняла форму борьбы за введение арабского алфавита. Таджикистан был единственной республикой в регионе, в которой появилась крупная политическая партия, выступавшая за создание исламского государства. Авторы считают, что гражданская война в Таджикистане стала результатом взаимодействия многочисленных социальных, экономических, географических и религиозных компонентов. Исламские группировки и течения в Таджикистане испытали сильное влияние зарубежных сил: из Афганистана, Ирана и Саудовской Аравии, причем первые апеллировали к антикоммунизму, Тегеран - к единой культурно-лингвистической общности, а саудовские миссионеры акцентировали свою пропаганду на суннитском факторе. Авторы считают, что суфизм потерял свое прежнее влияние и авторитет в Таджикистане в результате постоянного вмешательства извне и жесткого отношения правительства в Душанбе. В дальнейшем любая исламская и проиранская пропаганда обречена в пережившем гражданскую войну и получившем своего рода "антиклерикальную прививку" Таджикистане на неудачу.

Китай

С начала 1980-х гг. Китай проводил либеральную и прагматическую политику в отношении своего 18-миллионного мусульманского населения в надежде обеспечить стабильность и сдержать рост национализма среди мусульман. Однако этим надеждам не суждено было состояться ввиду крушения восточно-европейского коммунизма и образования на его западных границах новых независимых государств. Волнения среди мусульман и их политическая активность наблюдались уже в 1989-90 гг., когда мусульмане присоединились к протестам на волне осуждения книги С. Рушди и издания в Китае написанной ханьским автором книги "Сексуальные обычаи мусульман", которая оскорбляла их религиозные чувства. Кроме того, мусульмане участвовали в демократическом движении на площади Тяньаньмень, хотя их националистические цели расходились с великодержавными представлениями ханьских демократов. С 1992 г. волнения и теракты регулярно сотрясают Синьцзян, а с 1998 г., как считают авторы, этот регион становится главной головной болью Пекина, заслонив даже тибетскую проблему.

Вопрос идентификации мусульман в Китае имеет долгую историю и является довольно проблематичным. С середины 15 до середины 20 вв. термин отнюдь "уйгур" не ассоциировался с принадлежностью к исламу, а получил это значение только после создания в Синьцзяне Восточно-Туркестанской исламской республики в 1935 г. По классификации Сунь Ят-сена, согласно которой в Китае живут пять народов, под мусульманами подразумеваются дунгане, но не уйгуры и другие тюркские и среднеазиатские национальности. Дунгане рассматривают себя в качестве потомков проникших тысячу лет назад в Китай арабов, а тюркские народы видят в них потомков принявших ислам китайцев-ханьцев. Действительно, положение дунган и отношение к ним в китайском обществе в своем роде уникальное. Если китайцы, исповедующие буддизм, христианство или иудаизм, рассматриваются в Китае как ханьцы, то дунгане, говорящие на одном из ханьских диалектов, считаются отдельным народом.

Синьцзян не является чем-то гомогенным с этнической, исторической и религиозной точек зрения. Напротив, считают авторы, в региональном контексте этот район Китайской империи был подвержен влиянию различных внешних сил: Кашгар развивался под сильным исламским влиянием Самарканда и Бухары; южный оазис Хотан испытал сильное влияние буддистской культуры Индии; индифферентный в религиозном отношении степной ареал на северо-востоке провинции ориентировался на Россию; Турфанский оазис на протяжении всей своей истории был связан с Китаем. Такая ситуация была следствием того, что исторически оазисы современного Синьцзяна были теснее связаны с соседними регионами, чем между собой.

В Китае также происходил взаимодействие и соперничества исламизма и суфизма. Суфийские ордена проникли в Синьцзян из Средней Азии в начале 15 в. Их влияние на дунган было замечено в конце 17 столетия. Суфийские институты экономического, социального, религиозного и политического характера получили название менхуань. Среди уйгур сильные позиции занимал орден Накшбандийя, а среди дунган - Кадырийя. Накшбандийя стремился к социальным реформам, что привело его к столкновению с маньчжурами; в дальнейшем от ордена откололась более радикальная ветвь - Джахирийя, который призывал к вооруженному сопротивлению Цинам. Этот орден сыграл ведущую роль во время восстания Якуб-бека в 1864-77 гг. Орден Хуфийя, популярный в провинции Нянся, также не носил аполитичный характер и призывал своих последователей к активному духовному возрождению, что предполагало и более активную социальную позицию. Авторы считают, что суфийские ордена в Китае всегда были высоко организованы и имели широкую социальную базу, что позволяло им в моменты социальных и политических кризисов эффективно организовывать коллективное сопротивление мусульман. Именно благодаря существованию суфийских орденов было обеспечено экономическое и политическое выживание дунган и уйгур в рамках Китайской империи.

Китайские коммунисты, столкнувшись в 1950-е гг. с чуждой и враждебной им оппозицией в лице мусульман, пришли к выводу, в отличие от своих советских коллег, что контролируемое правительством культурное и религиозное "возрождение" среди

мусульманского населения будет более эффективным с точки зрения сохранения стабильности и экономического развития, чем репрессии. Однако наиболее консервативным и, следовательно, враждебным китайцам регионом продолжал оставаться кашгарский оазис. Центральное правительство приняло законодательство против исламской системы образования, однако, оно остается более популярным среди уйгур в силу своей дешевизны и доступности. Между ханьцами, уйгурами и дунганями в Синьцзяне по-прежнему существуют невидимые для посторонних разделительные барьеры, которые проходят через жилища, храмы и пищу. Браки между дунганями и уйгурами чрезвычайно редки, а браков между уйгурами и ханьцами практически не бывает. Ханьцы и уйгуры не контактируют между собой в повседневной жизни, не встречаются в частных домах и в ресторанах. Детей от смешанных браков между уйгурами и китайцами называют произошедшим от русского словом пирьётки.

Дунгане стали частью политической жизни Синьцзяна в середине 19 века, однако их религиозная жизнь проходит отдельно от уйгур. Это разделение касается мечетей, исламских школ и праздников. Главным праздником у дунган является конец поста - рамазан-айт (ураза-айт), в то время как у уйгур - Курбан-айт. Являясь мусульманами по вероисповеданию и китайцами по языку, дунгане представляют собой идеальным культурным мостом между двумя основными группами населения. Однако потенциал противостояния между уйгурами и китайцами очень велик. Ислам является главным символом конфронтации с китайским государством, бросая вызов официальному атеизму китайского коммунистического режима, а также его основным целям - модернизации и социальной либерализации. В то же время, усиление ислама является ответом на процесс китайской аккультурации.

Уйгурские интеллектуалы чрезвычайно гордятся тем фактом, что одним из лидеров студенческого движения в 1989 г. был уйгур Уркеш (Уэркайси). Удивительным явлением среди современных уйгурских националистов является культ Гитлера и использование нацистской атрибутики и нацистского салюта. Бестселлером стала книга У.Ширера "Восхождение и падение Третьего рейха", переведенная на уйгурский в 1988-89 гг. Однако, подчеркивают авторы, антисемитизм среди уйгур, которые восхищаются Эйхштейном, Марксом и Киссинджером, отсутствует, несмотря на "увлечение" нацизмом. Уйгурская интеллигенция пытается сплотить нацию, сочиняя новые историографические мифы, доказывающих о превосходстве уйгуров над китайцами. Так, возникновение таримской, и следовательно уйгурской цивилизации, эти историки относят к периоду восьмисотлетней давности, т.е. на 3000 лет раньше, чем китайской цивилизации. В этих книгах символами уйгурской нации изображаются Махмуд Кашгарский и Сатык Бугра-хан (первый тюркский лидер на территории Синьцзяна 10 века, перешедший в ислам). Вся эта мифологизация уйгурской истории нашла свое концентрированное выражение в книге Тургуна Алмаса "Уйгуры" (1990), которую правительство сначала запретило, а затем выпустило на нее памфлет "Сто ошибок формы сопротивления уйгур и символическими жестами конфронтации. На самом деле уйгуры в Синьцзяне ощущают свое бессилие. Они на глазах превращаются в меньшинство на фоне массовой ханьской иммиграции в регион. Несмотря на спорадические вспышки вооруженного сопротивления в целом оно остается пассивным. Авторы считают, что Пекину, который практикует аресты и подавление демонстраций и сам сталкивается с вооруженным террором, следует перейти к мирным и более либеральным формам управления мусульманами.

Южная Азия

Обширный регион Южной Азии с его огромным населением в 1,3 млрд. чел., из которых 360 млн. составляют мусульмане, включает такие страны как Пакистан, Индия, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри Ланка и Мальдивы. Странами с преобладающим мусульманским населением являются только две в регионе - Пакистан (причем, это

исламское государство) и Бангладеш. Однако Индия, где мусульмане составляют 12% населения, является в то же время государством с одним из крупнейших по численности населением, исповедующим ислам (127 млн. чел.).

Ислам имеет в регионе прочные исторические корни. Планы по завоеванию Индии существовали уже при халифе Умар бин Хаттабе (634-644); при Умайядах (660-750) арабская армия вошла в соприкосновение с правителями Синдха. Арабы завоевали Синдх и южный Пенджаб, которые в дальнейшем подчинились халифату в Дамаске, а затем Багдадскому. Однако более прочное закрепление ислама в Индии произошло начиная с 11 в., когда начался период постоянных вторжений тюркских и афганских завоевателей. В начале 13-го столетия в руки мусульман перешел Дели. С этого момента ислам доминирует на индийском субконтиненте, особенно на севере, северо-западе и северо-востоке. Последней и самой продолжительной мусульманской династией были представители Великих Моголов (1526-1857).

На севере Индии сложилась правящая мусульманская элита, состоявшая из тюрков, афганцев, персов и индусов, конвертировавшихся в ислам. Эта прослойка получила название ашраф. Простых мусульман называли аам лог. Однако мусульмане продолжали оставаться в меньшинстве; к моменту британского завоевания субконтинента только один из четырех жителей придерживался ислама. Социальная дифференциация среди мусульман внесла отпечаток на конфессиональную практику и лингвистическую ситуацию: элита пользовалась тюркским и персидским, а позднее урду, в то время как простое население продолжало разговаривать на своих наречиях, а в религиозной практике прибегала к элементам прежних местных верований. В юридической области формальной базой оставался шариат, однако в целом доминировал ортодоксальный ислам в форме улама.

В распространении ислама в Южной Азии выдающуюся роль сыграли суфийские ордена. Наиболее успешным среди них был орден Чисти (основан в начале 13 в. Муин аль-Дином Чисти), а также три других - Кадырийя, Сухравардийя и Накшбандийя. Консолидация власти мусульман в Индостане во многом была возможной благодаря активности суфийских миссионеров. Чистийя опирался в повседневной практике на принципы улама; Сухравардийя пользовался поддержкой государственных институтов; Накшбандийя строго следовал шариату, а наиболее либеральным являлся орден Кадырийя. После того, как европейцы окончательно захватили политическую власть в Индии, суфийские ордена здесь, в отличие от других регионов исламского мира, быстро деградировали. Существование последователей шиизма в Индии являлось следствием влияния и соседства с Персией. При императоре Акбаре (1556-1605), сложился симбиоз между официальным исламом и раджпутским вероучением, получившим название Дин-и-Илахи (Божественное Вероучение). Его влияние выросло особенно сильно при императоре Джангире (1605-1627). Это вызвало резкий протест со стороны суфийских шейхов, представитель которых Шейх Ахмед Сирхинди, отражавший наиболее пуританское крыло накшбандиев, начал кампанию против отхода от стандартов ислама среди Моголов. При Аурангзебе (1658-1707) суннитский ислам полностью возобладал как политическая сила и официальное учение не только над индуизмом, но и над шиизмом. В дальнейшем суфии спровоцировали вторжении афганцев с целью укрепления позиций ислама, но следствием этой политики было только всеобщее ослабление империи Великих Моголов.

Перед лицом растущей угрозы со стороны англичан и ввиду чрезвычайного ослабления исламского государства Моголов их лидеры Шах Валиулла (1702-1763) и Сайид Ахмед Раи Барели (1786-1831) в качестве противовеса выбрали стратегию по усилению принципов улама, т.е. бескомпромиссного и ортодоксального ислама. Сайид Барели даже призвал верующих к джихаду, однако это не предотвратило падения могольского государства. Однако, чтобы побороть сопротивление в стране европейцам понадобилось сто лет. В результате завоевания в индийском исламе утвердился его экстремистская форма - ваххабизм, стремившийся к максимальной доктринальной и организационной консолидации мусульман. Лидером

традиционалистов стал Ахмед Раза Хан (1856-1921). После подавления т.н. восстания сипаев в 1857 г. британские власти обрушились в первую очередь на мусульманскую аристократию, лишив многих ее представителей жизни и имущества. Высшие эшелоны правящих классов, на которые опирались англичане, были рекрутированы из представителей высших индуистских каст.

Важным событием в истории индостанского ислама в колониальный период стало открытие в 1886 г. Мусульманской образовательной конференции представителем старой североиндийской мусульманской аристократии Сиром Сайидом Ахмед Ханом (1817-1898), а также специального колледжа в Алигархе, где мусульманская молодежь смогла получать классическое и реформированное образование. К этому периоду относится политический раскол между мусульманами и индусами, созданными в 1885 г. Индийский Национальный конгресс. Сир Сайид Ахмед Хан и его сторонники дистанцировались от ИНК именно как от индуистской организации. Исламисты консолидировались вокруг созданного в Деобанде центра учения улама, затем вокруг партии Джамийят-и-Удама-и-Хинд (Партии исламских ученых Индии) и наконец, создали в 1906 г. Мусульманскую Лигу. После поражения Османской империи в первой мировой войне индийские мусульмане были встревожены дальнейшей судьбой халифата и создали в 1919 г. т.н. Хилафатский Комитет (комитет по сохранению халифата), который пользовался поддержкой антиимпериалистов из числа индусов, в том числе Махатмы Ганди. После усиления репрессий со стороны колониальных властей в 1920-е гг. среди индийских мусульман стало популярным движение хиджрат (эмиграции). Молодежь эмигрировала в основном в Афганистан, а некоторые еще дальше - в Советскую Среднюю Азию, став затем пионерами коммунистического движения в Индии.

В 1930-е гг. политика Британии изменилась в сторону поддержки мусульманских политических партий как противовеса набирающему силу и ставшему явно антиколониальным по характеру ИНК. Мусульманская Лига превратилась в партию джентри, т.е. партию, отражавшую интересы землевладельцев и озабоченную, прежде всего представительством мусульман в колониальной администрации. К этому периоду относится возникновение идеологии создания отдельного мусульманского государства в Северной Индии, чьим рупором стал поэт-схоластик Аллама Икбал (1878-1938). В 1942 г., когда ИНК был фактически обезглавлен, и многие его лидеры были арестованы, основную поддержку колониальным властям по наборе рекрутов оказали Джинна и другие лидеры Мусульманской Лиги. В результате лояльного отношения к британской власти исламисты сумели в 1944 г. взять под свой контроль регионы с преобладающим мусульманским населением. С этого момента Лига открыто пропагандирует идею создания Пакистана, а индусы, сикхи и любые другие противники этой идеи из числа мусульманской интеллигенции демонизируются ее пропагандой как ренегаты и предатели Ислама. Специальная фетва объявила поддержку создания Пакистана религиозным долгом каждого мусульманина.

Современная история Пакистана достаточно хорошо известна. Можно выделить несколько моментов, касающихся именно роли ислама в политике этого государства. В пакистанском исламе превалирует ханафийская школа, наиболее адекватно отвечающая племенной организации крупнейшей провинции страны Белуджистана. Большинство мечетей находится под контролем представителей барельвийской школы. В первые годы существования Пакистана, особенно после смерти Джинны, модернистское крыло делало попытки отделить ислам от государства, но принятием в 1949 г. премьер-министром Лякат Али Ханом Объективной Резолюции устанавливался верховный суверенитет Бога, ограничивший полномочия народное представительство. В 1956 г. Пакистан провозглашается исламской республикой. Архитектором исламской республики считается лидер и основатель исламистской партии Джаммаат-и-Ислами Абул Ала Мавдули (1903-1979). Именно в его работах впервые нашла выражение теория исламского государства, адаптированная впоследствии Аятоллой Хомейни для шиитского Ирана.

История Пакистана последних десятилетий - это история борьбы между сторонниками либерализации исламского государства (З.Бхутто, Б.Бхутто) и ортодоксами (генерал Зия уль-Хак, Наваз Шариф). Проблема частичной секуляризации и либерализации исламского государства в Пакистане переплетена с острыми внутривнутриполитическими социальными, этническими и региональными проблемами. Прямые отношения к исламскому характеру Пакистана в его внешней политике имеют такие проблемы как его конфронтация с Индией, борьба за Кашмир и поддержка исламистов в Афганистане. Господствующей идеей Пакистана и его конституции является идеология мусульманского национализма. Суннитский характер пакистанского ислама накладывает отпечаток на его отношения с Ираном и Саудовской Аравией. Более одного миллиона пакистанцев живут и работают в странах Персидского Залива. Этот фактор заставляет Пакистан и его вооруженные силы участвовать в системе безопасности арабских государств региона.

После раздела Британской Индии мусульмане утратили какое-либо политическое влияние в Республике Индия, провозглашенной светским и демократическим государством. Авторы книги отмечают, что процент мусульман на государственной службе абсолютно не соответствует их относительной численности в общем составе населения (12%). Географически мусульманское население сконцентрировано в Кашмирской долине, в южной штатах Керала и в Уттар-Прадеш. В целом индийские мусульмане поддерживают светские партии, а до середины 1970-х гг. они в основной массе голосовали за ИНК. Модернизация индийского обычного права, предпринятая правительством Дживахарлала Неру, поставила в конце концов вопрос о либерализации т.н. Мусульманского личного права, т.е. подчинении их законам страны и отмене наиболее одиозных традиций, как например юридическое верховенство мужчины в рамках его семьи. В 1985 г. эта проблема остро встала на фоне т.н. дела Шахбано (мусульманской женщины, потребовавшей после развода алиментов от бывшего мужа согласно индийскому светскому законодательству; по исламскому праву, к которому апеллировал ее бывший муж, он должен был платить алименты только в течение ограниченного периода - идата).

В целом положение мусульманской общины в Индии довольно сложное. Любые ее попытки самоутвердиться как этнической группы наталкиваются на сопротивление индуистского национализма. Большую поддержку индийским мусульманам оказывают Иран и Саудовская Аравия. Индуистские националисты столкнулись с проблемой массового перехода представителей низших каст в другие религии - ислам, сикхизм и христианство, не допускающие кастовой сегрегации. В 1981 г. индуистские националисты потребовали принятия особого закона, который запрещал бы конвертацию прирожденных индусов в другие конфессии, но несмотря на то, что ряд правительств штатов пошел на подобные запрещения, центральный парламент Индии не принял такого закона. С конца 1980-х гг. возник новый фактор - мощное сепаратистское движение среди мусульман Кашмира, поддерживаемое Пакистаном. Он вызвал к жизни волну индуистского экстремизма и рост антимусульманской пропаганды в других частях Индии.

Российский ислам

Для России ислам является, наряду с христианством и буддизмом, частью традиционного религиозного наследия. Впервые ислам на территории современной России появился в середине 7-го века вместе с арабами на Кавказе. Уже в восьмом столетии большинство населения на территории современного Азербайджана и Дагестана исповедовало ислам. В волжском регионе ислам представлен, начиная с 9 века. В течение всего средневековья мусульмане проникали на территории современных Польши, Литвы, Беларуси и Эстонии. Их потомки, проживающие в этих странах и сегодня, известны как "татары". В эпоху Золотой Орды большую роль в распространении ислама сыграли суфийские миссионеры, чьими усилиями были обращены в ислам племена степных регионов Южной России, Причерноморья и Каспийского моря. После

завоевания Россией Казанского и других ханств на востоке роль миссионеров перешла к татарским муллам, которые распространяли ислам по мере продвижения империи вглубь Сибири и Центральной Азии.

После ряда успешных войн с Турцией в 18 веке и завоевания Крымского ханства Россия начала проводить на завоеванных территориях политику, которую авторы сравнивают с “регулярными этническими чистками”. Мусульманское население в массовом порядке эмигрировало в Османскую империю, а на освобожденные территории царские власти селили христиан. На Кавказе организацию сопротивления взял на себя суфийский орден Накшбандийя, к которому принадлежали такие лидеры как шейхи Мансур (1780-е гг.) и Шамиль (1824-1859). Характерно, что российское правительство широко использовало ислам для укрепления своей власти; исламские организации поддерживались и контролировались. Однако царский режим финансово и юридически поощрял и христианизацию мусульманского населения. Ответом на эту политику, которая приняла широкие масштабы при Александре III, стало движение джадидов как попытка модернизировать мусульманское сообщество. В 1905 г., когда в России была введена религиозная свобода, татары, насильно обращенные в православие, вновь конвертировались в ислам.

Российский суфизм возник на основе ордена Накшбандийя, который проник в Татарстан в конце 18 века и на основе которого возникла его диссидентская ветвь - т.н. ваизовщина (по имени ее основателя Вахауддина Ваизова). В настоящее время центр суфизма находится в Новосибирске, являясь филиалом основанного в 1920-е гг. Инаят Ханом Международного Суфийского движения. Мусульмане живут по всей территории современной России; 10% населения Москвы по подсчетам автором, являются мусульманами; мечети имеются помимо Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Уфы во всех крупных и средних городах, особенно в Астрахани, Челябинске, Новосибирске, Оренбурге, Пензе, Ульяновске, Самаре и Волгограде. С 1982 по 1995 гг. число мечетей выросло с 192 до 2500. Интересы российских и сибирских мусульман представляют три крупнейших муфтиата: один как духовное управление Европейской России и Сибири с центром в Уфе, во главе которого стоит казанский татарин Талгат Таджуддин и который рассматривается многими как верховный муфтий России; второй - с центром в Казани. Причем оба муфтиата соперничают между собой.

В 1994 г. в Москве был открыто Духовное управление Центрально-европейской России с центром в Москве (муфтий Равиль Гайнутдин), которому подчинены 11 областей с населением 3,5 млн. мусульман. В 1997 г. мусульмане Сибири и Дальнего Востока создали свое собственное духовное управление с центром в Тобольске (председатель - Шейх Наифула Аширов). Всего на территории РФ 18 муфтиатов, многие из которых конкурируют между собой за юрисдикцию над территориями. Рост числа муфтиатов и мечетей вызвал к жизни резкое увеличение спроса на образованных духовных лидеров (улама), удовлетворить которое на базе имевшихся в бывшем СССР духовных училищ было невозможно. Следствием этого стало усиление влияния зарубежных теологических институтов, в первую очередь арабских.

Европа

Несмотря на то, что ислам считается относительно новым явлением для Европы, заявившим о себе вместе с появлением иммигрантов из бывших британских и французских колониальных империй и гастарбайтеров из Турции в послевоенную эпоху, авторы напоминают, что ислам отнюдь не представляет собой нечто чуждое Европе. На протяжении различных исторических периодов ислам доминировал в Испании, Южной Италии, на Балканах, в Венгрии, в Южной России, на Украине, в Крыму, в Волго-Уральском регионе, сыграл внушительную роль в истории Литвы и Польши. В настоящее время в Европе существует несколько более или менее крупных мусульманских анклавов или общин. Наиболее крупный из них - это Балканы, где мусульмане живут компактными группами или преобладают: Албания, Босния и

Герцеговина, Южная Сербия и Косово, Македония, Болгария и Греция. После второй мировой войны среди балканских мусульман, особенно в Югославии, активно шел процесс трансформации мусульманской идентичности в национальную.

В Западной Европе наиболее крупная и активная мусульманская община представлена во Франции (3 млн.), состоящая в основном из выходцев из Магриба. Здесь же наблюдается самое высокое число принявших ислам европейцев. Следующей по численности мусульман страной является Германия (2-2,5 млн.), где костяк мусульманской общины составляют гастарбайтеры из Турции и стран Ближнего Востока. Авторы отмечают следующий феномен: многие запрещенные в Турции экстремистские группировки и традиционалистские течения получили возможность для существования, а также для социальной и политической активности в ФРГ, которая стала одновременно европейским центром таких движений как Нурджулук, Сюлеймани и Милли Гёрюш. В Великобритании сконцентрирована третья по численности мусульманская община ЕС (порядка 2 млн. чел.), состоящая из индоостанских переселенцев и частично африканцев. Авторы отмечают, что активность британских мусульман резко возросла во время истории с книгой Салмана Рушди “Сатанинские стихи”. В настоящее время они активно борются за открытие исламских школ и против проявлений расизма. Радикальное крыло исламистов представлено проиранской группировкой, созданной Калимом Сиддики, основателем в 1992 г. Мусульманский парламент в Лондоне. Помимо этих западноевропейских государств небольшие мусульманские общины существуют в Дании и Швеции (в основном из Турции, Ирана и Боснии; в Швеции существует также небольшая община турецких казахов), Норвегии (пакистанцы), Финляндии (татары).

“Американский ислам”

Авторы, обращаясь к ситуации с исламом в США, отмечают, что после крушения коммунизма американские стратеги попытались создать образ нового врага Америки и т.н. свободного мира, увидев его в исламе. Об исламской угрозе Западу впервые заговорил гарвардский политолог С.Хантингтон, однако уже в 1990 г. американский исламовед Б.Люис охарактеризовал подобное представление как “иррациональные”. В 1992 г. Пентагон в своем докладе идентифицировал радикальный ислам как единственную оставшуюся угрозу новому мировому порядку во главе с США. В 1996 г. Хантингтон в известной работе “Столкновение цивилизаций и пересмотр мирового порядка” обрисовал ислам как милитаризованную и агрессивную силу, призвал Запад объединиться ради сохранения своего глобального военного превосходства и сдерживания мусульманской иммиграции. В этой связи для авторов представило интерес рассмотреть ислам как одну из американских религий, чья история на этом континенте насчитывает 500 лет.

Численность мусульман в США колеблется по разным оценкам от 2 до 9 млн. чел., которые посещают более 1300 мечетей, разбросанных по всей территории страны. 70% мусульман сконцентрированы в 10 штатах: Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Нью-Джерси, Индиана, Мичиган, Вирджиния, Техас, Огайо и Мэриленд. Существуют экзотическая на первый взгляд теория, что севроафриканские мусульмане установили контакт с Новым Светом еще в доколумбову эпоху. Историк Кофи Вангара утверждает, что император Мали Абубакари II направил две экспедиции в Америку уже в начале 14-го столетия. Ливийский лидер Муамар Каддафи заявил в 1992 г., что название Америка происходит от имени арабского мореплавателя “Амир ка”. Несмотря на эти спекуляции, имена мусульман можно найти среди первых испанских экспедиций в Новый Свет. Мусульмане участвовали в них в качестве навигаторов, проводников и моряков в экспедициях конкистадоров. Первым мусульманином, чье имя сохранилось в анналах американской истории был некий Эстеванико, талантливый лингвист, оставивший документ-свидетельство контактов европейцев с цивилизацией пуэбло.

Однако массовое создание мусульманской общины в Америке связано с участием африканских рабов; затем этот процесс дополнился уже в новое время иммиграцией из различных частей исламского мира. Историк А.Д.Остин приводит калькуляции,

согласно которым около 10% ввезенных на территорию современных США рабов были мусульмане. После войны за независимость относительная численность мусульман возросла до 15-20%, так как американские плантаторы стали отдавать предпочтения рабам из Сенегамбии, региона с большим мусульманским населением. Среди проданных в рабство нередко встречались образованные в богословии люди (улама) и исламские юристы (фуаха), оставившие после себя письменные свидетельства на английском и арабском языках о ранней истории появления мусульман в Америке.

К их числу принадлежит Абдул Рахахман, военный лидер племени фульбе, проданный в 1788 г. в рабство британцами в Луизиану и получивший на плантации имя "принц". Он был крещен, но после возвращения в Африку (он был освобожден после того, как его отец спас некоего Кокса) сразу реконвертировался в ислам. Другим представителем племени фульбе был Билали, участник второй войны США с Англией в 1813 г.. Из Сенегала присылал традиционные бисмилля - введены написанные им христианские псалмы содержали традиционное бисмилля - введение к сурам корана. Другой черный раб, Джоб бен Соломон по памяти написал, будучи в рабстве, две копии корана. Однако ислам, принесенный африканскими рабами в Америку, не превратился здесь в религиозную традицию.

Возрождение ислама среди чернокожего населения в XX веке является следствием борьбы за гражданские права и поиска самоидентичности. Ключевую роль в этом сыграло убеждение в том, что ислам является африканской религией и, следовательно, частью культурного наследия афро-американцев. Культовой фигурой среди черных мусульман стала личность Билала Ибн Рабаха, черного абиссинца, приближенного Абу Бакром и ставшего близким товарищем пророка Мухаммеда. Билал был и первым в истории ислама муэдзином. Таким образом, Билал стал символом бывшего черного раба, призывающего верующих пять раз в день к намазу и ведущего человечество к Богу.

В результате роста интереса среди афро-американцев к своим исламским корням в США и Канаде половину мусульман составляют афроамериканцы. В 1960-е гг. получил развитие процесс конвертации многих известных представителей черной элиты в ислам (наиболее известный случай - превращение боксера Кассиуса Клея в Мухаммеда Али). Ядром идеологии черного ислама, который впитал в себя мистические элементы христианства, иудаизма и собственно ислама, является идея о том, что африканцы являются избранным народом. Эта концепция носила явный расовый характер и была призвана компенсировать исторический комплекс потомков черных рабов. Первая попытка провозгласить черный национализм в исламском духе имела место в 1913 г. путем создания организации Мавританский Научный Храм Ноблем Дрю Али (урожденным Тимоти Дрю, 1886-1929). После совершения паломничества в Африку Дрю получил полномочия от короля Марокко обращать афро-американцев в ислам. В 1927 г. эта организация опубликовала "Святой Коран", который носил очевидные следы плагиата и подражания госпелам. Помимо религиозной структуры была создана Мавританская Промышленная Группа, ставившая целью создание независимой черной экономики. После организации массовых расовых волнений в Чикаго в 1929 г. и последовавшего затем ареста ее лидеров эта организация распалась на несколько конкурирующих между собой сект.

Другой крупнейшей и вошедшей в историю организацией была Нация Ислама, известная больше как "Черные мусульмане". Она была основана в 1930-е гг. во время Великой депрессии выходцами с юга, переселившимися в гетто северных промышленных городов. До 1975 г. ее возглавлял "Последний Посланник Бога" Элиджа Мухаммад, затем его сын, а в настоящее время интересы североамериканских мусульман представляет в Нации Ислама Луис Фаррахан, которому удалось организовать величайшую демонстрацию в истории США - "Марш миллиона мужчин" на Вашингтон в 1995 г. Нация Ислама имеет мечети в каждом штате и за границей - Канаде, Карибских государствах, Англии, Франции, Гане, Нигерии и ЮАР. Их еженедельник имеет сегодня тираж в полмиллиона экземпляров, а лидера черных мусульман можно увидеть на 100 телевизионных каналах по всей территории США.

Учение, которое распространяет Фаррахан, базируется на концепции борьбы добра и зла. Божественное начало олицетворяется чернокожим человеком, а зло - колониализмом, расизмом, рабством, нищетой, словом всем тем, что пережили в своей нелегкой истории американские негры. Авторы приходят к выводу, что концепция "чернокожеесть божественное" является на психологическом уровне экстремальной формой перверсии т.н. позитивного мышления американцев, одним из стереотипов которого было представление о черных как о низшем слое общества. Однако идеология черных мусульман самым парадоксальным образом направлена не на равноправие рас и десегрегацию, а наоборот, утверждает превосходство черной расы и провозглашает черных отдельной нацией. Они требуют компенсации за перенесенные во времена рабства страдания, средств на создание собственного государства, имеют свой флаг (красный с белыми звездой и полумесяцем) и гимн, а также прообраз будущего теократического правительства, заседающего в "Блэк Хаусе" в Чикаго.

В организационном плане оно смоделировано по образцу настоящего правительства с департаментами финансов, образования, здравоохранения, обороны, юстиции, иностранных дел и т.д. Члены организации подчиняются строгой дисциплине и иерархии, соблюдают различные запреты, связанные в первую очередь с неупотреблением алкоголя, и усердно работают на благо организации. Во времена Э.Мухаммада Нация Ислама превратилась в самую мощную экономическую силу в черной Америке. Ей принадлежали десятки тысяч ферм, современные транспортные средства, сети ресторанов, магазинов и банков. После смерти основателя и в силу решения суда эта экономическая империя была частично приватизирована, но в последнее время она вновь медленно восстанавливается.

В эпоху рейганомики прервался процесс выравнивания уровней жизни белого и черного населения США, получивший импульс в 1960-70е гг. В 1980-90 е гг. экономический, социальный и политический разрыв между белыми и черными американцами вновь увеличился. Преступность среди афро-американцев поднялась на самый высокий в ее истории уровень. Нация Ислама, возглавляемая Фарраханом, не стоит в стороне от этого процесса и пытается привлечь внимание правительства и общественности к этим тревожным тенденциям. Помимо Нации Ислама существуют другие организации черных мусульман. Наиболее крупными из которых является Вновь Обретенная Нация Ислама, возглавляемая Силисом Экс Мухаммадом, и Сообщество Ансаару Аллах, во главе которого стоит Имам Иса.

Однако лицо современного ислама в США определяется не только черным исламом, но и представителями мусульманской эмиграции, которые принадлежат более чем к 60 национальностям. Первая волна мусульманской эмиграции пришла на 1860-й год из Сирии и Ливана и продолжалась до начала первой мировой войны. В середине 1920-х началась вторая волна мусульманской эмиграции из Старого Света, продолжавшаяся до 1939 г. Третья волна имела место с начала 1950-х гг. до середины 1960-х гг. В начале 1970-х гг. началась последняя волна, продолжающаяся до настоящего времени. Характерной чертой последней волны является преобладание эмигрантов из Азии и Черной Африки, в то время как для предыдущих было характерно преобладание мусульман из Восточной Европы и Ближнего Востока. Более 30% американских мусульман концентрируются в Калифорнии (преимущественно иранцы), Нью-Йорке (преимущественно восточноевропейцы) и Иллинойсе (арабы наряду с черными мусульманами и восточноевропейцами).

До исламской революции в Иране сунниты и шииты в Северной Америке сосуществовали и сотрудничали в рамках одних и тех же организаций. После 1979 г. начали создаваться исламские организации шиитского толка. С начала 1980-х гг. ряд исламских организаций в США начинают координировать свои усилия с тем, чтобы оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений правительством и конгрессом. Их основной целью является изменение произраильского акцента во внешней политике США. Такие группы прекрасно финансируются из Саудовской Аравии. Они враждуют с группировками, близкими к Хамасу и ООП. Афро-американские мусульмане полностью дистанцируются от исламистов-эмигрантов.

В целом, считают авторы, исламские общины в США практически не интегрируются в культурно-социальном плане в американское общество и не собираются оправдывать своим существованием теорию "плавильного котла". Решением создавшейся проблемы может быть только диалог между христианством и исламом на основе взаимного уважения и понимания с целью создания морального общества в духе этики Авраама.

Первый Суфийский Орден Запада был создан в 1910 г. и возрожден в 1960 г. Численность мусульман в Канаде оценивается в книге не более чем 200 тыс. чел. Это в основном жители крупных городов. Они объединяются вокруг 200-300 мечетей и нескольких организаций, в том числе сообщества Черный Мусульманин, представительств орденов Ахмадийя и Исмаили. В странах Центральной Америки небольшие исламские общины существуют в Тринидаде и Тобаго, Суринаме и Гайане; их основу составляют выходцы из Южной и Юго-Восточной Азии. Небольшие группы мусульман живут также в Венесуэле, Колумбии, Перу, Боливии, Парагвае, Уругвае, Чили и Аргентине, которые являются в основном потомками арабских иммигрантов. В Бразилии мусульмане, которых называют малийцами, являются потомками черных рабов.

В книге отсутствует обобщающий раздел, вероятно потому, что она создана разными авторами. К тому же роль резюме выполняет обширная вступительная статья, написанная К.Хедином, И.Сванбергом и Д.Вестерлундом, которую мы попытались изложить в начале рецензии. Попытаемся сделать выводы за авторов. Итак, довольно быстро ислам перестал быть исключительно религией арабов; этот процесс шел неразрывно с расширением халифата. Превращение ислама в мировую религию сопровождалось вовлечением многих народов Евразии и Африки в новое культурное, социально-политическое и экономическое синкретическое пространство. На основе синтеза ислама с местными культурами возникли его разновидности, самой известной из которых стал суфизм. Это философско-мистическое течение и социально-организационная практика сыграли выдающуюся роль в закреплении и распространении ислама среди многих народов, как это следует из книги и подтверждается историческими фактами. На протяжении всей истории исламской цивилизации, за исключением раннего периода, суфизм выполнял важные культурные, политические, культурные и социальные функции, влияние которых ощущается до настоящего времени.

Однако в своей истории суфизм регулярно сталкивался с враждебными или конкурирующими течениями внутри ислама. Это ваххабизм, который бросил вызов суфизму в 18 веке (эта тема во многом осталась вне книги, так как ваххабизм был в основном продуктом развития арабской части исламского мира) и который был в сущности реакцией т.н. чистого ислама на его синтезированное продолжение. Это реформизм (джадидизм и другие формы), являвшийся попыткой мусульманского мира в конце 19-го и начале 20-го вв. приспособить ислам к реалиям нового времени и организовать достойный отпор влиянию европейской цивилизации. Это, наконец, исламский фундаментализм (или исламизм, как именуют его авторы), феномен второй половины XX века, представлявший собой попытку превратить ислам в инструмент государственного и политического строительства. Таким образом, основной водораздел в исламе сегодня проходит между народами, придерживающимися суфийской традиции (Кавказ, Центральная Азия, Индия, Турция) и народами, строящими свое будущее на основе фундаментализма. И это не умозрительное заключение. Исламский фундаментализм вторгается все более в те пространства, где некогда господствовала умеренная суфийская традиция. В настоящее время исламисты атакуют в Афганистане, Чечне, Алжире, Турции, Судане и ряде других стран. На принципах исламизма уже созданы такие государства Пакистан, Иран и частично талибский Афганистан.

Исламский фундаментализм пробует заменить собой архаичные социально-политические модели, которые основаны на сохранении родо-племенных структур, господстве обычного права (адата) и в которых сильно влияние традиционной средневековой организации общества, т.е. суфийских орденов. Но, выполняя на первых

порах прогрессивную функцию, заключающуюся в ликвидации архаизмов социальной структуры, исламизм не может предложить взамен модели, отвечающей требованиям современного мира - представительной демократии и даже просто элементарных свобод, которые невозможны в условиях господства религиозных авторитетов и теократических диктатур; экономической свободы, так как все попытки создать "мусульманский социализм" или "правление справедливости" заканчивались установлением государственно-бюрократических экономик. Не решает исламизм и социальных проблем, особенно в части прав женщин.

Однако, ислам продолжает оставаться оригинальной цивилизацией, разнообразной и противоречивой, которая развивается как по своим законам, так и во взаимодействии с остальным миром, испытывая его влияние и оказывая свое влияние на него. Данное исследование представляет собой попытку, на наш взгляд - чрезвычайно удачную, дать историческую ретроспективу развития ислама в различных частях мира и показать его нынешнее состояние. Эта книга своим научным и неангажированным подходом помимо обширного, энциклопедического по характеру материала дает также читателю возможность самому представить масштабы и историческое значение ислама для человеческой цивилизации.

Мурат Лаумулин

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-КАЗАХСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ Очерки истории и культуры Армении и Казахстана с древнейших времен до становления независимых государств. Хуршудян Э., Муканова Д. - Ереван, 1999. - 385с.

Изучение культурных и исторических связей армянского народа с казахским народом недостаточно освещено в научной литературе. Существенным шагом по ликвидации этого "белого пятна" является монография двух ученых: армянского историка и дипломата Эдуарда Шагеновича Хуршудяна и его жены - нашей соотечественницы, биолога по образованию - Мукановой Даны Димкаевны.

Эдуард Хуршудян - известный специалист по арменистике и иранистике, не ограничивается описанием взаимоотношений предков современного армянского и казахского народов. В контексте этих отношений дается описание связей кыпчаков с Грузией (С. 35-39), конфликтов между Армянней и тюрками-кызылбашами Ирана в конце XIV - первой половине XV вв. (С. 66-68). Кстати, во время правления грузинской царицы Тамары кыпчаки были поселены в Армении, в местности Арич, где основали селение Хпчхаванк, и впоследствии приняли христианство, способствовали возведению монастыря Хпчхаванк в 1206 г. (С. 41, 53).

Спектр армяно-казахстанских отношений, о которых повествует книга, довольно широк это: участие кыпчаков в событиях армянской истории, сведения об армянских христианских общинах в Центральной Азии и Китае V-VII вв., сотрудничество, творческие и неформальные контакты деятелей литературы и искусства в советскую эпоху, интересные страницы о жизни и работе в Казахстане Левона Исаевича Мирзояна, современные армяно-казахстанские межгосударственные экономические связи, жизнь армянской диаспоры в Казахстане и деятельность общества дружбы и сотрудничества "Армения-Казахстан". Немало страниц посвящено воспоминаниям и поэзии современных казахстанских и армянских литераторов, что только добавляет лирический колорит и теплоту в повествование.

Автор, являясь патриотом своей страны, руководствуется основной идеей - изучить и показать влияние армянской диаспоры на экономическую, культурную, политическую жизнь Центральной Азии. Армянские источники об истории Центральной Азии сравнительно малоизвестны и автор полагает: "...исчерпывающий

корпус армянских исследований значительно обогатит центрально-азиатские исследования" (С. 102). На наш взгляд, утверждение довольно категоричное, поскольку значительная часть источников, написанных армянским письмом, известна исследователям и вовлечена в научный оборот.

Наиболее интересный раздел для казахстанского читателя - появление на Украине в XVI в. армян-кыпчакофонов, т. е. армян, перешедших в общении между собой на кыпчакский язык (С. 53-57). Дискуссии о близости армяно-кыпчакского языка какому-либо из тюркских языков не завершены. Авторы приводят мнения разных ученых насчет близости армяно-кыпчакского языка крымско-татарскому, кумыкскому, караимскому, языку "Кодекса куманикус". (С. 47, 51, 57).

Факт перехода армян Украины (Львов, Каменец-Подольск) на кыпчакский язык, который передавался знаками армянской письменности, зафиксирован сохранившимися рукописями. В этом отношении хранимые в Институте древних рукописей им. Маштоца (Ереван, Армения) источники на основе армяно-кыпчакского (армено-письменного турецкого) письма (С. 54) бесценны и дополняют арабские, персидские, китайские источники по истории средневековой истории Центральной Азии и Ирана.

История этой части армянского этноса отразила вихрь событий и взаимовлияние этносов. В домонгольский период наиболее крупный армянский очаг был в Киеве, отдельные торгово-ремесленные группы жили в Крыму (С. 52). Появление здесь армянской диаспоры было связано с нашествиями византийцев, а затем, сельджуков, в XI в. Монгольское нашествие вызвало новую волну миграции тысяч переселенцев из Армении. Оказавшись на территории Золотой Орды, армяне создали поселения в Поволжье, Крыму и Приднестровье. Кроме того, часть армян во второй половине XIII в. переселилась в Галицию, часть осталась на Подолье, Волыни (современные западные области Украины). Из Крыма оставшаяся часть армян переселилась на Украину в 1475 г., уже после захвата полуострова турками. Эта группа расселилась в Подолье, где армянские поселения имели местное самоуправление.

Армяне, в основном занятые торгово-посреднической деятельностью и ремеслом, освоили язык международного общения, которым в эпоху Золотой Орды на просторах от Иртыша до Дуная, был кыпчакский. Парадоксально, что не в Крыму, а на Украине в XVI в. армяне-носители кыпчакского языка создают армяно-кыпчакскую письменность. Колыбелью армяно-кыпчакской письменности был г. Львов. В этом городе, как показал Дашкевич Я.Р., официальное делопроизводство армянской общины переходит на кыпчакский язык в 1521г., а в 1528г. был переведен на армяно-кыпчакский Львовский судебник - кодекс армянских прав, утвержденный польским королем Сигизмундом I в 1519г. Армяно-кыпчакский язык применялся и в делопроизводстве армянской общины Каменец-Подольска (С.50). В качестве письменного этот язык исчезает в 1680-х г., а через одно-два поколения уходит из разговорного обихода. Наследие этого языка сохранилось в тысячах страниц текстов, хранимых в архивах и редких фондах (С. 55).

Надо отметить, что переход в быту на кыпчакский язык не означал ассимиляции армян, поскольку армяне-кыпчакофоны сохранили свое этническое самосознание, религию, материальную и духовную культуру.

Следует согласиться с авторами: "Объем предлагаемой книги, безусловно, не позволяет охватить все материалы, касающиеся армяно-казахстанских отношений" (С.6). Вполне логично книга завершается описанием современных армяно-казахстанских отношений, которые продолжают развиваться на уровне межгосударственных экономических и дипломатических связей.

Несомненно, что труд авторов послужит не только обогащению исторического сознания, но и дальнейшему упрочению дружеских отношений между армянским и казахстанским народами.

Талгат Исмагамбетов

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Дьяченко С.А., Кармазина Л.И. Алматы, 1999

Среди исследований, посвященных проблемам демократизации казахстанского общества, наиболее значительным представляется анализ особенностей политической модернизации. Понятие политической модернизации включает в себя формирование института партийного плюрализма, становление многопартийности, создание условий для возрастания роли политических партий, взаимодействия различных моделей политической культуры. Весь круг этих вопросов представляется актуальным как с точки зрения развития теории переходных обществ в целом, так и в рамках тех изменений, которые претерпевает Казахстан в области социальных, экономических, культурно-политических трансформаций.

В этой связи рецензируемая книга - еще один шаг в данном направлении. Этот труд является своеобразным итогом научного осмысления периода становления новой политической системы в Казахстане. Структура книги соответствует рассмотрению ключевых теоретических вопросов модернизации переходных обществ от авторитаризма к демократии. Авторами выделены в отдельные главы рассмотрение теоретико-методологических аспектов трансформационных процессов, анализ специфики модернизации политической культуры в условиях транзита, проблем партийного плюрализма и вопросов обеспечения политической стабильности и консолидации национальных отношений в Казахстане, как необходимых условий устойчивого развития.

Осмысление процессов трансформации тоталитаризма в демократию охватывает несколько взаимосвязанных теоретико-методологических задач. Во-первых, это освоение методов и подходов западной политологической науки, как наиболее разработанной. Во-вторых, это анализ реальных проблем развития постсоветских государств. Наконец, это дальнейшее развитие теории политических процессов в транзитном обществе.

В контексте этого авторами ставится вопрос о необходимости дальнейшей разработки проблем эволюции переходных процессов и идущих преобразований политических систем, в том числе в Казахстане, как внутренне разнородных, но все же отражающих единый глобальный процесс демократизации общественной жизни. Авторы отмечают, что "Содержание, переустройство общественно-политической системы современного казахстанского общества определяется в настоящее время, образно говоря, двуединым процессом - распадом, сломом старых, государственно-социалистических механизмов управления страной и созданием системы таких политических институтов, которые, типологически относясь к демократическим, по характеру формирования и деятельности обладают спецификой, присущей институту переходных обществ" (С. 19).

Особое внимание в исследовании уделяется процессам институализации политических партий в Казахстане. Авторы обосновывают детерминированность современного партийного строительства спецификой и особенностями политической культуры, характерной для демократического транзита. Одновременно выделяется ряд социокультурных, экономических факторов, опосредующих политическую культуру и партийное строительство в Казахстане. Несомненной заслугой авторов является описание прогностических сценариев дальнейшего развития политической культуры и многопартийности казахстанского общества. В частности, акцентируется внимание на том, что формирование реальных механизмов влияния политических партий на процессы развития государства и общества остается для Казахстана проблематичным. Одной из причин такого положения, по мнению авторов, является то, что современным политическим партиям в Республике Казахстан еще только предстоит пройти через процесс поэтапной трансформации корпоративных, клановых

структур, квазипартийных образований в подлинные политические партии, имеющие поддержку в среде избирателей. Процесс развития партийно-политической системы Казахстана, считают авторы, подчиняется общемировым закономерностям демократизирующихся обществ, детерминируясь в целом геополитическим положением, историческим прошлым, характером социально-экономического развития, соотношением социальных сил, менталитетом народа, этнонациональными и конфессиональными характеристиками государства. Анализ динамики развития политической культуры и партийной системы, обоснование их взаимосвязи, периодизация изменений, происшедших в политической культуре казахстанского общества, и этапы становления многопартийности в республике, выделение хронологических фрагментов генезиса отечественных партий, выявление общих закономерностей смены политико-культурной парадигмы имеют важное значение для дальнейшего исследования процессов трансформации общества и его политического реформирования.

Высказанные авторами идеи, предложенные теоретические подходы в осмыслении казахстанской ситуации являются своеобразными методологическими и теоретическими основаниями для дальнейших исследований трансформирующейся политической системы не только Казахстана, но и большинства других государств, находящихся в состоянии транзита.

Кандидат философских наук
Мара Сеитова

SUMMARY

The geopolitical frames of Central Asia: factors and threats *Gubaidullina M. Sh.*

There are the basic problems of becoming of the system of regional safety of Central Asia in the article are considered. The writer selects the basic problem moments of separate countries of locale, direction of their further progressing.

According to the question of electoral campaign in parliament of the Republic of Kazakhstan *D'iachenko S. A.*

The author concentrates attention on the election results in parliament Republic of Kazakhstan in October - November 1999r. He gives structure of political forces in parliament after the conducting of elections.

Peculiarities of electoral behavior *Ertysbaev E. K.*

The article is devoted to theoretical and practical fundamentals of the population's electoral behavior during the elections. The author tries to analyse the specific features of the elections in transitional societies, in particular, in Kazakhstan. The author gives a large attention to analyse of works of famous western and Russian Political Science schools.

On the person of Ermak *Zuev U. A.*

The given article proposes the author's version of Ermak's genesis as one of the most ambiguously valued personalities in a history of mutual relation of Russia and Steppe.

**Problem of sustainable development and symbol of One being
*Ismagambetov T. T.***

The problem of sustainable development of Nature and culture are considered in the article. The author raises the problem of sustainable development in the connection with the problem of identity between thinking and being. The main attention is given to the theoretical arguments that the One being is a symbol discovered by the ancient philosopher Parmenides. Paradigms of sustainable development should be based on the topological interpretation of that symbol. By the opinion of the author, in that way the end of ontology could come and a reevaluation of the values raised by Nietzsche becomes more feasible.

**Is the foreign companies activity on the Republic of Kazakhstan territory - a threat to economic security of the state?
*Latypaev Sh. T.***

The article examines in detail the activity of the foreign companies working in the economy leading branches of Republic of Kazakhstan, the interaction problems between TNC and state, both for region, and branch aspects, studied from economic security point of view.

Besides the work tries to reveal the republic economy dependence off the TNC, and to draw up a focused of the further possible development ways.

Unliquidity of real sector of Kazakhstani economy - a threat for the national security

Smirnov S. L.

In this article there are considered reasons of stagnation of real sector of Kazakhstani economy and is evaluated the current situation from the point of national security. The ways to restore real sector of economy are suggested in the article.

**The system of relationship between China and Central Asia states
*Syroezhkin K. L.***

The main aspects of interaction between China and new independent states of Central Asia are considered in this article. The author stresses the circumstances connecting with increasing role of modern China in Central Asian region after the falling down the Soviet Union in 1991. The author also pays attention to the main problems of Kazakhstan-China relations, including the water problem around "Black Irtysh" river and many others.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Губайдуллина Мара Шавкатовна - докторант кафедры международных отношений и внешней политики Республики Казахстан КазГУ им. аль-Фараби, кандидат политических наук, доцент

Дьяченко Сергей Александрович - депутат Мажилиса, кандидат политических наук

Ертысбаев Ермухамет Кабидинович - директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Зуев Юрий Алексеевич - ведущий научный сотрудник Института востоковедения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Исмагамбетов Талгат Танатарович - ведущий научный сотрудник отдела внутренней политики Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, кандидат политических наук

Латыпаев Шухрат Таиржанович - научный сотрудник отдела экономической безопасности Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Смирнов Сергей Леонидович - старший научный сотрудник отдела экономической безопасности Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Сыроежкин Константин Львович - заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук